

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Рыбалко Н. В.** Управление «Понизовыми городами» в период междуцарствия (1610–1613 годы) 5
- Поздняков А. Н.** Образовательная реформа Александра II по некоторым материалам «Журнала Министерства народного просвещения» 12
- Троицкий Н. А.** Дело Степана Балмашева 16
- Варфоломеев Ю. В.** Евно Азеф: провокация и террор (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) 22
- Мосолкин С. В.** Создание образа «героя-террориста» в ходе политических процессов над эсерами в 1905 году 28
- Костяев Э. В.** Защита А. Н. Потресовым и его единомышленниками своей позиции в отношении Первой мировой войны в августе 1917 года 36
- Шалаева Н. В.** Становление советской праздничной культуры и особенности её восприятия в общественном сознании 1917–1920-х гг. 44
- Барышева А. Д.** Историко-культурологическая подготовка как ресурс воспитания в непрофильном вузе 48

Всеобщая история и международные отношения

- Морозов С. М.** Импичмент против Кларендона и его значение для политической жизни Англии периода Реставрации 52
- Дербенев А. С.** О позиции руководителей США по нефтяному взаимодействию с Саудовской Аравией в 1943 году 58
- Сулейманов А. В.** Турция, Иран, США и иракский кризис 2003 года 63

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воеводы Саратова братья Иван и Михаил Волыньские (1594–1600) 67
- Мезин С. А.** 1812 год в трудах саратовских историков 73
- Майорова А. С.** Народная культура в городах Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века 79
- Шуваев Д. А.** Рационализация природопользования в елатомских имениях тамбовских дворян Давыдовых в конце XIX – начале XX столетия 85
- Гальперина Ю. С.** Семейная структура немецких поселений на Волге в середине XIX в.: опыт исследования колонии Гнилушка (Пфайфер) 88
- Герман А. А.** Политика «коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья) 94
- Соловьева Т. А.** Повседневная жизнь советского города: изменения в системе школьного и профессионально-технического образования в 1920–1930-е гг. (на примере г. Саратова) 97
- Моисейченко Л. А.** Власть и духовно-нравственное состояние общества в послевоенные годы (1946–1953): региональный аспект 102
- Аврус А. И.** Почему и как я стал историком? 106

Критика и библиография

Представляем книгу

- Рецензия на книгу Я. Н. Рабиновича «Порхов в Смутное время» 114
- Рецензия на книгу С. В. Лёвина «Судьба земского статистика» 115

Приложение

Personalia

- Креленко Н. С. И. Д. Парфенов.** Судьба историка 118

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-1185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год.

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор
Ковалева Наталия Владимировна

Корректор
Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 25.12.13.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 72.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2013

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

- на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

- должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

- не должна содержать сложные формулировки, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения» Черновой Л. Н..

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Rybalko N. V.** Management of Towns in Low and Middle Volga Region During the Interregnum (1610–1613) 5
- Pozdnyakov A. N.** Educational Reform of Alexander II on Certain Materials «Journal of the Ministry of Public Education» 12
- Troitsky N. A.** Stepan Balmashov's Case 16
- Varfolomeev Yu. V.** Yevno Azef: Provocation and Terror (on Materials Extraordinary Investigation Commission of Provisional Government) 22
- Mosolkin S. V.** Creation of a «Hero-terrorist» Image on Political Trials over Members of Revolutionary Socialists in 1905 28
- Kostyaev E. V.** The Protection of A. N. Potresov and his Adherents of Their Position Concerning the First World War in August, 1917 36
- Shalaeva N. V.** The Formation of the Soviet Festive Culture and Peculiarities of its Perception in the Public Mind in 1917–1920th 44
- Barysheva A. D.** Historic-cultural Training as a Resource in no Profile High School 48

World History and International Relations

- Morozov S. M.** Impeachment Against Clarendon and its Significance for Political Life of the Age of Restoration 52
- Derbenev A. S.** About a Position of Leaders of the USA on Oil Cooperation with Saudi Arabia in 1943 58
- Suleymanov A. V.** Turkey, Iran, USA and the Iraq Crisis of 2003 year 63

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Voivods of Saratov Brothers Ivan and Mihail Volinskyye (1594–1600) 67
- Mezin S. A.** 1812 in the Works of the Saratov Historians 73
- Mayorova A. S.** Folk Culture in the Cities of Saratov Province in the Late XVIII – First Half of the XIX cc. 79
- Shuvaev D. A.** Nature Management Rationalization in Elatomsky Estates of the Tambov Gentry Davydovs at the End of the XIX – the Beginning of the XX Century 85
- Galperina J. S.** The Research of Family Structure of German Settlements on the Volga River in the Middle of XIX-th Century: Based on «Gnilushka» Colony (Pfeifer) 88
- German A. A.** The Policy of «indigenization» in the Autonomous Republics of RSFSR during the 1920s (Based on the Materials of Autonomous Republic of the Volga Germans) 94
- Soloviova T. A.** The Daily Life of a Soviet Provincial City: Changes in a School and Vocational Education in 1920-1930-ies (by the Example of Saratov) 97
- Moiseichenko L. A.** Authority and Moral State of Society in Post-war Period (1946–1953): Regional Aspect 102
- Avrus A. I.** Why and How I Became the Historian? 106

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Book Review: Y. N. Rabinowitz «Porhov in the Time of Troubles» 114
- Book Review: S. V. Levin «A fate of zemstvo statistics» 115

Appendices

Personalia

- Krelenko N. S.** I. D. Parfenov. Life of Historian 118

Information about the Authors

121

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аврус Анатолий Ихильевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)
Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Аникин Валерий Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)
Вениг Сергей Борисович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Волкова Елена Николаевна, кандидат геол.-минерал. наук, доцент (Саратов, Россия)
Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)
Захаров Андрей Михайлович, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)
Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Лебедева Ирина Владимировна, директор Зональной научной библиотеки (Саратов, Россия)
Левин Юрий Иванович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)
Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Прохоров Дмитрий Валентинович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Федотова Ольга Васильевна, доктор хим. наук, профессор (Саратов, Россия)
Федорова Антонина Гавриловна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)
Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шатилова Алла Валерьевна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

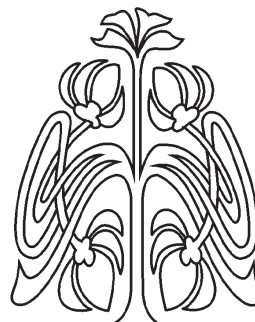
Deputy Editor-in-Chief – Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Klokov V. T. (Saratov, Russia)

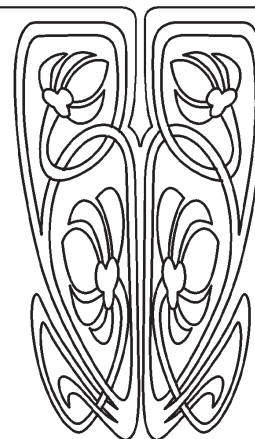
Members of the Editorial Board:

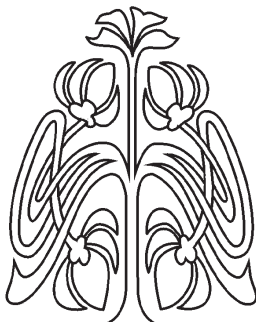
Avrus A. I. (Saratov, Russia)
Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)
Anikin V. M. (Saratov, Russia)
Balash O. S. (Saratov, Russia)
Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)
Venig S. B. (Saratov, Russia)
Volkova E. N. (Saratov, Russia)
Golub Yu. G. (Saratov, Russia)
Zakharov A. M. (Saratov, Russia)
Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)
Komkova G. N. (Saratov, Russia)
Lebedeva I. V. (Saratov, Russia)

Levin Yu. I. (Saratov, Russia)
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)
Monakhov S. Yu. (Saratov, Russia)
Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)
Prokhorov D. V. (Saratov, Russia)
Fedotova O. V. (Saratov, Russia)
Fyodorova A. G. (Saratov, Russia)
Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)
Shatilova A. V. (Saratov, Russia)
Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

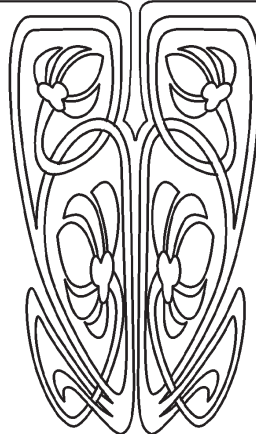
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Rayleigh Donald (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470) «08/16»

УПРАВЛЕНИЕ «ПОНИЗОВЫМИ ГОРОДАМИ» В ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ (1610–1613 годы)

Н. В. Рыбалко

Волгоградский государственный университет
E-mail: rybalko_n@mail.ru

Статья посвящена изучению истории городов Нижнего и части Среднего Поволжья в Смутное время в период междуцарствия. Автор исследует последствия подавления бунтов в поволжских городах в правление Василия Шуйского, участие ратных людей Понизового Поволжья в организации Первого и Второго ополчений.

Ключевые слова: Поволжье, Царицын, Саратов, Астрахань, Казанское государство, Смута, понизовые города, междуцарствие, стрельцы, ратные люди, Первое ополчение, Второе ополчение, Прокопий Ляпунов, Дмитрий Пожарский.

Management of Towns in Low and Middle Volga Region During the Interregnum (1610–1613)

N. V. Rybalko

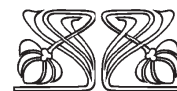
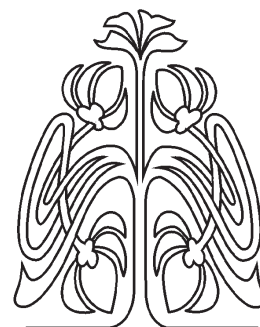
This article is devoted to the history of the towns of Lower and Middle Volga in the Time of Troubles during the Interregnum. The author investigates consequences from suppression of riots in the cities of the Volga region during the reign of Basil Shuisky, participation military men from Ponizova Volga in the organization of the First and Second militias.

Keywords: Volga, Tsaritsyn, Saratov, Astrakhan, Kazan region, time of troubles, the city of the Lower Volga, Interregnum, archers, martial people, First militia, Second Militia, Prokopy Lyapunov, Dmitry Pozharsky.

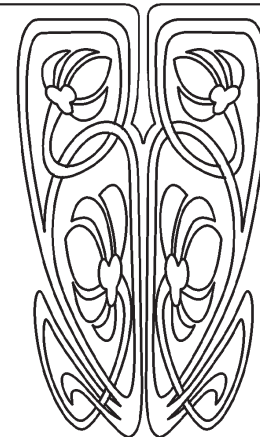
«Понизовые города», или «Понизовое Поволжье» – восточная часть «Дикого поля», включение которого в состав Российского государства происходило путем так называемого «сползания границы» во второй половине XVI–XVII вв. Территорией региона, согласно исследованию Э. Л. Дубмана, были прибрежная часть Волги и волго-яицкое междуречье, по крупнейшим рекам восточноевропейской части России – Волге (включая и ее правобережье), от устья Камы до Каспия; среднего и нижнего течения Камы и Урала (Яика), а также по северному побережью Каспийского моря¹. В источниках начала XVII в. понизовые города рассматриваются как часть области Казанского дворца или, точнее, Казанского государства, которое наряду с Новгородским государством и Московским государством входило в состав Российского государства, то есть это несколько более обширный регион, чем современные границы Нижнего Поволжья.

Освоение региона было сложным ввиду постоянной внешнеполитической угрозы со стороны Крымского ханства, а отдаленность от центра не позволяла наладить требуемого контроля. Особенно остро вопрос управления стоял в период Смуты. В регионе, населенном большей частью вольным казачеством и вновь присоединенными народами, вспыхивали бунты, появлялись многочисленные самозванцы² и даже предпринимались попытки отделиться и перейти под власть персидского шаха. И если об отдельных событиях в Астрахани, Царицыне, Саратове начала XVII в. еще что-то известно, то период Междуцарствия продолжает оставаться своего рода «темным пятном» для исследователей.

Ситуация осложнена, прежде всего, состоянием источниковой базы. Территориально подчиняясь Приказу Казанского дворца, ре-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

гион понес невосполнимую утрату от пожаров в Москве 1626 г. и 1701 г., в которых погиб весь архив Приказа. Сохранилась лишь отрывочная и разрозненная информация, обнаружение каждого отдельного факта уже является большой удачей для исследователя. К примеру, в архиве Астраханской приказной палаты, вывезенной в 30–50-е гг. XIX в. из Астрахани в Петербург в Археографическую комиссию (сейчас – в АСПБ И РАН), сохранились документы за 1590–1591, 1614–1720, 1739 и 1772 гг. Большая часть документов фонда неопубликована³. Документы фонда Царицынской воеводской канцелярии (РГАДА) датируются 1738 г. и с 1777 г. по 1784 г.⁴

В каком же состоянии регион находился к 1610 г.?

Особая судьба сложилась у понизовых городов в правление Василия Шуйского. В Астрахани большинство жителей во главе с воеводой Иваном Хворостининым не признали власти В. Шуйского, целовали крест Лжедмитрию II, вследствие чего произошли погромы сторонников В. Шуйского и убийство дьяка Афанасия Карпова.

Отправленный на усмирение волнений в Поволжье боярин и воевода Ф. И. Шереметьев с правительственным войском в результате многомесячной осады так и не смог взять Астрахани, простояв в Балчике. В октябре 1607 г. Ф. И. Шереметьеву на Балчик и воеводе Замятне Сабурову в Саратов были присланы грамоты от царя В. Шуйского с приказанием сходитьсь в Царицыне «со многою ратью, с большим нарядом и с военными пушки» для совместного похода на Астрахань. 24 октября 1607 г. войска Ф. И. Шереметьева взяли Царицын⁵. Пробыв там около года, но так и не дождался помощи. Саратов в это время (1607–1608 гг.) переживал натиск самозванческих отрядов, что стало причиной так называемого «Саратовского осадного сидения» (подробнее об этих событиях в Саратове написал Я. Н. Рабинович⁶). В сентябре – октябре 1608 г. воевода получил указание идти в Нижний. Перед уходом, по разысканиям И. О. Тюменцева, воевода приказал сжечь Царицын, а по пути и Саратов, чтобы крепости не достались изменникам⁷. Ранее бытовало предположение А. А. Герасимова, что Саратов по неизвестным причинам стал жертвой огня зимой 1613/14 гг.⁸ Ф. И. Шереметьев по пути вверх по Волге расправился и с повстанцами в Чебоксарах и Свияжске⁹.

Здесь мы находим ответ еще на один давний вопрос, породивший многочисленные споры краеведов: где же все-таки находился Царицын до уничтожения его крепости в 1608 г. – на острове или на правой стороне Волги, так называемой «Крымской», где был отстроен позже? Можно сделать осторожное предположение и привести ряд свидетельств все же в пользу второго, менее популярного в краеведческой литературе, утверждения.

1) В Нагайских делах Посольского приказа хранится отписка, в которой Ф. И. Шереметьев

докладывал в Посольский приказ в апреле 1607 г.: «А Иштерек, государь, князь и все мурзы кочуют около Царицына близко по Волге вверх и вниз, а Каракел Мамет мурза с улусом и иные многие мурзы кочуют на Царицынском острове»¹⁰. Явное территориальное противопоставление кочевий.

2) В расспросной речи толмача П. Вразского дано описание взятия Ф. И. Шереметьевым Царицына: 24 октября 1607 г. войска Ф. И. Шереметьева «Царицын город и острог взяли, и государевых изменников царицынских людей и их жен и детей побили и поймали, а иные в степь побежали». За ними послали стрелецких голов, детей боярских, сотников и стрельцов, «и головы многих воров на степи побили и поймали»¹¹. В своей челобитной П. Вразский, описывая те же события, уточнил, что «как государевы изменники из города побежали в степь, и я, холоп твой, за ними гонял до речки до Ольшанки от города семь верст и с ними бился»¹², то есть если бы Царицын был на острове, то «изменники» не смогли бы побежать в степь, а должны были бы сначала переправиться через Волгу. И второй момент. Очевидно, речь идет о речке, известной сегодня как «Ельшанка», созвучной с «Ольшанка». С. Г. Гмелин, путешествуя в 1767–1772 гг. по Волге через Царицын, сообщил, что «между Царицыным и селением Сарпинским, на западной стороне Волги ... вытекают три речки, кои вообще Ельшанками называются ... первая, вторая и третья Ельшанки. Первая в семи, вторая в двенадцати и третья в осьмнадцати верстах отстоят от Царицына»¹³. Они известны также как Верхняя, Средняя и Нижняя Ельшанки. Очевидно, «изменники» бежали как раз 7 верст до первой Ельшанки. Это на правой стороне Волги.

3) В тех же документах сохранилась история с астраханскими стрельцами, «которых пограбили люди Иштерека на Царицыном острове, где они рыбу ловили»¹⁴, то есть если бы стрельцы жили на острове, то им бы не пришлось указывать, где именно они ловили рыбу.

По наблюдениям Н. И. Костомарова, в 1607–1608 гг. воровское ополчение, шедшее вверх по Волге на Казань, состояло из татар, чуваш, черемисов, мордвы и русских детей боярских и стрельцов Алатыря, Ядринска, Арзамаса, Темникова, Касимова. Многие, считавшиеся русскими в этом краю, были инородцами по происхождению. Победы Ф. И. Шереметьева разделили инородцев: часть осталась верной Лжедмитрию II, часть перешла на сторону Василия Шуйского и примкнула к правительственным войскам, то есть против «шаек», объединивших, в том числе черемис, чувашей, мордву и татар, Ф. И. Шереметьев высылал войска, в составе которых были те же народы¹⁵.

Аналогичное наблюдение о расколе, только уже в царицынском гарнизоне в 1607–1608 гг. после взятия Царицына войском Ф. И. Шереметьева, сделал И. О. Тюменцев, основываясь на реконструированном комплексе документов архива Я. Сапеги. Часть царицынских стрельцов

присоединилась к отряду самозванца Ивана-Августа, часть влилась в состав правительственных войск после уничтожения крепости Царицын летом 1608 г.¹⁶

Как известно, крепость Царицын была отстроена заново лишь в 1615 г. воеводой М. Соловцовым. После 1616 г. по тому же проекту под руководством М. Соловцова был отстроен и Саратов.

Таким образом, в период Междоусобицы Царицын и Саратов, как города-крепости, не существовали. Этим и объясняется практически полное отсутствие информации об этих городах в источниках и в трудах местных краеведов. Значит ли это, что Царицын и Саратов «исчезают из российской истории»¹⁷, а регион полностью выпадает из исторического контекста событий разгара Смуты из-за отсутствия сведений в источниках этого периода¹⁸?

Оказывается, что это не совсем так. В текстах актов периодически встречаются упоминания об астраханских и царицынских стрельцах, о понизовых городах в целом.

Мы видим, что политическое расслоение продолжалось. Имеются свидетельства противоречивости и неоднородности политического выбора в понизовых городах. Так, в Дневнике Сапеги есть запись, что 22 февраля 1609 г. «приехали гонцы к Его Милости» (Яну Петру Сапеге) из Саратова с повинной челобитной от детей боярских, и от посадских, и от всего того саратовского уездного мира, с изъявлениями верноподданических чувств и покорности е.м. царю»¹⁹. Повинная грамота и челобитные саратовцев авторами публикации не обнаружены²⁰. А. А. Герасимов высказал большое сомнение по поводу существования в это время в Саратове посадской общины, а тем более, уезда, предположив, что в Дневнике попросту использовались штампы²¹. Сам факт свидетельствует о признании саратовцами власти Лжедмитрия II, что, в общем-то, противоречит предшествующим событиям и требует дополнительного изучения подвигших на это саратовцев причин.

Мы также видим упоминание в источниках о понизовых полках в составе войска Ф. И. Шереметьева, когда, будучи во Владимире, в мае 1609 г. воевода получил грамоту идти на помощь Троице-Сергиеву монастырю²². 8 и 9 мая 1609 г. в расспросных речах подьячего Московского судного приказа Матвея Денисова сына Чубарова говорилось, что Федор Шереметьев идет к Нижнему Новгороду, а затем к Москве «со всею понизовою силою», «а ждут на просухе, как вода сольет и конский корм поспеет»²³.

В июне 1609 г. донские и донецкие казаки, астраханские, царицынские и казанские стрельцы подали челобитную о жаловании Лжедмитрию II, описывая свою службу «царю», и вооруженных столкновениях с правительственными войсками в Костроме, Ярославле, Ростове²⁴.

В начале января 1611 г. астраханские стрельцы и «других понизовых городов» участвовали на стороне правительственных войск в военных действиях со шведами на Ладозе²⁵. Дети боярские, сотники, стрельцы и казаки астраханские и «иных понизовых городов» 11 января 1611 г. по приказу Ивана Михайловича Салтыкова посланы были на Гостино Поле в острожек, к князю Григорию Волконскому «стоять над немецкими людьми, которые сидят в Ладозе»²⁶.

Как же складывалось участие понизовых городов в дальнейших событиях? 9 января 1611 г. «всей землей Казанского государства» целовали крест Лжедмитрию II²⁷. Связано это было с приездом из Москвы Афанасия Евдокимова 7 января 1611 г., который рассказал, что в Кремле владеют всем бояре и литовские люди, устанавливают свои порядки и призывают крест целовать королю (Сигизмунду III) вместо королевича. С этим призывом бояре приходили и к патриарху Гермогену. Но патриарх им отказал, «за что чуть не поплатился жизнью»²⁸. Восстановив хронологию событий, видим, что визит к патриарху состоялся 30 ноября 1610 г. («в пятницу перед Николиным днем» – 6 декабря). Убийство Лжедмитрия II произошло 11 декабря, то есть приехавший в Казань Афанасий Евдокимов с крестоцеловальной грамотой об этом не знал, а рассказывал о событиях до убийства самозванца.

В Новом летописце также описаны данные события и сообщается, что воевода и окольный Богдан Яковлевич Бельский был против присяги самозванца, а говорил целовать крест тому, «кто будет государь на Московском государстве». Но дьяк Никанор Шульгин велел Богдана убить – «скинули Богдана с башни и убили до смерти». На третий день приехал из Калуги Олешка Тоузаков с вестью, что «вор убит, а землю прислали, чтоб быти в соединении стоять всем за Московское государство»²⁹. По мнению И. П. Ермолаева, присяга самозванцу, а также промедление в сборе ополчения, были происками казанского дьяка Никанора Шульгина, проявлявшего неустойчивую политическую позицию, «шатость» и тайное желание отделиться³⁰.

Первые призывы патриарха Гермогена не сохранились в виде грамот, есть только упоминания о них. Святейший патриарх Гермоген и московские люди писали в Рязань к «Прокофью Ляпунову и во все украинные города, и в понизовые, и словом приказывали, чтоб им, собрався с окольными городами и с повольскими, однолично идти на польских и на литовских людей к Москве»³¹.

Во второй половине января 1611 г. активизировалась переписка между городами Московского государства с призывами «не подчиняться Сигизмунду III и его сыну Владиславу и идти со всеми людьми к царствующему граду Москве». Так, Прокопий Ляпунов писал к нижегородцам: «И мы со всеми людьми и с понизовою силою, которые ныне стоят под Шацким, пойдем на Коломну, а

с Тулы – Иван Заруцкий, из Калуги боярам идти прямо к Москве. И во все, господа, понизовские города и поморские и к Андрею Просовецкому велите отписати, чтоб они все шли к царствующему граду Москве наспех с нами же в сход»³².

В ряде отписок нижегородцев к вологжанам сохранились сведения об участии ратных людей понизовых городов в сборе Первого ополчения. Между 10 и 17 февраля воевода князь Александр Андреевич Репнин шел «из Нижнего со многими ратными людьми, и с низовыми, и со всеми окольными городами Московское государство очищать»³³. В документе, составленном после 8 февраля 1611 г., перечислены основные города для сбора ратных сил страны – Владимир и Москва: «Мы, по приказу патриарха Гермогена, собрався со всеми людьми из Нижнего, и с окольными людьми, идем к Москве, а с нами многие ратные люди разных и окольных и низовых городов, и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки и всякие служивые многие люди»³⁴.

В феврале 1611 г. о том, что из понизовых городов, Казани и Нижнего ратные люди идут в сход, сообщается в отписке ярославцев к вологжанам³⁵.

После 16 февраля факт сбора ратных сил рассматривается как текущее событие. Прокофий Ляпунов писал в Нижний, а из Нижнего – в Ярославль, что «рязанские и северские города в собрание многие люди и из понизовых городов, и из Казани, и из Нижнего ратные люди многие идут в сход с ними». «И мы, – писали нижегородцы, – по совету со всеми понизовскими, и украинными, и рязанскими, и иными городами Московского государства целовали крест 16 февраля»³⁶.

Подтверждение участию понизовых городов в организации Первого ополчения мы находим и в документах противоположного лагеря – Сигизмунда III, стоявшего под Смоленском и получившего сведения о происходившем в стране в отписках московских бояр. В грамоте Сигизмунда III к боярам о единственном желании его подать помощь бедствующей России и утвердить древнюю греческую веру, составленной в феврале 1611 г., пересказываются последние полученные в лагере новости, в том числе и о том, что в Рязани Прокопий Ляпунов ссылается «с понизовыми и с северскими городами», и государских грамот (Сигизмунда III) «ни в чем не слушает», пока не будет Владислава в Москве. «А про Астрахань пишете, что и они с иными ближними городами ссылаются и лихо замышляют»³⁷.

7 марта 1611 г. из Ярославля в Казань была послана известительная грамота о происшествии в Москве, о собиравшемся в Ярославле ополчении с убеждением казанцев «к вспоможению против клятвопреступных поляков». Из-под Новгорода пришли астраханские стрельцы и «Тимофеева приказу Шарова казаки» и крест целовали, «... да с монастырей и с земель датошные многие люди и московским, и астраханским стрельцам дали жалованье. А приговор учинили крепкий: кто не

пойдет или воротится, тем милости не дати, и по городам по всем то ж укрепление писали»³⁸. «Понизовые люди пошли из Нижнего с воеводой с князем Александром Андреевичем Репниным»³⁹.

Переписка показывает, что ратные люди понизовых городов, находившиеся в тот момент в Нижнем Новгороде, приняли решение о поддержке П. Ляпунова и выступили в направлении Москвы гораздо раньше своего административного центра – Казани, куда отписки доходили долго.

В грамоте из Костромы в Казань о походе Прокопия Ляпунова и присоединении к нему костромских служилых людей сообщается, что в Костроме укрепились крестным целованьем и отпустили воевод князя Ф. И. Волконского и Т. Д. Овцына «с дворянами и с детьми боярскими, и с астраханскими атаманы и казаки, и со всякими служилыми людьми ... 24 февраля – пошли большою дорогою на Ростов да на Переславль Залесский, а сходиться им с понизовскими городами, и с Суздалем, и с Владимиром, и с Муромом, и с Рязанским с украинными городами»⁴⁰.

В начале марта ратные люди собрались под Москвой, в том числе, по сообщению ярославцев, из Нижнего с воеводой с князем Александром Андреевичем Репниным пришли понизовые люди и казанцы⁴¹.

В марте 1611 г. Сигизмунд III написал к боярам очередную обольстительную грамоту, где сообщается, что, по слухам, «Астрахань с Казанью и с иными городами, которые подошли к татарской стороне, хотят отложиться к персидскому шаху, и ныне Казань, Астрахань, черемиса и полевые города и подбельские и сибирские города, Пермь, Вятка наших грамот (Сигизмунда) ни в чем не слушают и доходов никаких к Москве не везут, во многих городах сыну нашему креста не целовали, а ждут его прихода к Москве»⁴². Возможно, слухи были не беспочвенны, и это была одна из причин, почему в Казани целовали крест о соединении с ополчением П. Ляпунова лишь после начала осады Китай-города. Либо, действительно, как говорили купцы, приехавшие из Казани, там до сих пор не известно, что происходит в Москве.

После 1 апреля казанцам был отправлен решительный призыв, обращенный к казанскому митрополиту Ефрему «и ко всем тамошним жителям», «о поспешной присылке ратных людей для отнятия у поляков столицы, а войску – денег на жалованье», «чтобы от Москвы ратные люди не разбрелись», и о побуждении к тому же «всех понизовых городов». Велено было казанцам написать в Астрахань и во все понизовые города к воеводам «и ко всяким людям» и «на Волгу, и по запольским рекам» к атаманам и казакам. Обещания были щедрые: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет всем жалованье, и порох, и свинец, а которые боярские люди – крепостные и старинные – и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и

иным казакам, и грамоты от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут»⁴³.

28 апреля в Казань из Владимира приехал князь Иван Семенович Путятин, из Ярославля – Константин Микитин Львов и посадский человек Богдан Захарьев с грамотами из Владимира, Ярославля, Костромы, а 1 мая приехали в Казань из полков из-под Москвы от бояр и воевод и от всей земли с грамотами казанцы, дети боярские Воин Левашов и Семен Перепелицын. После этого казанцы «всею землею Казанского государства целовали крест по записи, которая прислана из полков ото всей земли». «И в Свяжском, и в Чебоксарах, и во всех понизовых городех по той записи, которая прислана из полков, крест целовали же, что им с нами и со всею землею быти в любви, и в совете, и в соединении и идти на земскую службу под Москву ко всей земле». Однако денег из Казани не дали, поскольку «всяких доходов с чуваши и с черемисы с дворов ясачных и с вотчин оброчных денег не имано для смутного времени по три года ни одной денги и кабаки заперты были по многое время, и таможенных пошлин взяти было не с чего, сверху и снизу некоторых городов больших соляных и никаких судов не было». Все это указано в отписке казанцев к пермичам, полученной пермичами 12 июня 1611 г. Подлинник имеет приложение в виде списков с грамот на 19 листах и крестоцеловальной записи⁴⁴.

Таким образом, присяга Казани и понизовых городов состоялась вскоре после 1 мая 1611 г.

В августе 1611 г. после убийства П. Ляпунова началась новая волна движения в казачьих полках – намерение поставить на царство «Маринкина сына». Патриарх Гермоген в обращении к нижегородцам, полученном 25 августа, призывал, чтоб на царство «Маринкина паньина сына» не благословляли – проклят он. Об этом патриарх просил отписать в Казань, в полки, к казацкому войску, на Вологду и в Рязань⁴⁵.

В Казани получили отписку нижегородцев уже 30 августа вместе со списком с патриаршей грамоты и приговорили с митрополитом Казанским и Свяжским и «со всею землею Казанского государства на царство ... по казачью выбору проклятого Маринкина сына не хотеть ... а выбрать на Московское государство государя, сослався со своею землею, кого нам государя Бог даст»⁴⁶.

Самозванческая интрига продолжала развиваться в нескольких направлениях. В той же грамоте бояр в Ярославль сообщается, что «Иван Заруцкий с товарищи государя себе обирает, по своей воровской воле таких же воров казаков, называя государскими детьми калужского вора сына». «А иной вор, будто Дмитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского вора убил, а называется будто тот вор прямой, который преже сего убит на Москве, роурига Гришка Отрепьев»⁴⁷.

В конце января – начале февраля 1612 г. арзамасские воевода Иван Путятин и дьяк

Степан Козадавлев в отписке курмышскому воеводе (Смирному) Елагину призывали выслать на земскую службу всяких служилых людей во Владимир, остановить литовских людей, собирающихся к походу из Ростова в Москву. Велели также отписать в Казань, Свяжский, в Чебоксары «и во все понизовые городы для ратных людей поспешанья»⁴⁸.

9 февраля в Курмыш Смирному Васильеву пришла грамота от казанских дьяков Никанора Шульгина и Степана Дичкова с приказанием не верить арзамасской отписке, которую писали князь Иван Путятин и Степан Козадавлев, так как в Арзамасе «стрельцы заворовали, дворян и детей боярских и жилецких всяких людей и животов побивают и вешают, на пытках пыгают и огнем жгут, и заводят воровство, и ворихе Маринке и ее сыну хотели крест целовать». Ратных людей во Владимир посылать не следовало, а идти в Нижний Новгород в сход верховых и низовых городов⁴⁹.

В отписке нижегородцев к вологжанам февраля – марта 1612 г. содержится призыв от имени князя Дмитрия Пожарского снова собраться всей землей против польских и литовских людей для освобождения столицы. В документе говорится, что из Нижнего Новгорода «всякие люди, сослався с Казанью и со всеми понизовыми городами, и с поволскими» идут на помощь Московскому государству с князем Дмитрием Пожарским⁵⁰.

В то же время из Коломны в Астрахань со смутными грамотами приехал астраханский сотник Томило Есипов. Марина Мнишек писала смутные грамоты в Кизылбаши. Но Дмитрий Пожарский предостерегал не верить смутным грамотам: «А мы, свестясь с Казанью и с понизовыми городами, собрався со многими ратными людьми, идем на польских и литовских людей, которые ныне стоят под Суздалем. А из Казани, из Свяжского и из Чебоксар и изо всех понизовских городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими и как будут все понизовые и верховые города в сходе вместе, и мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст»⁵¹.

Представители от Казанского государства, Нижнего Новгорода и «ото всех понизовых городов» казанец С. И. Левшанов, нижегородец Н. Г. Соломонов и казанский мурза К. Я. Муравлев в апреле 1612 г. были в составе посольства в Новгород для переговоров с Яковом Делагарди о возможности призвания на престол шведского королевича⁵².

В апреле же 1612 г. в состав Второго ополчения вошла «казанская рать» под командованием В. П. Морозова, находившаяся до этого под Москвой среди остатков Первого ополчения⁵³.

12 мая 1612 г. бояре и воеводы, собравшись «с зарецких, северных, замосковных городов, со стрельцами, казаками, с казанскими и всех понизовых городов с князи, мурзы, татары, со всякими

служилыми людьми» уже стояли под Москвой и в Ярославле⁵⁴.

Особую роль в освобождении Москвы еще современники приписывали ополчению Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Так, в грамоте Дмитрия Пожарского, написанной в августе 1612 г., в кратком пересказе событий, предшествовавших сбору Нижегородского ополчения, говорится: «Государство Московское было в розни, северские города были особе, а Казанское и Астраханское царства и понизовые города были особе, а во Пскове был вор...». А потом избрали «к ратным и земским делам» стольника и воеводу Д. М. Пожарского «за правду, дородство и храбрость»⁵⁵. Однако приведенные выше документы свидетельствуют, что понизовые города вместе с Казанским царством приняли активное участие и в организации Первого ополчения.

Еще одним интересным документом, на который следует обратить внимание, является жалованная грамота на вотчину, данная Кузьме Минину 20 января 1615 г., за службу в 1611 г. с указанием его заслуг. «Когда ратные люди многие от литовского разоренья, скудости от Москвы разъехались, он, Кузьма, в Нижнем Новгороде и в понизовых городех, собрав денежную казну с Нижнего, понизовых, верховых, поморских и со всех городов и ратных всяких разоренных людей подмогал, ... и ратные с бояры и воеводы люди стояли под Москвой безотступно и государство очистили»⁵⁶, то есть понизовые города даже отмечены дважды. Удивление вызывает, каким образом К. Минину с казаками удалось собрать средства в разоренном регионе, когда, как отмечено было выше, даже в государеву казну в Казани средства три года не поступали?

Итак, анализируя упоминания участия жителей городов Понизового Поволжья в событиях периода Междоусобицы, представляется следующее. В 1607–1608 гг. на Нижней Волге – в Астрахани и Царицыне – в среде воеводской и приказной администрации, стрельцов и жителей городов произошел политический раскол общества по вертикали по вопросу признания и непризнания власти Василия Шуйского. Оппозиция, ввиду необходимости организованных выступлений, объединялась в отряды быстро появившихся самозванцев. Но, скорее, это был только способ протеста В. Шуйскому. Противостояние вылилось в вооруженное столкновение с правительственными войсками Ф. И. Шереметьева, в которых только в Астрахани на тот момент удалось удержать власть восставшим или, с точки зрения правительства, «изменникам». Крепости Царицына и Саратова были сожжены, а ратным людям и стрельцам пришлось также делать свой политический выбор.

Постепенно власть В. Шуйского, а впоследствии и Боярского правительства, теряла свой авторитет в Поволжье, и мы видим показатель этого – присяга жителей Саратова Лжедмитрию II в 1609 г. и спустя два года присяга Казани тому

же самозванцу, но с опозданием – уже после его смерти. Свержение с престола Василия Шуйского и смерть Лжедмитрия II автоматически ликвидировали причину политического противостояния в городах Поволжья. Общенародная идея борьбы с внешним врагом – польскими и литовскими людьми – за сохранение целостности Московского государства объединила ратные силы и материальные запасы городов. Часть ратных людей и стрельцов Волжского Понизовья, присоединившись к правительственным войскам еще в 1608 г., стали вливаться в состав ополчения П. Ляпунова отдельными отрядами на начальном этапе складывания ополчений – в феврале – марте 1611 г., за два месяца до того, как все Казанское государство крест целовало.

Призыв Второго ополчения попал уже на подготовленную почву. И хотя, по словам Дмитрия Пожарского в письме к императору Рудольфу, «из дальних мест, из Сибири и из Астрахани в год едва приезжают» – это было явно иносказательным преувеличением. Самозванческие идеи, тем не менее, продолжали хождение в регионе, и, к примеру, в Арзамасе и Курмыше в феврале 1612 г. вполне реально рассматривали вопрос о сборе сил в поддержку «Маринкина сына» Ивана воренка. Дальнейшее развитие идея получила в Астрахани весной 1613 г. при поддержке Ивана Заруцкого, после избрания на престол Михаила Романова. В период же сбора Второго народного ополчения Дмитрий Пожарский старался занимать нейтральную позицию в отношении кандидатуры будущего царя, во всех грамотах писал о возможности выбора государя только Советом Всей Земли, что позволяло всем городам Российского государства объединяться.

Примечания

- 1 См.: Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2000. С. 3–4.
- 2 См.: Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия : движение Лжедмитрия II. М. : Наука, 2008. С. 134 ; Усенко О. Г. Казаки и самозванцы в период Смуты // Мининские чтения : сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород : Кварц, 2012. С. 65–77.
- 3 См.: Кусаинова Е. В. История Царицына в XVII в. по документам Астраханской приказной палаты // Стрелец : науч. ежегодник. Вып. 4. Волгоград : Издатель, 2004. С. 429.
- 4 См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА) : Путеводитель : в 4 т. М. : Древлехранилище, 1996. Т. 3, ч. 1. С. 374.
- 5 См.: Гневушев А. М. Акты времени правления царя В. Шуйского (1606–1610 гг.) // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Вып. 2. М. : Изд-во ОИДР, 1915. № 93. С. 170.

- 6 См.: Рабинович Я. Н. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 92–98.
- 7 См.: Тюменцев И. О. Начало Царицына : гипотезы и факты // Стрежень : науч. ежегодник. Вып. 1. Волгоград : Издатель, 2000. С. 140–141 (ссылка на отписку самарского воеводы кн. Д. П. Пожарского в Астрахань, апрель 1614 г., АСПБ ИИ РАН).
- 8 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. С. 197.
- 9 См.: Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 81–82.
- 10 Гневушев А. М. Акты ... № 93. С. 169.
- 11 Там же. № 96. С. 170.
- 12 Там же. С. 204.
- 13 Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. Путешествие из Черкасска до Астрахани и пребывание в сем городе : с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. Сталинград : Краевое книгоизд-во, 1936. С. 278.
- 14 Гневушев А. М. Акты ... № 93. С. 183.
- 15 См.: Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Собр. соч.: в 8 кн., 21 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. Кн. 2. Т. V. С. 373.
- 16 См.: Тюменцева Н. Е., Тюменцев И. О., Тупилова Н. А. Документы архива Яна Сапеги о судьбах жителей Царицына в Смутное время // Стрежень : науч. ежегодник. Вып. 4. Волгоград : Издатель, 2004. С. 420–428.
- 17 См.: Самойлов Г. П., Супрун В. И. Царицынские картинки : воеводы и коменданты. Волгоград : Издатель, 2002. С. 53.
- 18 См.: Тюменцев И. О. Смута в понизовых городах в 1604–1614 годах // Российская история. 2012. № 5. С. 19.
- 19 Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) / сост. И. О. Тюменцев, М. Яницкий, Н. А. Тупилова, А. Б. Плотников. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2012. С. 97.
- 20 Там же. С. 351.
- 21 См.: Гераклитов А. А. Указ. соч. С. 195–196.
- 22 Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее : АИ) : в 5 т. Т. 2. (1598–1613 гг.). СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 2, № 227. С. 268.
- 23 Там же. № 212. С. 249.
- 24 Там же. № 239. С. 281.
- 25 Там же. № 316. С. 373.
- 26 Там же. № 316. С. 373.
- 27 См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией императорской академии наук (далее : ААЭ) : в 4 т. СПб. : в тип. 2-го отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 2, № 170 (1). С. 291.
- 28 Там же. № 170 (2). С. 292.
- 29 Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14, № 249. С. 105.
- 30 См.: Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 85–88.
- 31 Подвиг Нижегородского ополчения : в 2 т. Т. 1. Нижний Новгород : Книги, 2011. 624 с. № 45. С. 80 ; № 49. С. 88–92. Отписка без крестоцеловальной записи.
- 32 Там же. № 37. С. 65 ; № 44 (II). С. 75–77. Идентичный текст, в конце второго отмечено, что из Соликамских бумаг.
- 33 Там же. № 39. С. 67.
- 34 Там же. № 41. С. 70 ; № 46. С. 83–84.
- 35 ААЭ. Т. 2, № 179. С. 305.
- 36 Подвиг Нижегородского ополчения... № 45. С. 80 ; № 49. С. 88–92. Отписка без крестоцеловальной записи.
- 37 Там же. № 47. С. 84–86. См. также: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД) : в 4 ч. Ч. 2. М.: Тип. Селивановского, 1819. № 235. С. 504–506.
- 38 Там же. № 51. С. 98. См. также : СГГД. Ч. 2, № 241. С. 519.
- 39 Там же. № 61 (II). С. 125. См. также : ААЭ. Т. 2, № 188. С. 323–324.
- 40 Там же. № 54. С. 102. См. также : СГГД. Ч. 2, № 242. С. 520–521.
- 41 Там же. № 55. С. 104. См. также : ААЭ. Т. 2, № 183. С. 313.
- 42 Там же. № 56. С. 106. См. также : СГГД. Ч. 2, № 243. С. 521–522.
- 43 Там же. № 57. С. 108–111. См. также : СГГД. Ч. 2, № 251. С. 535–537.
- 44 Там же. № 61. С. 119–121 ; № 59. С. 112–114. См. также : ААЭ. Т. 2, № 188. С. 318–320 ; СГГД. Ч. 2, № 256. С. 541–542.
- 45 Там же. № 68. С. 142–143. См. также : СГГД. Ч. 2, № 268. С. 567–568.
- 46 Там же. № 69. С. 143–144. См. также : ААЭ. Т. 2, № 194. С. 332–333.
- 47 Там же. № 88. С. 167. См. также : СГГД. Ч. 2, № 277. С. 582–588.
- 48 Там же. № 89. С. 170–171.
- 49 Там же. № 94. С. 174–175.
- 50 Там же. № 102. С. 185–188. См. также : ААЭ. Т. 2, № 201. С. 338–341.
- 51 Там же.
- 52 Там же. № 143. С. 283.
- 53 Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 95.
- 54 Подвиг Нижегородского ополчения... № 107. С. 202. См. также : СГГД. Ч. 2, № 278. С. 588.
- 55 Там же. № 127. С. 253 ; Акты времени междуцарствия (1610 г., 17 июля – 1613 г.) // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Вып. 3. М. : Изд-во ОИДР. 1915. С. 56.
- 56 Подвиг Нижегородского ополчения ... № 171. С. 321.

УДК 37.014.3|18/19|+070+929 Александр II

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА АЛЕКСАНДРА II ПО НЕКОТОРЫМ МАТЕРИАЛАМ «ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»

А. Н. Поздняков

Саратовский государственный университет
E-mail: alnikproz@mail.ru

Главным периодическим изданием в сфере образования России в XIX– начале XX в. являлся «Журнал Министерства народного просвещения». Он публиковал как официальные документы, так и разнообразные научно-методические материалы. Большое внимание журнал уделял освещению деятельности по реализации образовательной реформы императора Александра II. Опубликованные материалы раскрывали содержание нормативных документов, составлявших основу реформы, показывали их значение для развития системы образования. Большой интерес представлял подробный анализ активных дискуссий о путях развития образования, различных точек зрения по этим проблемам. В числе главных стояли задачи качественного совершенствования начального и среднего образования, существенного роста сети учебных заведений, создания для этого соответствующих условий. «Журнал Министерства народного просвещения» уделял этим вопросам необходимое внимание. Для современных исследователей он стал важным историческим источником.

Ключевые слова: образовательная реформа, начальное народное училище, гимназия, учительская семинария, университет.

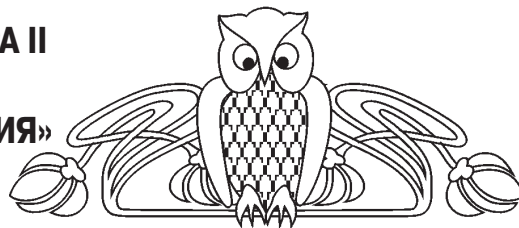
Educational Reform of Alexander II on Certain Materials «Journal of the Ministry of Public Education»

A. N. Pozdnyakov

The main Russian publication in the XIX– early XX century, which focused on education, was the «Journal of the Ministry of Public Education». Magazine published official documents and a variety of scientific and methodological materials. Much attention is paid magazine problems implementation of educational reforms of Alexander II. Disclose the content of the published material regulatory documents that formed the basis of the reform, showing their importance for the development of the education system. Of great interest was the detailed analysis of the extensive discussions about the development of education, different points of view on these issues. Heads-governmental matters tasks were necessary to improve the quality of primary and secondary education, a substantial growth of the network of educational institutions, establish relevant conditions. «Journal of the Ministry of Public Education» to give these issues the necessary attention was. For modern researchers magazine became an important historical source.

Key words: education reform, elementary public school, gymnasia, teacher's seminary, university.

«Журнал Министерства народного просвещения» – во многом уникальное периодическое издание. Его истоки восходят к 1803 г., когда вскоре после создания Министерства народного просвещения начали публиковаться «Периоди-

ческие сочинения об успехах народного просвещения». Они издавались до 1819 г. С 1821 по 1824 г. выходил «Журнал Департамента народного просвещения». Впоследствии он был заменен на «Записки Департамента народного просвещения». В 1834 г. периодическое издание начало новый этап своего развития. Оно существенно изменилось качественно и получило название «Журнал Министерства народного просвещения». Издавался журнал более 80 лет, вплоть до 1917 г.

Журнал представлял собой массивное, многостраничное издание, выходившее, как правило, четыре раза в год. Его содержание условно делилось на две основные части. Первую составляли официальные документы, среди которых Высочайшие повеления и приказы, министерские распоряжения, приказы министра народного просвещения, различного рода официальные статьи и известия. Вторую часть составляли разнообразные научные и научно-методические материалы.

Таким образом, в течение более чем векового периода «Журнал Министерства народного просвещения» не только доводил до сведения своих читателей все важнейшие нормативные документы сферы образования, но и проводил большую работу по разъяснению задач, встававших перед образованием, знакомил с путями их реализации.

Важнейшим шагом по развитию российской системы образования явилась реформа Александра II. Она коснулась всех уровней образования, но наиболее существенные изменения произошли в области начального и среднего образования. «Журнал Министерства народного образования», естественно, не мог не стать источником, разъясняющим цели, задачи и главные направления реформы.

Одним из первых нормативных актов, которые легли в основу реформирования образования, стало Высочайше утвержденное 14 июля 1864 г. «Положение о начальных народных училищах»¹. Вскоре после его принятия в «Журнале Министерства народного просвещения» появился развернутый материал под заголовком «По поводу нового положения о начальных народных училищах»². В нем подчеркивалось, что новое положение содержало нормы, «существенно отличные по своему духу и направлению» от всех до сих пор издававшихся законоположений.

Среди главных идей, содержащихся в документе, журнал выделил намерение «ускорить развитие просвещения в простонародии не по-

нудительными, а поощрительными мерами». Данная идея, по мнению журнала, вытекала из объективной неготовности России того периода, в отличие ряда европейских стран, к введению обязательного образования. В связи с этим новое положение не содержало норм, введивших «принцип обязательности учения ни личной, ни общинной».

Другая важная установка, которая содержалась в положении, ориентировала на то, чтобы «прекратить ныне существующий антагонизм по делам учебным как между отдельными правительственными ведомствами, так и между училищами правительственными и частными, и соединить разрозненную деятельность в отношении народных училищ разных ведомств, православного духовенства и будущих земских учреждений». Путь реализации данной идеи, как утверждалось в «Журнале Министерства народного просвещения», состоял в предусмотренном «Положением о начальных народных училищах» учреждении уездных и губернских училищных советов, полномочия которых были весьма широкими. В состав советов должны были входить представители всех заинтересованных ведомств. Журнал выражал надежду, что в результате «во взглядах на учебное дело установится необходимое для его успеха единство».

Следующая важная мысль, содержащаяся в «Положении о начальных народных училищах», состояла, по мнению «Журнала Министерства народного просвещения», в желательности «избежать по возможности централизации и бюрократического управления училищами». Авторы анализируемой статьи считали, что существовавшие до принятия нового положения народные училища страдали от централизации и бюрократического управления. Новое положение, по уверениям журнала, устраняло централизацию народных училищ. В хозяйственном отношении они должны были управляться городскими и сельскими обществами, частными лицами и ведомствами, «на счет которых они учреждены»; в педагогическом отношении – подведомственны училищным советам, которые, как утверждалось в статье, «вовсе не имеют характера бюрократических учреждений».

Среди главных идей, которые «Журнал Министерства народного просвещения» выделял в «Положении о начальных народных училищах», было стремление «сделать учение по возможности свободным, предоставив как обществам, так и частным лицам, большой простор в заведении училищ и облегчить желающим доступ к учительской должности». До принятия нового «Положения о начальных народных училищах» действовавшие в России нормативные акты устанавливали жесткие правила относительно участия в образовательной деятельности частных лиц и обществ. На деле же эти нормы повсеместно нарушались. Так, журнал подчеркивал, что закон о недопущении к обучению лиц, не

имеющих на то права, на практике вовсе не исполнялся: «не только в селениях, но и в городах, обучением постоянно занимались и занимаются лица, не имеющие требуемых законом свидетельств – отставные солдаты, писаря, грамотные мещане и крестьяне и т. п.». Теперь же обучать в народном училище могли все лица, однако для этого они должны получить особое разрешение уездного училищного совета на звание учителя или учительницы.

Таковы были нововведения, привнесенные новым «Положением о начальных народных училищах», которые «Журнал Министерства народного просвещения» выделил в качестве главных. При этом нельзя было не заметить некоторого скептицизма в оценке новшеств со стороны журнала. В нем подчеркивалось, что опыт в скором времени покажет, в какой степени главные начала, принятые на основе нового «Положения о начальных народных училищах», смогут «содействовать делу развития народного образования».

Другим основополагающим нормативным актом, который лег в основу образовательной реформы Александра II, стал Высочайше утвержденный 19 ноября 1864 г. «Устав гимназий и прогимназий»³. Откликаясь на его появление, «Журнал Министерства народного просвещения» опубликовал обширный материал «По поводу нового устава гимназий и прогимназий»⁴. Он был ориентирован на то, чтобы обратить внимание на существенные изменения, которые были введены новым уставом в «гимназическое устройство» и на «основные начала», которыми руководствовались разработчики устава.

Журнал давал высокую оценку месту гимназий в российской системе образования. Исходя из того что воспитанники гимназий всегда составляли в университетах и других высших учебных заведениях значительное большинство, журнал заявлял, что «недостатки и достоинства гимназий имеют и будут иметь огромное влияние на успехи нашего высшего и специального образования». По мнению журнала, еще более важными были гимназии для «многочисленного разряда молодых людей», которые не поступали в университеты и другие высшие учебные заведения, а посвящали себя «государственной службе или другим отраслям общественной деятельности».

Комментируя главные положения, которые в соответствии с новым уставом легли в основу жизнедеятельности гимназий, «Журнал Министерства народного просвещения» особое внимание уделил содержанию гимназического образования. Было отмечено, что в Европе, наряду с классическими гимназиями, существовавшими с XVI в., появились и гимназии реальные. Сходство между этими типами учебных заведений заключалось в том, что они имели целью «дать молодым людям общее развитие и приготовить их к высшему научному образованию». Различие же состояло в том, что «классические гимназии дают такое

развитие и подготовка, главным образом, с помощью изучения древне-классических языков и литератур, а реальные стараются достигнуть той же цели чрез изучение наук математических и естественных». Классические гимназии готовили своих учеников к «высшим научным занятиям в университетах», а реальные – «к таким же занятиям в специальных учебных заведениях».

Сопоставляя европейский опыт развития среднего образования и запросы, формировавшиеся в российском обществе, в журнале были сформулированы в связи с этим три главных вопроса:

1) следовало ли повсеместно учредить одни классические гимназии и вовсе отказаться от реальных училищ?

2) следовало ли в случае признания необходимости реальных гимназий оставить в них преподавание латинского языка?

3) следовало ли по образцу Франции и Бельгии устроить в одних и тех же гимназиях и классические, и реальные отделения?

В ответ на первый вопрос в журнале было отмечено, что если гимназии должны служить подготовительными заведениями не только для университетов, но и для других «высших специальных училищ», то и преподавание в них «должно быть распределено соответственно этой двойной цели». Вместе с тем, подчеркивалось, что «гимназии старались с помощью одних и тех же средств достигнуть той и другой цели; в результате оказалось, что они их достигали самым неудовлетворительным образом». В конечном итоге новый устав ввел норму (§ 2), в соответствии с которой «по различию предметов, содействующих общему образованию, и по различию целей гимназического обучения, гимназии разделяются на классические и реальные».

Формулировка ответа на второй вопрос основывалась на утверждении о том, что латинский язык имеет «образовательную силу» только в том случае, если «он изучается серьезно, когда для его преподавания назначено достаточное, сравнительно весьма значительное число уроков». В противном случае польза от изучения латинского языка «весьма сомнительная». Исходя из того, что реальная гимназия должна была развивать силы и способности учеников «преимущественно с помощью математических и естественных наук», в новом уставе «по примеру австрийского, баварского и цюрихского уставов» латинский язык был вовсе устранен из ее учебного плана (§ 40 «Устава гимназий и прогимназий»).

При ответе на третий вопрос журнал опирался на европейский опыт, который показывал, что «в училищах, разделяющихся в высших классах на реальное и классическое отделения, эти два существенно отличные друг от друга направления плохо уживаются между собою». В силу этого и было признано целесообразным иметь «реальные гимназии и прогимназии совершенно отдельные от классических».

Ориентация правительства на существенное расширение сети учебных заведений и качественное развитие содержания образования неизбежно вела к возникновению кадровой проблемы, связанной с подготовкой учителей как для народных училищ, так и для гимназий. По публикациям «Журнала Министерства народного просвещения» можно определить основные мероприятия по решению кадровой проблемы в сфере общего образования, осуществлявшиеся в исследуемый период.

В 1865 г. журнал опубликовал «Материалы по вопросу о приготовлении учителей начальных народных училищ»⁵. В них отмечалось, что впервые этот вопрос был поднят в период царствования императрицы Екатерины II. Тогда активно осуществлялась государственная политика по созданию в стране системы народного просвещения. Массовое появление народных училищ потребовало подготовки квалифицированных учительских кадров. В этих целях в Санкт-Петербурге в 1786 г. была создана учительская семинария. «Журнал Министерства народного просвещения» подчеркивал, что это был «первый рассадник, имевший специальною целию приготовление учителей для народных училищ и устроенный на разумных педагогических началах». Однако учительская семинария просуществовала недолго. В 1801 г. она была закрыта, а появившийся через два года Педагогический институт был ориентирован на подготовку учителей исключительно для гимназий. Как отмечал журнал, с этого времени дело приготовления учителей народных училищ, «так прекрасно начатое, остановилось надолго».

В первой половине 1860-х гг. в период подготовки образовательной реформы естественным образом возник вопрос о подготовке учителей для нарождающихся народных училищ. Однако мнения о путях решения кадровой проблемы разделились. Некоторые считали «излишним приготовление особых учителей» и полагали, что дело народного просвещения «должно быть всецело вверено духовенству». Большинство же, по уверению «Журнала Министерства народного просвещения», считало подготовку учителей для народных училищ «делом решительно необходимым, делом первостепенной важности, без которого прочные успехи народного образования немислимы».

Ученым комитетом Министерства народного просвещения, после тщательного изучения различных предложений, были выдвинуты проекты двух способов подготовки учителей: путем устройства особых учителей семинарий и путем учреждения педагогических курсов при уездных училищах. Оба проекта были опубликованы в «Журнале Министерства народного просвещения» в качестве соответствующих разделов указанных выше «Материалов по вопросу о приготовлении учителей начальных народных училищ». Надо сказать, что идея учреждения

педагогических курсов при уездных училищах практически сразу была отвергнута, а проект положения об учительских семинариях серьезно обсуждался.

Несмотря на наличие разработанных проектов подготовки учителей для народных училищ, на деле процесс затянулся. Это было связано с различными причинами идеологического, политического и экономического характера. Только в 1870 г. было утверждено положение об учительских семинариях. Официально это было Высочайше утвержденное Положение о Молодечненской учительской семинарии от 17 марта 1870 г.⁶ Данное учебное заведение в порядке опыта было создано в 1864 г. в Виленской губернии сроком на 4 года на основе высочайше утвержденного положения⁷. Известный исследователь истории отечественного образования В. В. Григорьев в своем «Историческом очерке русской школы», изданном в 1900 г., говоря о Молодечненской учительской семинарии, отмечал, что в царствование императора Александра II она являлась «первою семинариею с чисто народным характером и с теми учебными предметами, знание которых необходимо для православного народного учителя русского начального училища. ...Эта семинария послужила образцом для устройства последующих учительских семинарий...»⁸. Положение о Молодечненской учительской семинарии стало нормативной базой для подобного рода учебных заведений, открывавшихся в тот период.

Следует подчеркнуть, что число учительских семинарий, соответственно и количество выпущенных ими специалистов росло быстрыми темпами. По данным, приведенным в исследовании Н. Н. Кузьмина, в 1882 г. в России насчитывалось уже 48 таких учебных заведений. За период с 1878 по 1882 г. ими было выпущено 3 733 молодых специалиста, подавляющее большинство из которых, 3 593 человека, пошли работать в школы⁹.

Серьезно стоял вопрос о подготовке учителей и для гимназий. В 1865 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» были опубликованы «Материалы по вопросу о приготовлении учителей для гимназий и прогимназий»¹⁰, в которых этот вопрос получил соответствующее освещение.

Кадровая проблема в сфере гимназического образования возникла практически сразу с появлением этих учебных заведений. В начале XIX в. в соответствии с образовательной политикой императора Александра I началось формирование единой системы образования, важнейшей составной частью которой должны были стать гимназии. С целью подготовки для них учителей при существовавших тогда Московском, Казанском и Харьковском университетах были созданы педагогические институты. В Санкт-Петербурге, где еще не было университета, был создан отдельный педагогический институт. После создания в 1819 г. Санкт-Петербургского университета педагогический институт слился с ним, а позже

вновь был открыт в качестве самостоятельного учебного заведения.

К началу 1860-х гг. данная система подготовки учителей перестала соответствовать потребностям. Существовавшие педагогические институты были закрыты. «Журнал Министерства народного просвещения», ссылаясь на доклад Главного управления училищ, выделил основные причины того, почему этими структурами не были достигнуты ожидавшиеся от них цели. Причины состояли в том, что в институты, во-первых, часто поступали молодые люди, не имевшие «ни способностей, ни склонности к педагогическим занятиям». Во-вторых, в самих институтах будущие педагоги «почти исключительно занимались научным своим образованием и не имели необходимой для них педагогической практики».

Взамен закрывшихся институтов в соответствии с Высочайше утвержденным 20 марта 1860 г. положением¹¹ при университетах были открыты педагогические курсы. Поясняя положительные моменты данного нововведения, «Журнал Министерства народного просвещения» отмечал, что они были направлены на «предотвращение» тех недостатков, которые имела прежняя система подготовки учителей. Теперь, как объяснял журнал, на курсы принимались «молодые люди, уже окончившие университетский курс и избравшие сознательно поприще педагогическое». Срок обучения составлял два года, в течение которого «кандидаты-педагоги» должны были заниматься изучением «избранного ими отдела наук» и «курса педагогики». Кроме того, с целью получения практического опыта они должны были посещать находящиеся в городе гимназии, «присутствуя при уроках и участвуя в самом преподавании». Более того, «Положение о педагогических курсах» устанавливало порядок (§§ 13, 14), в соответствии с которым обучавшиеся на курсах причислялись к одной из гимназий университетского города и подчинялись их руководству «наравне с преподавателями».

Вскоре после начала работы педагогических курсов стали очевидны их определенные недостатки. По инициативе министра народного просвещения в университетах и попечительских советах учебных округов было организовано обсуждение предложений об улучшении дела подготовки учителей. «Журнал Министерства народного просвещения» постарался осветить выдвинутые предложения и раскрыть характер их обсуждения. Представив подробный анализ широкого спектра высказанных мнений, журнал сформулировал их и в обобщенном виде. Суть главных предложений состояла в следующем:

– учреждение особого высшего учебного заведения, имеющего целью подготовку учителей для гимназий и прогимназий, признано излишним, дело это возложено на университеты;

– подготовка учителей должна начинаться «в продолжение университетского курса». Студенты,

изъявившие желание посвятить себя педагогической деятельности, должны слушать лекции, «наравне с прочими студентами». Кроме этого, они слушают лекции по педагогике и «имеют особые занятия, приспособленные к будущему их назначению»;

– по окончании университетского курса «учительские кандидаты» должны причисляться на один год к гимназиям для практических занятий.

Норма об обязательности наличия у учителя гимназии университетского образования была закреплена «Уставом гимназий и прогимназий». В документе, принятом в 1864 г., подчеркивалось (§ 26), что преподавать в этих учебных заведениях могли лица, «имеющие одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса и свидетельства о выслушании особого педагогического курса». Это требование было подтверждено и принятым в 1871 г. новым уставом¹². В нем заявлялось (§ 52), что к преподаванию в гимназиях и прогимназиях могли допускаться лица, «имеющие одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса и выдержавшие установленное на звание учителя гимназии испытание».

Таким образом, в числе главных направлений образовательной реформы Александра II было качественное совершенствование начального и среднего образования, существенный рост сети учебных заведений, создание для этого соответствующих условий. «Журнал Министерства народного просвещения» как главный печатный орган в сфере образования того периода уделял этим вопросам необходимое внимание, став для современных исследователей важным историческим источником.

Примечания

¹ См.: Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах. 1864. Июля 14 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : В 55 т.

- Т. XXXIX. Отд-ние первое. СПб., 1867. С. 613–617.
- ² По поводу нового положения о начальных народных училищах // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. Ч. СXXXIII. Отд. IV. С. 29–46.
- ³ Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 1864 год. Ноября 19 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX. Отд-ние второе. СПб., 1867. С. 167–179.
- ⁴ По поводу нового устава гимназий и прогимназий // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. Ч. СXXXIV. Отд. IV. С. 1–99.
- ⁵ Материалы по вопросу о приготовлении учителей начальных народных училищ // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. СXXXVI. Отд. IV. С. 1–20.
- ⁶ Высочайше утвержденное Положение о Молодечненской учительской семинарии. 1870. Марта 17 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XLV. Отд-ние первое. СПб., 1874. С. 270–272.
- ⁷ Высочайше утвержденное Положение Молодечинской учительской семинарии. 1864. Июня 25 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX. Отд-ние первое. СПб., 1867. С. 545–549.
- ⁸ Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М., 1900. С. 448.
- ⁹ См.: Кузьмин Н. Н. Учительские семинарии в России и их место в подготовке учителей начальной школы. Курган, 1970. С. 73.
- ¹⁰ Материалы по вопросу о приготовлении учителей для гимназий и прогимназий // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Часть СXXXVI. Отд. IV. С. 21–90.
- ¹¹ Высочайше утвержденное Положение о педагогических курсах. 1860. Марта 20 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXV. Отд-ние первое. СПб., 1862. С. 256–262.
- ¹² См.: Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 1871 год. Июля 30 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XLVI. Отд-ние второе. СПб., 1874. С. 85–99.

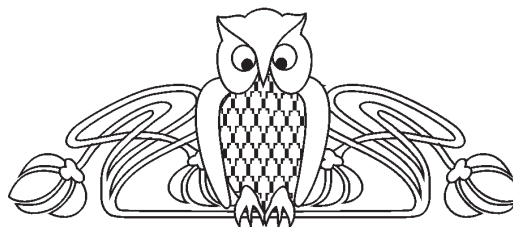
УДК 94(47).083+343.13(470–89)|1902|+929+Балмашев

ДЕЛО СТЕПАНА БАЛМАШЕВА

Н. А. Троицкий

Саратовский государственный университет
E-mail: izdat@sgu.ru

В статье рассматривается один из самых громких судебно-политических процессов в России начала XX в., где был вынесен смертный приговор эсеру С. В. Балмашеву (сыну известного саратовского народника В. А. Балмашева) за убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина – теракт, положивший начало так называемому «центральному террору» эсеров, жертвами которо-

го стали такие столпы царского режима, как еще один министр внутренних дел В. К. Плеве, московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович, главноком Черноморского флота адмирал Г. П. Чухнин и др.

Ключевые слова: царизм, эсеры, «белый» террор, «красный» террор, суд, казнь.

Stepan Balmashev's Case

N. A. Troitsky

In the article one of the loudest judicial and political processes in Russia in the early XX century is discussed, where the Social Revolutionary S. V. Balmashev was sentenced to death penalty (he was son of the famous saratovnarodnik V. A. Balmashev) for the murder of the Minister of Interior D. S. Sipyagina – terrorist attack, which initiated the so-called «Central terror» of the Social Revolutionaries. The victims were such pillars of the tsarist regime, as another Minister of Interior V. K. Pleve, Moscow governor-general grand prince Sergei Alexandrovich, the Black Sea Fleet Commander Admiral G. P. Chuhnin etc.

Key words: tsarist government, Social Revolutionaries, «white terror», «red terror», death penalty.

26 апреля 1902 г. в Петербурге состоялся судебный процесс, который вызвал сенсационные отклики, прежде всего в столице Российской империи, а также в Саратове, и громким эхом отозвался по всей России и даже за ее пределами. В тот день Петербургский военно-окружной суд рассмотрел дело Степана Балмашева и вынес ему приговор: смертная казнь через повешение.

Степан Валерианович Балмашев был потомственным революционером, народолюбом и тираноборцем. Его отец, Валериан Александрович Балмашев, родился в 1853 г. в семье мелкого саратовского чиновника. С 1874 г., будучи студентом Московского университета, он активно включился в народническое движение, вел пропаганду среди рабочих, 18 апреля 1876 г. был арестован и до февраля 1879 г. содержался в тюрьме, а затем пять лет отбывал ссылку в Холмогорах и в Пинеге Архангельской губернии. В Пинеге он женился на акушерке Марии Николаевне, и 3 апреля 1881 г. (то был день казни главных героев народничества – Андрея Желябова и Софьи Перовской) у них родился сын Степан¹. По одной из версий Балмашев-сын был назван в честь Степана Разина. Однако О. Н. Дмитриева резонно считает более достоверным сообщение саратовского народника И. И. Майнова о том, что Балмашев-отец (с которым Майнов был хорошо знаком) назвал сына «в честь своего ближайшего друга Степана Ширяева» – члена Исполнительного комитета «Народной воли», первого руководителя динамитной лаборатории ИК, т. е. предшественника в этом качестве гениального Н. И. Кибальчича².

Вернувшись из ссылки весной 1884 г. в Саратов с женой и трехлетним сыном, Валериан Балмашев вскоре вновь занялся народнической пропагандой среди местных рабочих и в 1899 г. вторично был арестован и сослан, на этот раз в Вятскую губернию, откуда вернулся в Саратов летом 1902 г. Умер он в Саратове 23 октября 1903 г., через полтора года после того как в Шлиссельбургской каторжной тюрьме был казнен его сын. Похороны Валериана Александровича превратились в многотысячную демонстрацию: по

свидетельствам очевидцев, гроб с его телом провозжали на кладбище массы горожан: «все улицы, тротуары, все было заполнено на большое расстояние, на каждом углу народу все прибавлялось»³. Саратовцы несли за гробом множество венков, в том числе: «Достойному отцу великого сына»⁴.

В одном из писем В. А. Балмашева (от 22 июня 1897 г.), разысканном в архиве Саратовского областного музея краеведения и опубликованном О. Н. Дмитриевой, читаем о его 16-летнем сыне: «У меня сын Стёпка перешел в VII класс (1-й Саратовской гимназии. – Н. Т.). Учится хорошо. Я выхлопотал ему «Кольчевскую стипендию» – 250 руб. в месяц⁵. Так что могу и околеть, не боясь за него: обеспечен до окончания университета. <...> К удовольствию моему, замечаю в нем симпатичные мне черты. Так, по окончании экзаменов он просил меня дать ему ученика или ученицу бесплатную («я не хочу отбивать заработок от бедных, я все же вот получаю стипендию», – добавил он). И теперь он готовит одну девицу, сестру слесаря с железной дороги в сельские учительницы»⁶. По воспоминаниям матери Степана Балмашева, он был чутким и ранимым, очень добрым («не только курицу резать не мог, но и не мог видеть, как другие курицу режут»)⁷.

По окончании Саратовской гимназии, в 1899 г., Степан поступил в Казанский университет, где пережил мировоззренческий кризис. Результат кризиса он сам формулировал так: «Непримиримое, нетерпимое отношение ко всему марксистскому и благоговение перед всем народническим сменилось на разумное, критическое отношение к тому и к другому»⁸. На 2-м курсе он перевелся в Киевский университет, все более тяготая не к идейным исканиям, а к политической борьбе с царским режимом, и здесь принял не просто активное, а руководящее участие в студенческих волнениях. За это 7 декабря 1900 г. он был исключен из университета, а 23 января 1901 г. арестован и после двухмесячного заключения сдан в солдаты. Однако в июле того же года его по состоянию здоровья освободили от военной службы и даже приняли в сентябре обратно в Киевский университет⁹.

Между тем именно в сентябрьские дни 1901 г. только что созданная Боевая организация партии социалистов-революционеров, которая тогда подбирала надежные кадры для задуманных ею террористических акций против столпов царизма, обратила внимание на Степана Балмашева как перспективного боевика и предложила ему войти в ее ряды – сразу «на активную роль»¹⁰. Балмашев согласился и через полгода осуществил по заданию Боевой организации ее первый, сразу вошедший в историю теракт – против министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина...

Главный каратель империи («Дикая Свинья», как расшифровывали его инициалы обыватели) Сипягин, по обвинительному заключению эсеров,

«из всех царских слуг и народных угнетателей больше всех просился под пулю. Он запретил печатать в газетах о голоде¹¹, запретил допускать к голодающим кого бы то ни было, кроме чиновников: пусть лучше мрут крестьяне с голоду, лишь бы не проникла к ним вместе с хлебом и правда о социалистах, о народной воле! Он приказал полиции беспощадно избивать всех студентов и рабочих, которые собирались толпами на улицах и требовали, чтобы царь дал народу свободу. Он в одной Москве за такие уличные собрания сразу 100 человек сослал без суда в Сибирь и 700 посадил в тюрьму. На него падет кровь десятков рабочих, застреленных солдатами на Обуховском заводе в Петербурге в мае 1901 г. и в Батуми в нынешнем году».

2 апреля 1902 г. в 13 часов Балмашев в адъютантском мундире с погонями поручика¹² прибыл в карете к подъезду Мариинского дворца (где размещался Совет министров). Войдя в вестибюль дворца, он осведомился у слуг, здесь ли министр внутренних дел, сказав им, что он должен передать министру бумагу от великого князя Сергея Александровича¹³. Узнав, что министр должен быть с минуты на минуту, Балмашев подождал, а когда появился во дворце Сипягин, подошел к министру со словами: «У меня бумага для Вашего высокопревосходительства от великого князя Сергея Александровича». Министр переспросил: «От кого?», и в то же мгновение Балмашев, отступив на шаг, двумя выстрелами в упор смертельно ранил министра, после чего «громко и твердо» заявил «растерявшимся от неожиданности и ужаса слугам: “Так поступают с врагами народа!”»¹⁴.

Таков был, по выражению американской исследовательницы Анны Гейфман, «террористический дебют Боевой организации» эсеров¹⁵. Корифей российской адвокатуры М. Л. Мандельштам подметил, что Балмашев содеял этот дебют «с красивой удалью»¹⁶.

Убийство Сипягина произвело в правящих верхах, как об этом свидетельствовал жандармский генерал А. И. Спиридович, «потрясающее впечатление: власти в полном смысле слова не знали, что, как, откуда и почему»¹⁷. Николай II 2 апреля 1902 г. записал в дневнике: «Печальный день <...> Трудно выразить, кого я потерял в этом честном, преданном человеке и друге»¹⁸.

Русская легальная пресса, кроме немногих рептилий, громко оплакавших «Дикую Свинью», молчала о покушении Балмашева, но бесцензурные отечественные и зарубежные издания разных направлений (к примеру, в Германии – социалистическая «Vorwärts», демократическая «Frankfurter Zeitung», левобуржуазная «Die Welt am Montag», даже правобуржуазная «Berliner Tageblatt») оправдывали, если не приветствовали, его как действенный протест против деспотизма¹⁹.

Между центральными органами партий эсеров («Революционная Россия») и социал-демократов («Искра») разгорелась полемика.

«Искра» утверждала (правда, без каких бы то ни было доказательств), что Балмашев «до самого последнего времени был социал-демократом» и, естественно, «не был социалистом-революционером»²⁰, а «Революционная Россия» и подключившийся к этой полемике независимый орган революционного студенчества газета «Студент» привели бесспорные доказательства, включая заявление самого Балмашева, о его принадлежности к Боевой организации социалистов-революционеров²¹. Главное, «Искра» признавала, что теракт Балмашева «возбудил симпатии всех, кто угнетен и возмущен игом деспотизма, даже принципиальных врагов террора – социал-демократов»²². Впечатление от его теракта было тем сильнее, что Балмашев «не сделал попытки скрыться после убийства Сипягина, принеся тем самым в жертву и себя самого»²³.

Судебный процесс по делу Балмашева был, в своем роде, «генеральским»: председательствовал генерал-лейтенант барон Н. Д. Остен-Сакен, а в роли прокурора выступал другой генерал-лейтенант В. П. Павлов. Оба они, сам-друг, в феврале 1904 г. будут судить создателя и руководителя Боевой организации эсеров Г. А. Гершуни, а Остен-Сакен в августе 1906 г. – еще и З. В. Коноплянникову²⁴.

По авторитетному мнению автора 5-томной «Истории царской тюрьмы» М. Н. Гернета, «в кровавой истории военных судов царизма нет более «прославленного» имени, нежели имя Владимира Павлова – этого палача в мундире генерал-лейтенанта»²⁵. Здесь уместно сказать о судьбе «этого палача»: 27 декабря 1906 г. он был убит рядовым матросом Николаем Егоровым, который на следующий же день (!) был повешен. Николай II на полях доклада военного министра об убийстве Павлова начертал слова горькой скорби о «невознагражденной утрате верного и стойкого человека»²⁶.

На суде перед такими церберами самодержавия, как Павлов и Остен-Сакен, Балмашев вел себя героически. В последнем слове он заявил: «В свою защиту ничего говорить не стану. Хочу только ответить на ваш вопрос о том, кто был моим сообщником, кто мне помогал. Единственным моим сообщником и помощником было русское правительство. Я не отрицаю, что и раньше, еще со школьной скамьи, равно как и в бытность мою в университете, я вел противоправительственную пропаганду, но никогда не стоял за террор и за насилие. Напротив, я всегда был сторонником правового порядка и конституции. Русские министры убедили меня, что права и законности в России нет, что вместо них безнаказанно царят беззаконие, произвол и насилие, против которых можно бороться только силой»²⁷.

Ответ Балмашева на вопрос суда о том, почему, из каких соображений он убил Сипягина, сочувственно цитировался даже в социал-демократическом «Летучем листке»: «Спросите всех

русских людей, почему не убили до сих пор. Почему я убил – для всех слишком ясно»²⁸.

Балмашев знал, что смертный приговор ему неизбежен, и в чисто юридической защите не нуждался. Но авторитетный адвокат был нужен ему для того, чтобы как можно выигрышнее подчеркнуть политический смысл и вес его дела. Поэтому он воспользовался своим правом на приглашение защитника и выбрал Н. П. Карабчевского²⁹. «Балмашев <...> просил меня защищать его, но письмо его не застало меня, я был на защите в Одессе», – вспоминал Карабчевский³⁰. Тогда Балмашев пригласил В. О. Люстига – одного из старейших и наиболее уважаемых адвокатов, который восемь лет подряд, с 1890 по 1897 г. (это рекорд в истории русской адвокатуры), избирался председателем Петербургского совета присяжных поверенных. Вильгельм Осипович Люстиг (1843–1915 г.) – родной брат народовольца Фердинанда Люстига, осужденного на 20 лет каторги по делу «20-ти»³¹, сам отсидевший два месяца в Петропавловской крепости за участие в студенческих волнениях 1861 г.³², сохранил в глубине души с юности и навсегда нетерпимость к деспотизму и произволу.

В закрытом заседании военного суда по делу Балмашева, жестко контролируемый двумя генералами – главным судьей и прокурором, Люстиг сделал все возможное для своего подзащитного. Он не только вел доверительные беседы с самим Балмашевым, но и встречался до и после суда с его матерью, рассказывал ей: «Ваш сын держался прекрасно, с большим достоинством. Он очень хорошо, убедительно говорил»³³. Защиту, по всей видимости, в принципе согласованную с Балмашевым, Люстиг вел уважительно к личности и убеждениям подсудимого.

Вот как излагала нелегальная печать содержание его защитительной речи: «Защитник Люстиг, признавая виновность своего клиента, в то же время осуждал правительство. Русская жизнь является ненормально тяжелой, особенно для народа. Ничего не проникает в печать, никто ничего не знает. Люди, преданные престолу, во всем винят подпольную пропаганду; с другой стороны, люди недовольные во всем винят верховную власть. Для людей сложившихся и с установленными характерами положение дел не оказывает влияния на их поступки; другое дело – люди, подобные его клиенту. Таким образом, правительство само создает себе врагов и должно вину за катастрофы, как убийство Сипягина, *принять на себя*».

Далее защитник указывал на то, что, «живя в России, не знаешь, каким законам подлежишь. Пусть законы будут строго и неумолимо карать, но необходимо знать, каким законом будут тебя судить. В прошлом году совершеннолетний Карпович предан был гражданскому суду и приговорен к ссылке в Сибирь. В следующем году несовершеннолетний Балмашев³⁴ предается военному суду и карается смертной казнью». Отметим, что

военный суд над несовершеннолетним назначен «без всякого основания», Люстиг просил (как явствует из последующего, – *против воли* Балмашева) «милости к подсудимому»³⁵.

Суд приговорил несовершеннолетнего Балмашева к смертной казни через повешение. В тот же день мать осужденного, Мария Николаевна Балмашева, вероятно, с помощью Люстига (который, естественно, считал своим долгом использовать все предоставленные законом возможности для сохранения жизни своему подзащитному), подала прошение о помиловании сына на «высочайшее имя». Далее, по совокупности данных нелегальной прессы, события развивались так.

Николай II заявил председателю Комитета министров И. Н. Дурново, что он помилует Балмашева, если прошение будет от имени самого осужденного. Дурново поспешил в камеру смертника к Балмашеву и долго уговаривал его подать прошение о помиловании. Балмашев отказался наотрез. «Я вижу, что вам труднее меня повесить, чем мне умереть, – ответил он на все уговоры. – Никаких милостей от вас мне не надо. Одного только прошу: чтобы дали мне веревку покрепче – вы даже и вешать не умеете как следует»³⁶. Дурново потом скажет М. Н. Балмашевой: «У вас не сын, а кремень»³⁷. Впрочем, соратники Балмашева характеризовали его еще выразительнее: «Необычайной целостная натура, как бы вырубленная из одного куска гранита»³⁸.

На рассвете 3 мая 1902 г. в Шлиссельбургской крепости Степан Валерианович Балмашев был казнен. К месту казни он шел в сопровождении жандармского полковника Яковлева, который 3 апреля 1881 г., в день, когда родился Балмашев, сопровождал на казнь Андрея Желябова и Софью Перовскую³⁹. Тот же Яковлев доложил о казни Балмашева командиру Корпуса жандармов в шифрованной телеграмме от 3 мая и в подробном донесении, которое опубликовано Е. Е. Колосовым в 1930 г. Вот его текст: «В дополнение телеграммы за № 81 доношу Вашему сиятельству⁴⁰, что сего числа в 4 часа утра был приведен в исполнение приговор над осужденным государственным преступником из дворян Степаном Валериановым Балмашевым, согласно 963 ст. Уст [ава] уг [оловного] суд [опроизводства]. За полчаса до совершения казни Балмашеву было предложено – не пожелает ли он видеть священника для напутствия перед смертью, но он отказался, заявив: “Не желаю”, и хотя священник сопровождал его на место казни, Балмашев отказался даже приложиться к св. кресту, сказав: “С лицемерами дела не желаю иметь”⁴¹. По выполнении над ним смертной казни через повешение он оставался не снятым (с виселицы. – *Н. Т.*) 25 минут, после чего, по констатировании смерти врачом вверенного мне управления Рудневым, труп казненного был положен в гроб и сегодня вечером будет предан погребению на месте казни, совершенной на малом дворе Старой тюрьмы»⁴².

То, как вели на казнь Балмашева смотритель крепости, комендант и начальник гарнизона, жандармы во главе с полковником Яковлевым, чиновник судебного ведомства, а потом – как они возвращались с места казни к воротам тюремного двора (но не самую казнь), видели из окон своих камер узники Шлиссельбурга: Вера Фигнер, Герман Лопатин, Николай Морозов, Михаил Ашенбреннер и др. Много лет спустя Вера Николаевна вспоминала: «Когда они вышли из ворот нашего двора, <...> тот, который носил значок судебного ведомства, обернулся лицом к нам, к окнам, в которых не мог не видеть прильнувших побледневших лиц наших. Обернулся лицом широким, хорошо упитанным и улыбнулся... улыбнулся нахально, самодовольно и вызывающе»⁴³.

Е. Е. Колосов так прокомментировал воспоминание Фигнер: «Из рапорта полковника Яковлева мы знаем, что перед самой казнью некий товарищ прокурора Кибирев искушал Балмашева змеиным вопросом, не желает ли он дать какие-либо показания, на что Балмашев ответил ему категорическим отказом и затем до самой смерти не произносил более ни слова. Не этот ли Кибирев был тем самым, со «значком судебного ведомства», о котором пишет В. Н. Фигнер?»⁴⁴.

Кстати, Вера Фигнер запомнила и такую сцену: когда каратели вели Балмашева к виселице, «один из жандармов, по обязанности сопровождавший начальство на место казни, в воротах цитадели, когда надо было переступить порог, схватился за грудь и проговорил: «Ваше благородие, не могу! Увольте! Не выдержу... Не могу...»»⁴⁵.

Теракт Степана Балмашева положил начало т. н. «центральному террору» партии социалистов-революционеров, жертвами которого стали (наряду с прочими) такие столпы царского режима, как еще один, после Сипягина, министр внутренних дел – В. К. Плеве, московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович, петербургский градоначальник В. Ф. фон дер Лауниц, главнокомандующий Черноморского флота адмирал Г. П. Чухнин. Отсчет «центрального террора» эсеров принято начинать именно с Балмашева, поскольку его предшественник П. В. Карпович, отправивший на тот свет 14 февраля 1901 г. министра просвещения М. П. Боголепова, был беспартийным, да и Боголепов не принадлежал к столпам царизма. Главное же, в феврале 1901 г. Боевой организации эсеров еще не было.

Возможные последствия дела Балмашева как начала «центрального террора» российские революционеры прогнозировали по-разному. Эсеры и близкие к ним противники самодержавия, вроде бывшего народовольца В. Л. Бурцева, приветствовали такое начало. «Пропаганда его дела, – писал Бурцев о Балмашеве, – переросла из рук его ближайших друзей в миллионы рук <...> Таким образом, факт так называемого «индивидуального», а не «массового», террора Балмашева

оказался связанным бесчисленными нитями с идейной жизнью страны, более тесно связанным, чем десятки самых удачных массовых стачек и демонстраций»⁴⁶. Но социал-демократы, хотя и одобряли самый факт убийства «Дикой Свиньи», насторожились. Самый авторитетный из них в то время Г. В. Плеханов усматривал опасность для судеб революционного движения в том, что «встретив горячее сочувствие в обществе, «терроризм» стремится сделаться господствующим приемом борьбы, отодвинув на задний план все другие»⁴⁷.

Дальнейший ход событий показал, что, в принципе, плехановские опасения не оправдались – террор не стал «господствующим приемом борьбы» в революциях и 1905, и особенно 1917 г. Но индивидуальный теракт Балмашева стимулирующе повлиял на массовое движение: именно в знак протеста против казни Степана Балмашева 5 мая 1902 г. в Саратове была организована первая за всю историю города уличная политическая демонстрация под лозунгами как эсеров («В борьбе обрешь ты право свое!»), так и социал-демократов («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). На одном из знамен было начертано имя Балмашева⁴⁸. Среди участников демонстрации был поднадзорный А. И. Рыков (будущий глава Советского правительства), арестованный после разгона демонстрации, но освобожденный до суда «по недостатку улики»⁴⁹. Суду были преданы 15 активистов демонстрации, в том числе П. И. Воеводин (впоследствии видный деятель КПСС, член ВЦИК 5–6-го созывов, Герой Социалистического Труда) и Е. Н. Ошанина (дочь члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» М. Н. Ошаниной). Суд вынес арестованным участникам этой *мирной* демонстрации суровый приговор: семь человек, включая трех женщин, были сосланы в Сибирь⁵⁰.

Итак, «господствующим» и решающим средством борьбы в освободительном движении против царизма на заключительном этапе были не индивидуально-террористические, а массовые действия. Главным вершителем трех революций в России стал НАРОД. Но и те его представители – из числа самых преданных и самоотверженных *народолюбцев*, таких как Сергей Кравчинский и Софья Перовская, Петр Карпович и Степан Балмашев, Егор Созонов и Иван Каляев, – которые жертвовали собой, отвечая «красным» террором на «белый» террор царизма во имя народного освобождения, тоже содействовали революционному подъему, хотя и не вполне оправданной, слишком дорогой ценой.

Примечания

¹ См.: Дмитриева О. Н. Письма из фондов Саратовского областного музея краеведения о Степане и Валериане Балмашевых // Освободительное движение в России. Саратов, 2009. Вып. 23. С. 136–139.

- 2 *Дмитриева О. Н.* Письма из фондов... С. 136.
- 3 Там же. С. 140.
- 4 ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1903. Д. 1894. Л. 11.
- 5 Стипендия бедным дворянским детям, которая выплачивалась на доходы с земельного участка саратовского помещика, героя Отечественной войны 1812 г. С. В. Колычева (1791–1836), согласно его завещанию.
- 6 *Дмитриева О. Н.* Цит. публ. С. 138.
- 7 *Смирнов А. И.* Валериан Александрович Балмашев // Каторга и ссылка. 1926. № 2. С. 246.
- 8 Памяти С. В. Балмашева. Сб. Женева, 1902. С. 13–14.
- 9 Подробно об этом см.: *Ракитникова И. И.* К биографии С. В. Балмашева // Былое. 1924. № 24. С. 140–146.
- 10 Памяти С. В. Балмашева. С. 33.
- 11 Речь идет о голоде 1901 г., охватившем десятки российских губерний.
- 12 А не генерал-адъютанта, как сообщает К. В. Гусев в книге «Партия эсеров» (М., 1975. С. 56).
- 13 Сергей Александрович Романов (1857–1905) – вел. кн., дядя Николая II (сын Александра II), московский генерал-губернатор. Убит эсером И. П. Каляевым в Московском Кремле.
- 14 Подробности теракта Балмашева цитируются по обвинительному акту (Памяти С. В. Балмашева. С. 36).
- 15 *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 73.
- 16 *Мандельштам М. Л.* 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 70.
- 17 *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники (1886–1916). 2-е изд. Пг., 1918. С. 127.
- 18 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 244. Л. 66.
- 19 См.: Памяти С. В. Балмашева. С. 23, 29–31; Искра. № 1–52. Полный текст под ред. П. Н. Лепешинского. Л., 1928. Вып. 5. С. 76.
- 20 Искра. Вып. 5. С. 77; Вып. 6. С. 149.
- 21 См.: Революционная Россия. 1902. № 7. С. 5–7; № 11. С. 24; Студент. 1903. № 1. С. 17.
- 22 Искра. Вып. 5. С. 76.
- 23 *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 158.
- 24 Коноплянникова Зинаида Васильевна (1879–1906) – сельская учительница, член партии социалистов-революционеров. 13 августа 1906 г. застрелила кровавого усмирителя декабрьского восстания в Москве 1905 г. генерала Г. А. Мина. Повешена 29 августа 1906 г. Вторая в России женщина (после Софьи Перовской), окончившая жизнь на виселице.
- 25 *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. 3-е изд. М., 1961. Т. 3 (1870–1900). С. 121.
- 26 Там же. С. 122–123.
- 27 Карпович и Балмашев перед судом. Берлин, 1902. С. 51–52.
- 28 Летучий листок группы «Борьба». 1902. № 1. С. 2.
- 29 Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) – один из лучших адвокатов России, «Самсон русской адвокатуры», как называли его современники. Защищал на различных процессах Г. А. Гершуни, Е. С. Созонова, М. Т. Бейлиса.
- 30 *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 43.
- 31 Процесс «20-ти» (9–15 февраля 1882 г.) – самый представительный из всех (более 80-ти) судебных процессов партии «Народная воля»: суду были преданы 11 членов и 9 агентов Исполнительного комитета партии. Десять смертных приговоров по этому делу вызвали взрыв протеста со стороны международной общественности.
- 32 См.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1927. Т. 1, ч. 2. С. 225.
- 33 *Ракитникова И. И.* Указ. соч. С. 144.
- 34 В день покушения на Сипягина Балмашеву еще не исполнилось 21 года – совершеннолетия по царским законам.
- 35 Убийство трех министров. СПб., 1906. С. 29.
- 36 Балмашев имел в виду общеизвестные факты, когда трое декабристов (К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, П. Г. Каховский) и народоволец Т. М. Михайлов срывались с виселицы и палачи вешали их вторично, а Михайлова – трижды.
- 37 Памяти С. В. Балмашева. С. 37–38.
- 38 Там же. С. 5.
- 39 См.: *Колосов Е. Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург. 2-е изд. М., 1930. С. 232.
- 40 Командиром Корпуса жандармов был тогда князь П. Д. Святополк-Мирский. Князей титуловали «сиятельствами».
- 41 В. О. Люстиг передал эти слова Балмашева его матери в иной редакции: «Вы держите крест, а сами человека распинаете» (*Ракитникова И. И.* Указ. соч. С. 145).
- 42 Цит. по: *Колосов Е. Е.* Указ. соч. С. 236. См. также о казни С. В. Балмашева: *Владимиров В.* Очерки современных казней. М., 1906. С. 250–253.
- 43 *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания: в 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 204.
- 44 *Колосов Е. Е.* Указ. соч. С. 236.
- 45 *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 204.
- 46 *Бурцев Вл.* Социалисты-революционеры и народовольцы // Народоволец. 1903. № 4. С. 17.
- 47 *Плеханов Г. В.* Смерть Сипягина и наши агитационные задачи // Соч. 2-е изд. М., б. г. Т. 12. С. 200–201.
- 48 См.: *Мандельштам М. Л.* Указ. соч. С. 70.
- 49 *Гусакова З. Е.* Саратовский период биографии А. И. Рыкова // Советские архивы. 1989. № 2.
- 50 Правительствующий Сенат // Право. 1903. № 7. С. 469–472; № 8. С. 543–547.

УДК 94(47).083+929 Азеф

ЕВНО АЗЕФ: ПРОВОКАЦИЯ И ТЕРРОР (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена одной из самых зловещих фигур революционной эпохи России, двойного агента и провокатора, «архитектора» террора – Е. Ф. Азефа. Автор, привлекая ранее не вводившиеся в научный оборот материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, проводит историко-психологический анализ личности и деятельности Евно Азефа.
Ключевые слова: Е. Ф. Азеф, провокатор, секретный агент, терроризм, Чрезвычайная следственная комиссия.

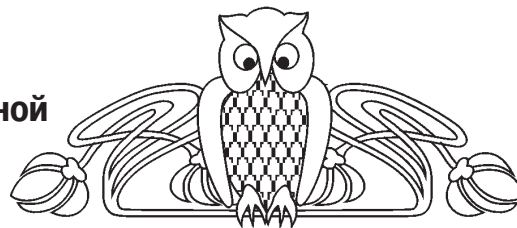
**Yevno Azef: Provocation and Terror (on Materials
Extraordinary Investigation Commission of Provisional
Government)**

Yu. V. Varfolomeev

The article discusses the phenomenon of one of the most sinister figures of the revolutionary era in Russia, a double agent and provocateur, «architect» terror – EF Azef. By using materials of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government, holds a historical and psychological analysis of personality and activity Yevno Azef.
Key words: E. F. Azef, provocateur, secret agent, terrorism, Extraordinary Investigation Commission.

С нарастанием волны революционного террора и повышением «верхней планки» статуса его жертв стало очевидно, что покушения на высших сановников империи в первом десятилетии XX в., очевидно, были совершены при содействии чинов политической охраны, и поэтому не случайно с думской трибуны прозвучало сенсационное, но справедливое утверждение в том, что «Никто не сомневается теперь, что убийства министра внутренних дел Плеве, Уфимского губернатора Богдановича, Великого Князя Сергея Александровича, С.-Петербургского градоначальника Лауница были организованы сотрудником охраны, известным провокатором Азефом»¹. В связи с этим Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства (далее – ЧСК) заинтересовала не только организация и функционирование системы политического сыска, но также роль и место в революционном терроре так называемых двойных агентов-провокаторов, таких как Е. Ф. Азеф.

Между тем громкие политические убийства свидетельствовали о том, что они являются своеобразной «разминкой» боевиков, подбиравшихся к своей главной цели – императору. Думается, и сам Николай II отдавал себе отчет в этом. По словам директора Департамента полиции А. А. Лопухина,

в убийстве великого князя Сергея Александровича «император увидел приближение опасности для себя лично»². Эти опасения были вполне обоснованными. С момента принятия решения ЦК ПСР в феврале 1907 г. о восстановлении ее Боевой организации «главная и единственная задача, которую руководство партии поставило перед БО (Боевой организацией. – Ю.В.), – организация царевубийства», – уточняет К. Н. Морозов³.

Действительно, главарями террористов отработывалось множество планов царевубийства, часть из которых была провалена самим Е. Ф. Азефом, «сдавшим» их охране из тактических соображений. В то же время этот гений террора и провокации «радикально изменил методы террористической деятельности БО, – справедливо отмечает К. Н. Морозов. – Прежде всего, он отказался от создания отряда наблюдения за передвижениями жертвы. Им делалась ставка на сбор информации от людей, связанных в той или иной мере с придворными кругами»⁴. О высокой эффективности нового метода подготовки терактов свидетельствуют данные из таблиц наблюдений за высшими сановниками, членами царской фамилии и самим императором, хранящихся в фонде Б. В. Савинкова⁵.

Наряду с этим «мозговым центром» террористов – и, прежде всего, Е. Ф. Азефом и Савинковым – обдумывались различные варианты царевубийства, в том числе и самые, на первый взгляд, невероятные – как например, использование для покушения на Николая II... аэроплана или миниатюрной подводной лодки! На смену кинжалам, револьверам и бомбам шел технический прогресс. О. В. Будницкий справедливо считает, что «эсеры, исчерпав, как им казалось, возможности «традиционных» террористических методов, в 1908–1910 гг. финансировали работы по созданию аэроплана, при помощи которого планировали атаковать Царскосельский дворец или Петергоф. В 1909 г. Савинков рассматривал представленный ему проект миниатюрной подводной лодки, предназначенной для установки стокилограммовых мин, прикрепляемых к днищу корабля (речь шла, по-видимому, о царской яхте)»⁶. Савинков с гордостью говорил В. Н. Фигнер, что последнее слово науки будет отдано в руки партии на дело революции. В. М. Чернов на V Совете партии в 1909 г. убеждал в необходимости использования достижений науки в деле террора и указывал на достижения военно-инженерной мысли, ведущей уже борьбу в воздухе и под водой⁷.

Идея с аэропланом, как видно, была розовой мечтой террориста-романтика Б. В. Савинкова,

который с упоением рассказывал Вере Фигнер о строившемся в Баварии самолете. «Савинков ездил к изобретателю-инженеру Сергею Ивановичу Бухало, – вспоминала она, – был в мастерской, в которой сооружался аэроплан»⁸. Савинков, как никто другой, верил в инженера, в целесообразность и выполнимость его изобретения и мечтательно говорил Вере Николаевне, вообразив себя героем-пилотом: «“Я полечу на этом аэроплане”, – и подобно Азефу с гордостью подчеркивал, что последнее слово науки будет отдано в руки партии на дело революции. . .»⁹. В последний тираноборческий полет он планировал взять и еще одну «ласточку» террора вернее, «ястреба» – «Ивана», как он по-дружески величал Евно Азефа, для того чтобы тот таким необычным способом «восстановил» свою честь. Между тем в планы самого Азефа такой подвиг не входил, хотя он тоже поддерживал идею с авиаударом по императорской резиденции.

Аэро-планы террористов стали известны полиции. Министерство внутренних дел, всерьез оценивая опасность подобного вида терактов, 28 сентября 1909 г. издало циркуляр № 39, который устанавливал, что «воздухоплателям безусловно воспрещается совершать полеты в пределах императорских резиденций». 22 марта 1912 г. последовал очередной циркуляр МВД губернаторам (в пределах Европейской России), градоначальникам и варшавскому обер-полицеймейстеру, в котором, в частности, говорилось: «... в связи с возможностью терактов при помощи летательных аппаратов..., а равно и поступающих в Департамент полиции сведений, дающих основание опасаться возможности злоумышления на Священную Особу Государя Императора со стороны революционеров при помощи воздушных аппаратов, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, в случае прибытия Их Императорских Величеств в подведомственный Вам район, своевременно сделать распоряжение о полном прекращении авиаторами в пределах такового всяких полетов и вместе с тем подтвердить чинам подведомственной Вам полиции к неуклонному исполнению требования циркуляра от 21 августа 1909 года за № 135206, изданного по Департаменту полиции»¹⁰.

Противостояние власти и оппозиции с использованием провокации как средства для достижения своих целей вело к применению аморальных, а с точки зрения закона – преступных, методов борьбы, и в этой ситуации двойной агент Евно Азеф стал, безусловно, классическим и непревзойденным образчиком этого опасного явления. «Все, что касается Азефа, – справедливо отмечает Ф. М. Лурье, – потрясает глубиной падения человеческого духа. Кровь, предательство, безграничный цинизм, грязные деньги, липкая ложь создали сплошную зыбкую трясиину, в которой погребены жизни сотен людей. Единственный случай в истории русского освободительного движения, когда одно и то же лицо в течение нескольких лет одновременно занимало самое высокое положение в революционной

партии и департаменте полиции, к голосу которого внимательно прислушивались руководители политического сыска империи и лидеры революционной партии, когда одно и то же лицо одновременно руководило убийствами крупных царских администраторов и выдавало полиции членов революционной партии»¹¹.

Современники и потомки не переставали удивляться феномену этого провокатора. «Могущественнейший террорист, состоящий при департаменте полиции; довереннейший агент, организующий убийства министра внутренних дел и великого князя, – разве это не титаническая по своим внутренним противоречиям фигура, далеко выходящая за рамки человеческого и только человеческого? – размышлял лидер социал-демократов Л. Д. Троцкий. – Самые трезвомыслящие люди с каким-то психологическим сладострастием разводили руками перед проблематикой “величайшего провокатора”. У них к этому чувству даже примешивался некоторый оттенок национальной гордости. “Азефом вполне, можно сказать, утерли нос Европе”. В интернациональном обществе европейских кафе многие русские глядели в то время прямо-таки именинниками»¹². Но подобная гордость за «величайшего провокатора» оборачивалась другой стороной – становилось очевидным, что в России взаимовлияние и переплетение полицейской провокации и революционного терроризма достигло к тому времени наивысшей и самой опасной степени конвергенции, что неизбежно вело к тяжелейшим внутренним потрясениям. Апогей провокации и террора ознаменовал собой заключительный этап противостояния власти и общества, закончившийся падением самодержавия.

Как стало известно членам ЧСК из документов Департамента полиции, наиболее подходящими для привлечения к работе в агентуре считались следующие категории революционеров: арестованные по политическим делам, слабохарактерные, разочарованные или обиженные партией, а также нуждающиеся материально, бежавшие из места ссылки, ранее подвергавшиеся преследованиям и т. д.¹³ Вместе с тем вербовка революционеров царской охранкой была вынужденной и рискованной мерой. На ненадежность и аморальность таких сотрудников справедливо указал А. И. Спиридович: «Слишком развращающее действовала подпольная революционная среда на своих членов своею беспринципностью, бездельем, болтовней и узко-партийностью, чтобы из нее мог выйти порядочный чиновник, – считал жандармский дока. – Он являлся или скверным работником, или предателем интересов государства во имя партийности и революции. Были, конечно, исключения, но они являлись именно исключениями»¹⁴. Кроме того, пополнение агентурной сети тайной полиции за счет революционного подполья таило в себе серьезную опасность, так как это вело к появлению «двойных» агентов, работавших одновременно и на полицию, и на революционные организации, как, например, Е. Ф. Азеф, который «... использовал худшие при-

емы борьбы друг с другом политического сыска и революционеров, в нем произошло ядовитое «кровосмешение» этих потивоборствующих проявлений человеческой деятельности...»¹⁵, – верно констатирует Ф. М. Лурье.

В ходе расследования провокаторской деятельности комиссии заинтересовал вопрос, касающийся того, что в ЦК партии эсеров, признававшейся тогда преступной, в течение целого ряда лет находился «агент Герасимова» – Азеф, и с этой точки зрения, не является ли преступной и деятельность того самого учреждения, в котором служил двойной агент. Однако директор Департамента полиции М. И. Трусевич в ходе допроса, не вдаваясь в расшифровку этой коллизии, резонно парировал: «... департаменту полиции нужно было либо отказаться от борьбы с террором, либо остаться при тех средствах, которые были выработаны практикой в течение многих лет»¹⁶. Тогда председатель следственной комиссии Н. К. Муравьев попытался образно и саркастически конкретизировать эту «практику» Департамента полиции: «Т. е. оставаться при Азефах больших и маленьких? <...> Так что, по вашему мнению, в настоящий момент нет государства, которое не имело бы на своей службе Азефов и не совершало убийств очень высоких должностных лиц при участии, содействии или, по крайней мере, с ведома своего агента, получающего за это деньги?»¹⁷

Однако и Трусевич считал, что «участие в таких действиях, это такое ненормальное явление, которое ни с какой точки зрения не может быть терпимо», и в доказательство своей позиции отмечал: «Если взять положение департамента полиции во Франции, то там – то же самое, у них те же сотрудники в анархических организациях, потому что там идет борьба с анархией. Возьмем самую упрощенную форму государственного строя – вольный город Гамбург. Я перед реформой полиции осведомлялся: там ведут борьбу с легализованными обществами, которые подрывают существующий там строй, и точно так же там есть люди, состоящие в этих обществах и доставляющие сведения»¹⁸.

Как сообщил Чрезвычайной следственной комиссии бывший министр внутренних дел А. А. Макаров, секретные сотрудники были или у начальников губернских жандармских управлений или, главным образом, у начальников охранных отделений. «У начальников губернских жандармских управлений они были, главным образом, в тех губерниях, в которых охранных отделений не было, – пояснял он. – Но главное сосредоточение секретных сотрудников было у начальников охранных отделений <...> они пользовались секретной агентурой в гораздо большей степени»¹⁹. Поэтому руководство МВД, как правило, не знало о конкретных агентах, и, в частности, о деятельности Азефа до его разоблачения, и разгоревшемся в связи с этим скандале. «Об Азефе я узнал незадолго перед тем, как разыгралась вся эта история с его разоблачением и его провалом, с речью Столыпина в Государственной Думе, – признался Макаров. – Незадолго перед этим. <...> Я относился

к этому в высокой степени отрицательно, раз я узнал, что Азеф принимал участие в таких действиях, как действия террористические. Но в то время Азеф из нашей сферы уже вышел, потому что в качестве провалившегося агента он исчез»²⁰. В итоге за деятельность агента-провокатора ответственным оказался только один человек – Герасимов, «потому что Азеф не был никогда ни в каких сношениях с департаментом полиции, – пояснял А. А. Макаров, – а Герасимов скрывал Азефа. Он один сносился с ним»²¹.

С 1906 г. руководителем Азефа почти эксклюзивно был действительно Герасимов. Для охраны это был «дорогой» трудник – ему платили от 500 до 1000 руб. в месяц. «В конце 1906 года он был за границей, отсюда он сообщил мне о том, что в Финляндии есть группа лиц, которые замышляют покушение на градоначальника фон-дер-Лауница, – рассказал на допросе в ЧСК Герасимов. – В Финляндии мы не могли наблюдать, – финляндские власти нас выгоняли. Известно только, что эта группа жила на Имагре и что Лауниц был убит. Потом, в 1907 г., он дал сведения о том, что он знал от одного своего знакомого: что проживающий в Петербурге лейтенант Никитенко ищет связей и организует покушение в Царском Селе посредством охраны. Затем он сказал, под какой фамилией живет Чайковский»²².

В охране очень дорожили таким ценным агентом, как Азеф, потому что он «... был близок к боевому делу, и, если бы надо было, ему не только тысячу, но и пять тысяч заплатили бы»²³, – подчеркивал руководитель охраны. В то же время из показаний Герасимова у членов комиссии сложилось впечатление, что Азеф «ничего не делал», и тот, как ни странно, с этим согласился. Прайсман: «С мая 1906 г. Азеф верой и правдой служил русским властям. Курс П. А. Столыпина его полностью устраивал, погромы прекратились, его престиж в руководстве партии был очень высок, деньги шли как от Герасимова (1000 руб. в месяц), так и из кассы БО. Благодаря совместной деятельности Азефа и Герасимова все усилия Боевой организации по осуществлению покушения на Столыпина были парализованы и она была распущена в октябре 1906 г. Азеф сообщил Герасимову, где находится штаб-квартира Центрального боевого отряда партии эсеров, что помогло арестовать Л. Зильберберга и В. Сулятицкого. Азеф подробно рассказал Герасимову о покушении на царя, готовившемся новым руководством отряда во главе с Б. Никитенко...»²⁴.

В деле разоблачения Евно Азефа решающую роль сыграл бывший директор Департамента полиции А. А. Лопухин, который в начале 1908 г. сообщил о службе в тайной полиции этого агента сначала журналисту В. Л. Бурцеву, а затем 10 декабря в Лондоне – членам ЦК партии эсеров: В. М. Чернову, Б. В. Савинкову и А. А. Аргунову. По возвращении из Лондона 19 января 1909 г. Лопухин был арестован и предан суду Особого Присутствия Правительствующего Сената (далее – ОППС) с участием сословных представителей по обвинению в «оказании партии с.-р.-ов существенного содей-

ствия» в разоблачении Азефа. Между тем бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов на допросе в ЧСК отметил: «при возникновении этого дела у меня были сомнения относительно состава преступления, по тому обвинению, которое предъявлялось <...> Весь вопрос, конечно, сводился к тому: можно ли в этом разоблачении, если таковое действительно имело место, можно ли в нем усматривать наличие признаков преступления?»²⁵.

Лопухин объяснил свой поступок желанием пресечь террористическую деятельность двойного агента. В то же время, размышляя над тем, почему именно Лопухин изобличил «великого провокатора», М. А. Алданов отмечает: «Многое непонятно в карьере и в характере А. А. Лопухина. Две черты бросались в глаза при самом поверхностном с ним знакомстве. По взглядам, по самому складу ума, по окружению он был либералом; по происхождению, по внешности, по привычкам он был аристократом. И обе эти черты не вязались с большой и значительной полосой в его сложной биографии. Русские либералы слышать не могли о Департаменте полиции; русские аристократы относились к этому учреждению с некоторой осторожностью, предоставляя службу в нем людям незначительного рода. А. А. Лопухин, человек передовых взглядов, носитель одной из самых громких фамилий в России, был директором Департамента полиции в самую реакционную пору – при Плеве»²⁶.

Безусловно, Лопухин как директор Департамента полиции по должности знал многих революционеров. Знал, конечно, и секретных сотрудников. «Среди них у него были “особенно прочные антипатии”, – отмечал с его слов М. А. Алданов. – И наиболее прочной был Азеф, самый вид, которого вызывал в нем отвращение. Догадывался ли он о настоящей роли Азефа? Конечно, не догадывался, как не догадывался тогда никто другой. <...> Вероятно, Лопухин просто старался об этом не думать. Психология его была психологией высшего офицера, ведающего в военное время контрразведкой. С революционерами велась война, – начальнику контрразведки некогда думать о побуждениях и методах своих и чужих агентов. Это не мешает признавать пределы, из которых выходить нельзя»²⁷.

По мнению М. А. Алданова, решающее значение для Лопухина в его решении разоблачить провокатора, имели слова В. Л. Бурцева о цареубийстве, которое готовил «Раскин» (кличка Е. Ф. Азефа. – Ю.В.), и об ответственности за ту кровь, которая еще будет им пролита в будущем. «Как бы то ни было, – считает Алданов, – после шести часов разговора, уже перед самым Берлином, А. А. Лопухин разбил свою жизнь, сказав Бурцеву, что инженер Азеф – тайный агент Департамента полиции»²⁸. Разбив свою, Лопухин спас десятки, а может и сотни других жизней, попавших в переkreстье прицела террористических акций Азефа. Власти же, в том числе и Николай II, которого, по сути, так же как и многих других, Лопухин спас от несостоявшихся злодеяний террориста-прово-

катора, усмотрели в действиях бывшего директора Департамента полиции чуть ли не предательство государственных интересов. На одном из докладов министра юстиции, который предшествовал судебному рассмотрению этого дела, император выразил пожелание: «Надеюсь, что будет каторга»²⁹, а когда последовала резолюция ОППС, согласно которой Лопухин был приговорен к лишению всех прав состояния и высылке на каторжные работы сроком на 5 лет, Николай II не удержался от восклицания: «Здорово!»³⁰

Правда, впоследствии общее собрание Сената заменило ему каторгу ссылкой на поселение в Сибирь, которую он отбывал в Красноярске. Высочайшим повелением от 4 декабря 1912 г. Лопухин был помилован и восстановлен в правах. Личную драму Лопухина, как отражение противостояния либеральной интеллигенции и нечистоплотных радикалов, очень точно отобразил М. А. Алданов: «Бывший директор Департамента полиции, близкий сотрудник Плеве, был русский интеллигент, с большим, чем обычно, жизненным опытом, с меньшим, чем обычно, запасом веры, с умом проницательным, разочарованным и холодным, с навсегда надломленной душой»³¹.

После громких разоблачений Азефа И. Г. Щегловитов неоднократно указывал председателю совета министров П. А. Столыпину на необходимость более детального и полного разбирательства этого дела. Между тем, по информации патрона Азефа³² – бывшего начальника С.-Петербургского охранного отделения – А. В. Герасимова, Столыпин всегда интересовался организацией агентурной работы внутри Боевой организации эсеров. По словам Герасимова, после его ухода и окончательного провала Евно Азефа Столыпин «...не хотел оставлять боевого дела без сотрудников. Потому что департамент полиции и Столыпин были заинтересованы, чтобы сотрудники были в боевом деле»³³. Другими словами, он всегда интересовался делом освещения этой боевой организации и был в курсе дела Азефа.

Каким образом Азефу удавалось водить за нос и эсеров, и охранку, и при этом оставаться крайне ценным и непорочным сотрудником и для тех и для других? Л. Д. Троцкий очень точно описал схему его беспроектной деятельности: «Тех, которые выдвигались против него или работали помимо него, он выдавал; это было естественным, почти рефлекторным жестом самообороны; а в результате – рост азефского авторитета в обоих лагерях. После слишком крупных выдач он – возможно, что с ведома своих ближайших контрагентов справа – давал совершиться таким террористическим актам, которые должны были упрочить его позицию пред лицом его контрагентов слева. Это снова развязывало ему руки для выполнения его полицейских обязательств. Он предавал, а за его спиной работало его начальство, направлявшее все свои усилия на то, чтобы сохранить своего

«сотрудника», и замести за ним следы. И шпион поднимался вверх с силой почти фатальной»³⁴.

Деятельность Азефа распространялась не только на Петербург, но и на всю Россию, и он был обязан освещать деятельность эсеровского боевого центра, «но мы не были гарантированы от каких-либо шантажей, – уточнял А. В. Герасимов. – Тут едва ли может быть какая-нибудь сделка, – тут все идет на веру. Ему оказывают доверие, но он может говорить правду, может и наврать. У нас нет ничего регулирующего. Он нам дает сведения, и эти сведения подтверждаются, для этого у нас есть наружные наблюдения. Если наружные наблюдения проверят его сведения, они приобретают значение, а если бы он не дал никаких сведений, то это на его душе грех. Тут мы ничего не можем сделать»³⁵.

В ходе допроса председатель ЧСК Муравьев попросил руководителя столичной охраны объяснить такой парадокс: у тайной полиции есть ценный агент в революционной организации, а террористические акции продолжаются, например, покушения на С. К. Гершельмана, А. А. Рейнбота, Ф. В. Дубасова. На что Герасимов парировал: «В Москве была своя агентура». Таким образом, внутри Департамента полиции не было не только координации и согласованности, но, подчас, некоторые структуры МВД соперничали между собой и даже вступали в противодействие. Кроме того, как оказалось, Азеф сообщал своему полицейскому шефу Герасимову, как правило, «только 10% своих сведений»³⁶. ЧСК заинтересовалась также перепиской Азефа и Герасимова, но последний разочаровал следствие, заявив: «10 лет тому назад, я все уничтожил. У меня ни клочка не осталось от моей деятельности. Я все забыл. Мне противно вспоминать свою деятельность»³⁷.

Бывший московский градоначальник А. А. Рейнбот (Резвой) также ничего толком не смог рассказать о существовании секретного сотрудника Азефа и заявил, что лично он «... от этого дела старался держаться дальше, потому что это дело их – покупать себе шпионов... А какой-то шпион был – я не интересовался... Только, когда докладывали, я всегда требовал от них, чтобы давались основания для того или другого ареста, потому что нельзя так себе арестовать <...> Но лично, кто из шпионов докладывал, я обыкновенно не знал. Я узнал об этой самой Жученко в самом конце службы в градоначальстве; а относительно Азефа, я повторяю, узнал только из газет, когда был запрос в Думе. Затем, позвольте еще: когда было покушение на меня на Тверской, то, должно быть, через неделю, через две. Я из агентуры узнал, что покушение было при участии, кажется, Рысса»³⁸. Потом, я знаю, в этот самый Рысс покушался на Коттена в Париже»³⁹.

Самым удивительным в провокаторской «работе» Азефа было то, что в течение 16 лет он так и не был разоблачен партийными товарищами, хотя несколько раз был очень близок к провалу. То, что он не попадался, служило, по мнению Л. Д. Троц-

кого, «лучшим доказательством его из ряду вон выходящей выдержки. Как, однако, понимать это сакраментальное “не попадался”? Значит ли это: не делал промахов, по крайней мере грубых? Или же это надо понимать просто в том смысле, что и самые грубые промахи в тех условиях, какие создались вокруг Азефа, неспособны были погубить его? Вот где корень всего вопроса. И стоит подойти к загадке с этой стороны, чтобы сразу бросилось в глаза одно поистине поразительное обстоятельство: почти во все продолжение карьеры Азефа по пятам за ним шли слухи и прямые обвинения в провокации. Еще в Дармштадте, где Азеф был студентом, один из профессоров отзывался о нем в частном разговоре словами: “dieser Spion” (“этот шпион”))»⁴⁰. Знал бы этот немецкий профессор, что он намного лет предвосхитил своей проницательностью относительно Азефа и революционеров, и Департамент полиции.

Подозрения против Азефа в разное время высказывали соратники по партии: Н. И. Крестьянинов, Н. А. Мельников, С. Рысс, Я. Л. Делевский, В. К. Агафонов, Н. С. Тютчев, А. Д. Трауберг. Впервые Азеф был обвинен в провокации в 1903 г. Затем в начале 1906 г. ЦК партии эсеров получает информацию о провокаторской деятельности Азефа уже от агентов саратовской охраны, а осенью этого же года подобные сведения поступают от сотрудника охраны из одного южного города. Осенью 1907 г. становится достоянием партийных функционеров так называемое «саратовское письмо», в котором содержались совершенно определенные факты, причем легко поддававшиеся проверке, уличавшие Азефа в провокации. И наконец, после всего этого В. Л. Бурцев провел в 1908 г. свою разоблачительную кампанию против Азефа, которая, однако, встретила отчаянное сопротивление и непонимание со стороны руководящих фигур партии. Вожди партии, от Гершуни⁴¹ и Натансона до Чернова и Савинкова, отнеслись пренебрежительно к таким обвинениям. За это, кстати, их впоследствии всячески поносили в разных революционных и неревolutionных кругах. «Хороша же партия, где подобные субъекты могут вращаться шестнадцать лет»⁴²,⁴³ – саркастически заметил по этому поводу адвокат А. А. Лопухина А. Я. Пассовер.

Задумываясь над неуловимостью и живучестью двойного агента, соратники и противники пытались приписать его успехи проявлению чуть ли ни дьявольской природы. Еще Г. А. Гершуни в свое время создал вокруг себя полумистический ореол в глазах однопартийцев. Азеф унаследовал от него этот ореол вместе с постом руководителя боевой организации. Однако совершенно очевидно, что «...не в дьявольской ловкости крылась тайна азефского успеха и никак не в его личном обаянии, – рационально рассуждал Л. Д. Троцкий. – Тайна азефщины – вне самого Азефа; она – в том гипнозе, который позволял его сотоварищам по партии вкладывать перст в язвы провокации и – отрицать эти язвы; в том коллективном гипнозе,

который не Азефом был создан, а террором, как системой»⁴⁴.

Отказывались верить в измену своего лучшего осведомителя и профессионалы сыска. Л. Н. Ратаев сокрушенно писал директору Департамента полиции Н. П. Зуеву: «Ты один, может быть, поймешь, как тяжело было для меня прийти к убеждению в предательстве Азефа... Он дал мне столько осязательных доказательств своей усердной службы, сведения его отличались всегда такой безукоризненной точностью, что мне казалось чудовищным, чтобы при таких условиях человек мог быть злодеем и дважды предателем»⁴⁵. Точно так же бывший начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов через много лет после разоблачения своего подопечного отмечал, что если бы он не имел в годы Первой русской революции своим сотрудником такого человека, как Азеф, то «...политической полиции, несмотря на все ее старания, почти, наверное, не удалось бы так успешно и так систематически расстраивать все предприятия террористов. А трудно представить, что случилось бы с Россией, если бы террористам удалось в 1906–07 годах совершить 2–3 удачных «центральных» террористических акта <...> Если бы в дни Первой Государственной думы был бы убит Столыпин, если бы удалось покушение на Государя, развитие России сорвалось бы гораздо раньше. Заслуги Азефа в деле борьбы против революционного террора – огромны»⁴⁶.

Несмотря на то что Герасимов ближе всех соприкасался со своим секретным агентом, с трудом верится в особые заслуги этого провокатора по предотвращению выдающихся терактов того времени. Думается, М. А. Алданов ближе всех подошел к разгадке феномена Азефа. «В развинченной душе Азефа по необходимости существовали два мира: мир социалистов-революционеров и мир Департамента полиции, – писал он. – Ни один из этих миров не был его собственным миром. И в обоих он, конечно, должен был всегда чувствовать себя дома. Его тренировка в этом смысле граничит с чудесным. Азефа выдали *другие*; сам он ничем себя ни разу за долгие годы не выдал. В каждом из миров своей двойной жизни он позволял себе и роскошь оттенков. Говорили мне, что этот человек, – переходная ступень к удаву – очень любил музыку, музыку кабаков, и кафе-концертов: слушал будто бы с умилением и восторгом. Может быть, немного и дурел, как змеи от флейты?»⁴⁷. Но больше всего удав террора и провокации «дурел», надо думать, от очередного политического убийства, удачно организованного им.

Вместе с тем, громкое и скандальное разоблачение двойного агента-провокатора имело негативные последствия не только для партии эсеров, серьезно подмочившей свою революционную репутацию, но и для власти. «Разоблачение Азефа имело тяжелые последствия и для правительственного лагеря, – отмечает Л. Прайсман. – Газеты всего мира обвинили русское прави-

тельство в том, что все покушения последних лет проходили под руководством правительственных агентов. Это вело к падению престижа русского государства во всем мире»⁴⁸. Разоблачение Азефа, убийство А. А. Петровым 19 декабря 1909 г. начальника Петербургского охранного отделения полковника С. Г. Карпова и убийство агентом Киевского охранного отделения М. Г. Богровым П. А. Столыпина привели руководителей Министерства внутренних дел России в какой-то мистический ужас перед тайными сотрудниками и неуправляемой системой тотальной провокации. После убийства Столыпина ситуация в Департаменте полиции кардинальным образом изменилась. Теперь организаторы политического сыска уже не видели в используемых ими тайных агентах самое надежное средство борьбы с революцией.

Проводником новых тенденций стал назначенный в 1913 г. товарищем министра внутренних дел В. Ф. Джунковский. Он резко отрицательно отзывался об охранке: «Все эти районные и самостоятельные охранные отделения были только рассадником провокации; та небольшая польза, которую, быть может, они могли бы принести, совершенно заглушевывалась тем колоссальным вредом, который они сеяли в течение этих последних лет»⁴⁹. Если с 1902 по 1908 г. число охранных отделений выросло с 3 до 31, то циркуляром министра внутренних дел от 15 мая 1913 г. были ликвидированы восемь охранных отделений, а осенью 1913 г. такая же судьба постигла и все остальные, за исключением Московского, Петербургского и Варшавского. При этом резко сократилось число тайных сотрудников. Ярким свидетельством нового отношения к ним стала история лучшего агента Департамента полиции в рядах социал-демократов – председателя думской фракции большевиков в 3-й Думе Р. В. Малиновского, которого Джунковский заставил уйти из Думы, так как не мог допустить, чтобы «членом Думы было лицо, состоящее на службе в ДП»⁵⁰.

Таким образом, Февральскую революцию Департамент полиции встретил практически без широкой сети секретной агентуры. «Может быть, это одно из главных последствий дела Азефа»⁵¹, – делает обоснованный вывод Л. Прайсман.

Примечания

- 1 Убийство Столыпина : Свидетельства и документы. Рига, 1990. С. 225.
- 2 Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М. ; Пг., 1923. С. 60.
- 3 Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 379.
- 4 Там же. С. 381.
- 5 ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 372. Л. 1.
- 6 Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 168.

- ⁷ См.: Морозов К. Н. Указ. соч. С. 376, 423–426.
- ⁸ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1929. С. 293–294.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 401. Л. 75–75 (об.).
- ¹¹ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы : Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1992. С. 294.
- ¹² Троцкий Л. Д. Сочинения : в 9 т. Т. 8. М. ; Л., 1926. С. 89.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 87–88.
- ¹⁴ Спиридович А. И. При царском режиме // Архив русской революции : в 22 т. Т. 15. М., 1993. С. 128.
- ¹⁵ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы : Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1992. С. 294.
- ¹⁶ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства в 1917 г. : в 7 т. М. ; Л., 1924–1927. Т. 3. С. 217.
- ¹⁷ Там же. С. 217–218.
- ¹⁸ Там же. С. 218.
- ¹⁹ Там же. Т. 2. С. 93–94.
- ²⁰ Там же. С. 103.
- ²¹ Там же. С. 103.
- ²² Там же. Т. 3. С. 14.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Прайсман Л. Феномен Азефа. URL: <http://www.memo.ru/history/terror/preisman.htm> (дата обращения: 28.05.2013).
- ²⁵ Падение царского режима. Т. 2. С. 400.
- ²⁶ Алданов М. А. Азеф. URL: <http://ldn-knigi.narod.ru> (дата обращения: 28.05.2013).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Падение царского режима. Т. 2. С. 401.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Алданов М. А. Указ. соч.
- ³² А. В. Герасимов «принял» Азефа под свое кураторство по приказу П. Н. Дурново и настоянию заведующего заграничной агентурой Департамента полиции П. И. Рачковского в 1906 г.
- ³³ Падение царского режима. Т. 3. С. 13.
- ³⁴ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 124.
- ³⁵ Падение царского режима. Т. 3. С. 15.
- ³⁶ Там же. С. 16.
- ³⁷ Там же. По свидетельству М. А. Алданова, переписка Е. Ф. Азефа и А. В. Герасимова сохранилась и находится в неизданном архиве В. К. Агафонова.
- ³⁸ Рысс Соломон, кличка «Мортимер», с.-р., максималист. В июне 1906 г. при содействии тайной полиции бежал из Киевской тюрьмы, после чего с ведома своих соратников М. И. Соколова («Медведя») и Н. Климовой стал сотрудничать с Департаментом полиции, давая ложную информацию и скрывая подготовку взрыва дачи П. А. Столыпина и экспроприацию в Фонарном переулке.
- ³⁹ Падение царского режима. Т. 6. С. 125.
- ⁴⁰ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 127.
- ⁴¹ В конце 1907 г. Г. А. Гершуни, уже тяжелобольной, узнав, что Евно Азеф обвиняется в провокаторстве, хотел поехать в Россию и вместе с ним совершить убийство Николая II, чтобы подобным образом реабилитировать своего преемника.
- ⁴² Указывая 16 лет провокаторской деятельности Е. Ф. Азефа, адвокат А. Я. Пассовер, скорее всего, имел в виду весь период его работы в качестве секретного сотрудника полиции, куда он был принят в 1892 г. (Подробнее см.: П. А. Столыпин. Речь о деле Азефа, произнесенная в Государственной Думе 11 февраля 1909 года // П. А. Столыпин. Нам нужна великая Россия. М., 1991).
- ⁴³ Цит. по: Алданов М. А. Указ. соч.
- ⁴⁴ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁵ Из истории политического сыска в России // Из глубины времен. СПб., 1992. С. 49.
- ⁴⁶ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 141–142.
- ⁴⁷ Алданов М. А. Указ. соч.
- ⁴⁸ Прайсман Л. Указ. соч.
- ⁴⁹ Из истории политического сыска в России. С. 54.
- ⁵⁰ Дело провокатора Малиновского // Протоколы заседания революционного трибунала при ВЦИКе. М., 1992. С. 189.
- ⁵¹ Прайсман Л. Указ. соч.

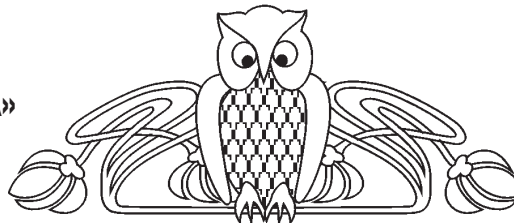
УДК 94(47)»1905/1907»

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА «ГЕРОЯ-ТЕРРОРИСТА» В ХОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НАД ЭСЕРАМИ В 1905 ГОДУ

С. В. Мосолкин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: MosolkinSV@mail.ru

В статье рассмотрен механизм создания образа «героя-террориста» из числа членов партии социалистов-революционеров на

судебных процессах в 1905 году. Проанализировано влияние этого образа на российскую культуру. Автор приходит к выводу об исторической обреченности политического террора и его несостоятельности в качестве средства решения политических задач. **Ключевые слова:** революционный терроризм, партия социалистов-революционеров, национальная безопасность, регулятивная функция культуры.

Creation of a «Hero-terrorist» Image on Political Trials over Members of Revolutionary Socialists in 1905

S. V. Mosolkin

In article the mechanism of creation of an image of «Hero-Terrorist» from among party members of Revolutionary Socialists on trials in 1905 is considered. Influence of this image on the Russian culture is analyzed. The author comes to a conclusion about historical hopelessness of political terror and its insolvency as a cure of political tasks

Key words: revolutionary terrorism, Revolutionary Socialists party, national security, regulatory function of culture.

Историческое сознание любого общества периодически актуализирует определенные темы, особенно когда жизнь сталкивает его со сходными явлениями из прошлого. Проблема сущности и значения терроризма является хронически актуальной в нашей стране. Россией накоплена богатейшая традиция террористической рефлексии, важнейшую роль в формировании которой сыграл характер первого знакомства русского общества с терроризмом в его «революционном» облики. Революционный терроризм, его роль в тех сложнейших и неоднозначных процессах, которые развивались в различных сферах жизни Российской империи последних десятилетий её существования, в той или иной мере оказывают влияние на весь последующий ход российской истории.

Каждый новый поворот в истории России приводил к определённым смещению акцентов в осмыслении трагических событий, сохраняя неизменным общую направленность исследований. К настоящему времени по различным аспектам истории русского революционного терроризма накоплена богатейшая исследовательская литература. Истории отдельных организаций, партий, их идеологической и программной эволюции, деятельности наиболее выдающихся персонажей посвящены исследования О. В. Будницкого, Р. А. Городницкого, К. В. Гусева, М. И. Леонова, Н. А. Троицкого¹. И всё же, несмотря на значительные успехи в анализе деятельности ряда революционно-террористических партий (в первую очередь это касается «Земли и воли» и «Народной воли»), развития революционного прошлого, в биографических исследованиях на сегодняшний день остается недостаточно изученным ряд проблем, связанных с историей революционного терроризма.

Важно понять и проанализировать, при каких условиях в обществе образ террориста становится «своим», почему в определенный момент общество, которое по христианским канонам должно было бы по меньшей мере осудить террор, извиняет и даже оправдывает действия террористов. Необходимо проследить процесс создания образа «героя-террориста» и влияние этого образа на культуру России. Ведь связь культуры как «составной части и условия всей системы деятельности, обеспечивающей разные стороны жизни

человека»² и безопасности очевидна. Угрозы безопасности страны могут прийти отовсюду, а культура благодаря своей всепроникающей способности воздействовать на общественные отношения через сознание людей может стать важным средством их преодоления. Культура способна достигать важных целей – регуляции социального развития и стабилизации общественной жизни, и при этом использовать демократические средства – диалоговые формы толерантного воздействия на сознание и поведение людей во избежание социокультурных кризисов. Эти охранительные возможности культуры от внешних и внутренних угроз национальной безопасности могут использоваться и в современной государственной политике России.

Ни одно политическое явление в обществе не существует само по себе, и общество имеет к его развитию непосредственное отношение. «В 1902–1905 гг. в России гремела “Боевая организация” партии социалистов-революционеров. Имена Карповича, Балмашева, Гершуни, Каляева, Созонова были у всех на устах. Террористические удары во всех слоях общества встречались с энтузиазмом, и они имели не только русское, но и общеевропейское значение», – писал в своих воспоминаниях В. Л. Бурцев³. Рабочие «аплодировали эсерам после каждого убийства какого-нибудь министра», – писал в автобиографии Ф. С. Андреев⁴.

И руководители политического сыска отмечали те же явления: «Революционеры, которые стремились не только свергнуть правительство царя, но и решительно боролись против самых основ существующего строя, всюду встречали поддержку и сочувствие»⁵.

Такое отношение общественности к террору подталкивало эсеров к новым действиям. «А успешные террористические акты всегда побуждали к подражанию, и террор стал проявляться все чаще и чаще», – отмечал А. И. Спиридович⁶. Террористы знали о существовании многочисленных «поклонников террора» среди образованных людей, которые «втайне рукоплескали каждому теракту», даже если вслух они пропагандировали (и в душе предпочитали) более «культурные методы борьбы» с самодержавием⁷.

Партия социалистов-революционеров сумела обратить себе на пользу и умело использовать для пропаганды своей деятельности, в том числе террористических актов, любые заметные события, особенно судебные политические процессы. В годы Первой русской революции социалисты-революционеры оказались ближе к народу, чем сторонники самодержавия, их пропаганда отражала чаяния значительной части политически активного населения.

Механизм создания образа «героев-террористов» можно четко проследить на судебных процессах. В связи с этим политические дела над террористами 1905 г. представляют особый интерес.

Важным моментом для создания образа «героя-борца» являлось то, против кого совершали террористические акты эсеры.

Вопрос о нравственности политического террора неоднократно исследовался историками. О. В. Будницкий считал террористические акты в одинаковой мере как политической необходимостью, так и «делом непосредственного чувства»⁸. Морально оправдывая террористов, он отмечает, что «не все люди, на глазах которых совершаются безнаказанно убийства и истязания, способны выносить эти ужасы. Есть такая степень поругания всех человеческих чувств, при которой нормальная жизнь для таких людей становится невозможной, тогда они находят для себя разрешение своего мучительного состояния в героическом поступке»⁹.

Оценка терактов как ответа на правительственные насилия служила нравственным оправданием, подчеркивали в своих заявлениях и показаниях арестованные террористы¹⁰. Они объясняли необходимость совершения убийства того или иного лица не личной неприязнью, а общественной необходимостью. Большую часть жертв, против кого были совершены террористические акты эсерами в 1905 г., составляли ненавидимые всему народу чиновники.

Например, И. П. Каляев на суде заявил: «Причиной, побудившей Боевую организацию приговорить Сергея Александровича к смерти, является деятельность великого князя на всех трех поприщах, возбуждавших ненависть в народных массах»¹¹.

Дворянин Петр Александрович Куликовский объяснял, что совершил убийство генерал-майора графа Шувалова по постановлению Московского комитета, так как, по мнению комитета, граф, принявший должность московского градоначальника во время обостренной борьбы между обществом и самодержавием, был вредным политическим деятелем¹². А также причиной убийства графа Шувалова послужила, по словам П. А. Куликовского, деятельность графа в Одессе, о каковой он узнал еще в 1903 г., отбывая наказание в селении Усть-Майском в Якутской области, от политических ссыльных Курносова и Волынского. Политические ссыльные рассказали об избиениях, которые совершал граф в бытность одесским градоначальником. Эти же приемы граф Шувалов стал применять и в Москве¹³.

Пытаясь найти моральное оправдание своего поступка, П. А. Куликовский замечал, что «полицейский убивает сотни граждан, а революционеры одного полицейского на несколько сот убитых граждан»¹⁴. Слова, сказанные в заключение, звучат как смертный приговор, который вынесло само общество: «Убивая Шувалова, я полагал, что отвечаю желаниям лучшей части общества, не говоря уже о революционерах»¹⁵.

В ноябре 1905 г. в доме П. А. Столыпина в Саратове был убит генерал-адъютант В. В. Са-

харов. Деятельность В. В. Сахарова не была тайной, о ней знало русское общество. «Он расстреливал и засекал до смерти крестьян. Появляясь в деревне, он собирал жителей и производил поголовное истязание; затем, по указанию полиции и помещичьих управляющих, отбирал наиболее сознательных крестьян и убивал их или предавал неслышанным мукам»¹⁶. За его зверства Саратовский Летучий отряд Боевой организации постановил убить Сахарова¹⁷.

Нравственное оправдание покушения на вице-губернатора Кнолля террорист К. Д. Бакшанов искал в том, что «убить Г. Кнолля следует за его мероприятия и распоряжения в дни беспорядков в Саратове 19 и 20 октября»¹⁸.

29-го июля один из членов Боевой организации партии эсеров пытался застрелить харьковского губернатора князя Оболенского с целью осуществить «праведный суд над врагами народа»¹⁹. Губернатор из деревни в деревню «переезжал с солдатами и жандармами и сек беспощадно десятки и сотни крестьян, не щадя даже стариков», за что царь «похвалил злодея и дал ему орден»²⁰. Справедливость, по мнению террористов, была восстановлена лишь членом партии социалистов-революционеров, который действовал «не самоуправно», а исполнил «все-народный приговор»²¹.

Еще один террорист, Сидорчук, убивший пристава Куярова, сначала не давший по делу никакого показания, впоследствии объявил, что он, «как член боевой дружины партии социалистов-революционеров, отомстил приставу за избиение прошлой зимой»²². Во время бывших в Житомире 25 января 1905 г. уличных демонстраций пристав избивал демонстрантов. «Оскорбляя рабочих, топтал ногами упавших, отдал приказ стрелять в безоружную толпу, на другой день с такой же жестокостью усмирал учащихся»²³.

Так террористы оправдывали террор, совершенный против «наиболее вредных, заслуживающих казни врагов народа»²⁴, что являлось только частичной правдой, так как с 1905 г., и чем дальше, тем больше, жертвами террора становились и рядовые исполнители воли правительства (низшие чины жандармерии, полиции и т. д.).

Необходимо отметить, что в 1905 г., кроме тех лиц, на которых был направлен террор, жертвами становились и случайные, ни в чем не повинные люди. Например, Шнейдер был ранен в ногу, находясь на приеме у П. П. Шувалова²⁵; был ранен при взрыве бомбы и скончался в больнице, не приходя в себя, кучер его Императорского Величества Андрей Рудинкин²⁶; был ранен дворник Владимир, явившийся в качестве понятого при аресте²⁷; знакомый пристава Куярова Мермерштайн при попытке задержать террориста получил ранение в ногу, причем террорист специально стрелял в него, пытаясь вырваться, и произвел три выстрела²⁸; при убийстве начальника охранного отделения ротмистра Грешнера террорист, пы-

таясь скрыться, тяжело ранил в живот ночного караульщика²⁹ и т. д.

Кроме того, местные боевые дружины, действовавшие по своему усмотрению, совершали террористические акты, руководствуясь своими собственными эмоциями. В связи с этим, начиная со второй половины 1905 г., террор принимал массовый характер. Жертвами его становились мелкие служащие, рядовые полицейские, жандармские унтер-офицеры, ротмистры, полковники, вахмистры.

Вопрос определения «мишеней» для террористов являлся одним из крайне щекотливых моментов с точки зрения морали. Определяющим критерием для него в 1905 г. еще оставалось общественное мнение: большая часть жертв являлись символами государственных репрессий, что вызывало определенную поддержку эсеров в массах. Но все чаще в связи с тем, что выбор жертв перестал быть прерогативой ЦК, а определялся зачастую местными партийными комитетами, контролировать боевую деятельность на местах становилось все сложнее, и жертвами часто являлись простые исполнители воли правительства.

Важным моментом для создания «героического образа» являлись сами политические процессы над террористами.

Несмотря на то что политические процессы над эсерами в годы первой революции были лишены публичности, гласности, тем не менее, террористы продолжали использовать их как арену борьбы. Они до такой степени были поглощены задачей пропаганды своих воззрений, своих «героических действий», что не задумывались о последствиях.

Поведение террористов на политических процессах было вызвано психологической особенностью самой террористической деятельности. «Террористическая деятельность еще более культивировала преклонение перед личностью, перед героем. Она переносила центр тяжести с масс на индивидуальность. Действует террористичность; масса пассивно получает революцию в готовом виде. Мало этого, террорист действует на виду, на глазах у всего общества», – писал М. Л. Мандельштам³⁰. Именно этим адвокат объяснял не только деятельность члена партии, социалиста-революционера в жизни, но и его поведение на суде, – «отсюда некоторая приподнятость его поведения»³¹.

Общим моментом поведения социалистов-революционеров на суде было правило заявлять о своей принадлежности к партии социалистов-революционеров. Наиболее опытные и влиятельные из них не ограничивались только заявлением о своей принадлежности к партии, а подробно, с явным агитационным расчетом, излагали свою революционную биографию. «Скамья подсудимых превращалась в трибуну для пропаганды революционной деятельности и идей обвиняемых», – отмечал М. Л. Мандельштам³².

Свои заключительные речи на суде эсеры использовали для обличения самодержавия. Так, речь И. П. Каляева на суде была довольно патетической, он скорее обвинял, чем оправдывался, а последние слова звучали так: «Мое предприятие окончилось успехом. И таким же успехом увенчается, несмотря на все препятствия, и деятельность всей партии, ставящей себе великие и исторические задачи. Я твердо верю в это, – я вижу грядущую свободу возрожденной к новой жизни трудовой, народной России. И я рад, я горд возможностью умереть за нее с сознанием исполненного долга»³³.

Речь П. Куликовского на суде носила автобиографический характер. Он поведал о «тяжелой жизни», которая досталась ему на долю. Рассказал, как он, простой деревенский учитель, принял участие партии социалистов-революционеров «всей душой, всем сердцем»³⁴. Исповедуя это учение, он находит неизбежной и боевую тактику этой партии. В своей речи он сформулировал ближайшие задачи партии социалистов-революционеров: «В области политической партия желает скорейшего введения демократической республики, в области социальной – уничтожения частной собственности на землю»³⁵. В заключение, изъявляя желание, чтобы его поступок был правильно истолкован, он пояснял, что «данный акт не есть в строгом смысле террористический, как Балмашева, Созонова. Тогда было другое время, и люди годны были на это только выдающиеся»³⁶. В конце он делал вывод о готовности общества к массовому протесту: «Теперь масса рядовых людей готова защищаться от полиции с оружием в руках»³⁷.

Террористы в своих речах обличали несправедливость существовавшего строя, превращая факты в публицистическую риторику: «горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слез, разлившееся по всей стране потоком ужаса и возмущения», – говорил И. П. Каляев³⁸. Они также указывали на то, что основной чертой самодержавия являлось его «полная оторванность от нации»³⁹.

Не были обделены вниманием в речах террористов и представители власти: полицейские и жандармы. П. Куликовский, характеризуя полицию, сравнивал ее с татарским игом и говорил, что последнее было легче полицейского, так как «татары только изредка делали кровопускания, а полиция – постоянно»⁴⁰. Интересны представления о жандармерии и полиции 19-летнего рабочего И. Персина. Действительность, с которой ему пришлось столкнуться будучи «наивным рабочим», привела его к выводу о необходимости «смертью наказывать агентов-исполнителей зарвавшегося самодержавия»⁴¹.

Большинство террористов в своих речах на суде подчеркивали, что те, против кого были совершены покушения, «вредны своими преступными действиями»: «Партия социалистов-революционеров действует обдуманно, она защищает

не свои личные интересы, она борется за благо и счастье трудящихся», – говорил Петр Сидорчук на суде, проходившем 16 июля 1905 г. в Житомире⁴².

Нужно отметить, что во всех речах террористов подчеркивалось неуважение к суду. Отношение к суду как «судилищу враждебного лагеря, который пользуется временным правом сильного», приводило к презрительному отношению, игнорированию любого решения суда, каким бы суровым оно ни было⁴³.

В речи на суде террорист Самуил Гиуз, обращаясь к сословным представителям, сказал, что им трудно понять друг друга, так как они считают преступлением то, что составляет его гордость⁴⁴. И заявил, что ему «очень понравилось, что социалисты-революционеры вводили в свою программу организованный террор, как одно из средств борьбы. Я понимал, что красный террор социалистско-революционеров был вызван белым террором самодержавного правительства, теми ужасными условиями, в которых русские социалисты ведут свою самоотверженную борьбу»⁴⁵. В заключение он также высказал надежду, что «суд потомков, суд будущих поколений, произнесет свой приговор над вашим приговором. И потому не мне, а вам придется смущаться и робеть перед решением, которое вам придется вынести против меня»⁴⁶.

Речи террористов на процессах являлись диалогом с обществом, который характеризовал желание террористов предстать в образе защитников общего для «всех честных людей» дела и создать образ тираноборца. Именно этот образ и пропагандировали эсеры. Отчёты о политических процессах, как правило, воспроизводились в партийной прессе. При этом важным, если не основным, каналом воздействия на массы в условиях Первой русской революции стали, помимо самих терактов, периодические издания политических партий. Листовки, издававшиеся и распространявшиеся в общественной среде, содержали информацию о покушениях на лиц, которые «являлись сторонниками гнета и насилия», о судах над «борцами за свободу»⁴⁷. Так, в листовке, посвященной смертной казни члена боевой организации, убившего Сахарова и покушавшегося на вице-губернатора Кнолля, говорилось: «Два новых героя должны на виселице кончить свою жизнь, мерзкая рука палача затянет петлю на шею нового борца за свободу, новых самоотверженных защитников народных интересов. Они не могли равнодушно взирать на произвол, на насилие, и они отомстили кровопийцам»⁴⁸. В описании же тех, против кого совершались террористические акты, в изображении их нравственного облика эсеры не сдерживали себя в выражениях: «Злодей убит! Он заплатил своей жизнью, своей черной развратной кровью за все прежние преступления в Москве»⁴⁹. Таким образом, формировалось общественное мнение, которое не могло не поддерживать тех, кто жертвовал жизнью ради счастья народа.

Как правило (разумеется, не без исключений), террористы вели себя на предварительных следствиях и судебных процессах действительно героически. Но Л. Г. Прайсман в своем труде «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы» писал: «Иногда действительность преподносила сюрпризы столь дикие, что даже мрачная фантазия авторов антиреволюционных романов не могла бы породить их»⁵⁰. Он имел в виду случай с П. Куликовским, убившим в Москве 28 июля 1905 г. московского градоначальника графа П. Шувалова. П. Куликовский дал знать из тюрьмы, что страдает начавшимися еще в ссылке припадками нервной головной боли, доведшими его до потери сознания. Он очень боялся, что его будут допрашивать, когда он будет находиться в таком состоянии, и что он может нечаянно что-либо выдать. Считая, что его всё равно приговорят к смерти, он просил друзей по партии помочь ему ускорить смерть. После получения этого сообщения в Московском комитете партии социалистско-революционеров началась настоящая паника. М. Осоргин вспоминал: «Первое, что сделал партийный комитет при этом, – это рассыпался в разные стороны»⁵¹. После того как первая паника прошла, было решено согласиться с Куликовским: приготовить конфету с ядом, которую ему должна была передать его собственная дочь, которой было 5–6 лет. Интересно, что Куликовский согласился на это предложение, и только после бурных протестов М. Осоргина этот план был отменен. Осоргин писал: «Мы, знавшие и любившие его, решительно воспротивились этому ужасу, правильнее сказать преступлению, прежде всего по отношению к ребенку»⁵².

Трудно сейчас правильно оценить поведение террориста и понять, была ли это временная слабость, ведь «в делах, где впереди виднеется виселица, по-видимому, нельзя добиться, чтобы все одинаково стойко дошли до конца»⁵³. Неопровержимым остается только тот факт, что Куликовский никого не выдал.

Показательным примером нравственных качеств и морального состояния подследственных явился случай с И. П. Каляевым. В литературе не раз писалось о встрече 7 февраля, через несколько дней после убийства великого князя, великой княгини Елизаветы Федоровны с убийцей ее мужа в Бутырской тюрьме. Мотивы великой княгини неизвестны. В печати писали, что она благородно простила убийцу своего мужа и предложила заступиться перед царем за его жизнь. Эсеровская пресса объявила, что это хитрый маневр со стороны правительства, чуть ли не провокация⁵⁴. Великая княгиня была глубоко верующей женщиной, искренней в своем желании простить Каляева. Скорее всего, ею действительно двигали христианские чувства: всепрощения и сострадания.

В своем рассказе о свидании с великой княгиней И. П. Каляев ни слова не сказал о том, что она предлагала заступиться за него. Он написал

только, что она сказала ему: «Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас»⁵⁵.

Оценил ли И. П. Каляев христианский поступок, испытал ли он минуты раскаяния? Можно ли считать принятие иконки из рук княгини минутной слабостью? Нельзя сказать, что чувствовал террорист, но внешне он старался соответствовать образу борца-революционера. Неоспоримым фактом является лишь то, что Каляев все-таки принял иконку. Правда, впоследствии он дал этому своеобразное объяснение: «Это был для меня символ признания с ее стороны моей победы, символ ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступление великого князя». Рассуждая же по поводу веры и молитвы, Каляев оправдывал себя тем, что «в моем выражении “молится” – нет ничего такого, что могло бы подать повод к обольщению на счет твердости моих убеждений. Да, я действительно “молился” за успех моей партии, как представительницы народа в борьбе с самодержавием <...> В этом смысле я “религиозный” человек, но моя религия – социализм и свобода, а не мрак и насилие»⁵⁶.

Впоследствии, 24 марта, после опубликования в газетах отчета об этом свидании Каляев, опасаясь, что товарищи усомнятся в его непоколебимой верности идеалам революции, написал открытое письмо великой княгине. «В этом письме ярко выражается внутренняя борьба человека, который не мог не почувствовать необычайного духовного величия августейшей супруги своей жертвы, и чувство террориста, как бы оправдывающегося перед своими партийными единомышленниками в невольном проявлении человечности и скрытых где-то в глубине души и не заглушённых окончательно нравственных начал»⁵⁷, – так оценил это письмо очевидец тех событий генерал П. Г. Курлов, занимавший высокие правительственные посты в эпоху последнего царствования.

Представители же революционного лагеря утверждали, что в этом письме Каляев не выражал какого-либо раскаяния и заявлял: «мне не в чем раскаиваться, так как моя совесть чиста»⁵⁸.

Не все подсудимые проявляли твердость в период следствия. Не выдержала всех тягот одиночного заключения самая молодая из террористов Татьяна Леонтьева. При первом допросе она признала себя членом «Боевой организации», заявив, что все у нее найденное служило целям названной организации, но в дальнейшем от этого показания отказалась⁵⁹. «Содержащаяся под стражей в крепости Татьяна Леонтьева заболела острым психозом» и была переведена в лечебницу святого Николая Чудотворца⁶⁰.

Все эти факты из биографии террористов, конечно же, замалчивались эсерами, освещались только те, которые соответствовали «героическому образу».

«Герои революционного подвига», подобные И. П. Каляеву, не преобладали в общей террористической массе, но, тем не менее, в общественном сознании был запечатлен именно такой героический образ. Ведь именно к этому стремились основные идеологи партии социалистов-революционеров, именно такой образ они усиленно пропагандировали.

Многообразие борющихся на политической арене сил, особый характер революционной борьбы оказали влияние на культуру, творческие и идейные искания ее деятелей. Культура отразила в своем развитии сложность и противоречивость эпохи, полной острейших социальных конфликтов и политических битв, которые привнесли в общественное и художественное сознание новые черты и особенности.

Особенно ярко отразилась история политической борьбы эсеров в творчестве известных русских писателей. Крупнейшие террористические акты дали основу для создания образа террориста в русской культуре, каждый из которых соединял в себе конкретные черты и в то же время обобщенное представление о революционере-террористе.

Многие широко известные литературные произведения отражают симпатии, которые питало образованное общество к суровым и бесстрашным террористам. Так, рассказ Л. Н. Андреева «Губернатор» стал откликом на убийство 17 февраля эсером И. П. Каляевым московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Не менее ярким как с точки зрения литературного таланта автора, так и с точки зрения описания личностей террористов, их морального и нравственного облика, является «Рассказ о семи повешенных». В нем Л. Н. Андреевым изображена одна из выданных Е. Азефом революционных групп. Символично, что посвящен этот рассказ был Л. Н. Толстому, человеку, который, хотя и не принимал террор как метод борьбы, но неоднократно выступал против жестоких приговоров террористам, которые выносило правительство⁶¹. Рассказ прозвучал в свое время как горячий протест против смертной казни.

Персонажи пьес М. Горького также говорят и мыслят как революционеры. В рассказе «Палач» М. Горький осуждал карательный произвол царизма (при этом и метод террористов не вызывал у него одобрения). Судьба молодого террориста Александра Никифорова, совершившего террористический акт и убившего начальника жандармского управления Грешнера, послужила основой для рассказа. Но не столько образ самого террориста, сколько образ человека, согласившегося взять на себя «гнусное дело палача», становится главным в рассказе. Даже «приятели отшатнулись от него», а он, охваченный манией собственного величия, постепенно сошел с ума и нелепо погиб⁶².

Литература была всегда самой близкой к революционному движению из всех областей

российской культуры. Но кроме литературы, ярко свидетельствовала об отношении русского общества к революционному движению в 1905 г. и живопись. Революционный взрыв в России вызвал у русской творческой интеллигенции различные оценки, но при всей противоречивости нельзя не признать большого влияния революционных событий на русскую художественную культуру.

Картины русских художников 1905 г. не содержат сцен казней и политических судов (по понятным причинам и те, и другие были закрыты от глаз общественности), но революционно-обличительная линия русской живописи явно присутствовала. И. Е. Репин всегда ненавидел и презирал «правителей и карателей» России, что непосредственно отражалось в его картинах: «Красные похороны», «Расстрел демонстрации», «У царской виселицы»⁶³. Истинный пафос, заложенный во всех революционных картинах И. Е. Репина, расшифровывается в собственноручных свидетельствах художника, в его высказываниях. Так, прочитав в журнале «Былое» публикацию материала о террористе Хаиме Гершковиче, казненном в 1905 г. в Шлиссельбургской крепости за вооруженное сопротивление властям при аресте, И. Е. Репин написал: «история Гершковича – это глубочайшая, потрясающая трагедия <...> Этот пария из самых ничтожных отбросов человечества вырастает в полубога Прометея. Это величайшее чудо!.. С независимым гордым обликом божественности умирает он за лучшее, что есть в идее человека; умирает счастливый своим великим положением <...> Да, в этом 19-летнем мальчишке умер великий человек»⁶⁴. Красноречивее этого высказывания могут быть только картины самого художника.

Откликается на события 1905 г. и Н. А. Касаткин, написавший ряд революционно-романтических произведений: «Тревожное», «Рабочий-боевик», «Последний путь шпиона», «Беззаветная жертва революции», «Студент», «После обыска».

Выдающимся мастером, чье творчество выражало новые качества русской реалистической живописи, был С. В. Иванов. Картина С. В. Иванова «Расстрел» – одно из лучших произведений о революционных событиях 1905 г., в ней художник изобразил расправу царских войск над безоружной толпой.

Русские художники, встав на сторону революции, предпочли террориста – гороховому, стоящему на охране порядка. Все произведения, в которых, так или иначе, осуждалась карательная политика правительства, всегда вызывали у современников широкий сочувственный отклик.

Театр и музыка были дальше от политики, чем литература и живопись, но, как справедливо замечал В. И. Немирович-Данченко, «если театр посвящает себя исключительно классическому репертуару <...> он рискует <...> стать академически-мёртвым»⁶⁵. В своих письмах (к И. М. Москвину, Л. Я. Гуревич и др.) и выступлениях перед

труппой он указывал на опасность идейного отрыва театра от передовой общественной жизни.

В 1905 г. МХАТ переживал не лучшие времена. Большую часть его репертуара составляла классика. Тем не менее, передовые идеи современности все-таки присутствовали в пьесах. Пьесой «Дети солнца» М. Горького театр боролся с социальной несправедливостью. В годы поражения революции 1905–1907 гг. и наступившей затем реакции МХТ увлекся поисками в области символистского театра («Жизнь человека» Л. Н. Андреева и «Драма жизни» К. Гамсуна, 1907).

Общественная атмосфера была накалена настолько, что, как описывает видный военный деятель Ю. Н. Данилов, «известный русский талант-артист Ф. И. Шаляпин на парадном концерте, проходящем в императорском театре, по требованию “верхов” театра спел известную народную песню “Дубинушка”, в которой некоторые строфы имели революционный характер»⁶⁶. В Большом театре трижды в течение ноября (1-го, 14-го и 23-го) удавалось распространить листки, призывавшие к вооруженному восстанию⁶⁷.

Художественные тексты, картины художников, другие произведения искусства, порожденные революционной эпохой, являлись важнейшим методом, формой пропаганды революционных идей.

Таким образом, в создании образа «героя-террориста» участвовали как сами террористы, призванные к самопожертвованию, так и радикальная и эсеровская литература, неотъемлемой частью которой стал «образ героя».

Террорист-эсер сам считал себя мучеником, добровольно жертвующим самим собой ради спасения народа. В то же время «образ» героя складывался за счет написания «правильных» биографий. Фрагменты этих биографий использовались в прокламациях, листовках эсеров, для агитации и пропаганды террористических методов борьбы. «Герой» все чаще предстает не просто профессиональным революционером, который самоотверженно выполняет свой долг перед народом, но террористом, жертвующим собственной жизнью ради революционного идеала. Именно жертва оправдывала террор в глазах читателей, и она же возвышала образ до уровня трагического персонажа.

В годы Первой русской революции террорист становится самым модным персонажем. Образ террориста оставил след не только в политической истории России, но и в русской художественной литературе, живописи, мемуаристике, философии, журналистике того времени. Восторженное отношение к подвигу террористов впоследствии надолго укоренилось в русском историческом сознании и сохранилось в нём на долгие десятилетия.

В 1906–1907 гг., когда террористическая деятельность захлестывала всю страну, и от террористических актов гибли неповинные люди⁶⁸, общество стало задумываться о цене такой борьбы. Постоянно возрастающее количество террористических актов, а также различных во-

оруженных нападений, ограблений привело к тому, что общество стало испытывать постоянный страх. Историческая же обреченность политического террора как явления стала ясна лишь со временем. История индивидуального террора в России при внешней эффективности показала его бесплодность в качестве средства решения политических задач

Примечания

- ¹ См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000; Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992; Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; Троицкий Н. А. «Народная Воля» перед царским судом. Саратов, 1983.
- ² Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1998. С. 8.
- ³ Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. Берлин, 1923. Т. 1. С. 157.
- ⁴ Андреев Ф. С. Автобиография // Рабочие завода «Серп и молот» (б. Гужон) в 1905 г. М., 1931. С. 67.
- ⁵ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1985. С. 55.
- ⁶ Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 184.
- ⁷ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. С. 62.
- ⁸ Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 245.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 155.
- ¹¹ Убийство В. К. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. К-во Современные проблемы. М., б.г. С. 18–19.
- ¹² См.: Дело об убийстве графа П. П. Шувалова // Освобождение. 1905. № 77. С. 477.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 479.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. С. 244–245.
- ¹⁷ ГАСО. 1905. Ф. 57. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 об.
- ¹⁸ О местном комитете партии социалистов-революционеров и боевой группе // ГАСО. Ф. 57. 1905. Оп. 1. Д. 41. Л. 64.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 1280. 1905. Оп. 1. Д. 1032.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Право. 1905. № 18. 8 мая. С. 1538.
- ²³ Революционная Россия. 1905. № 73. 15 августа. С. 16.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 1280. 1905. Оп. 1. Д. 1032.
- ²⁵ Дело об убийстве графа П. П. Шувалова // ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3602. Л. 11–14.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 653.
- ²⁷ Право. № 31. 28 августа 1905. С. 2824.
- ²⁸ Право. № 18. 8 мая 1905. С. 1538.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3570. Л. 1.
- ³⁰ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах: записки защитника. М., 1931. С. 223.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 73.
- ³³ Цит. по: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 2006. С. 116.
- ³⁴ Дело об убийстве графа П. П. Шувалова. С. 478.
- ³⁵ Там же. С. 479.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Речь Каляева // Убийство В. К. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. С. 23.
- ³⁹ Речь подсудимого // Дело об убийстве графа П. П. Шувалова. С. 479.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Процесс Израиля Персина // Революционная Россия. 1905. № 73. 15 августа. С. 17.
- ⁴² Речь Сидорчука // Революционная Россия. 1905. № 73. С. 15.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Речи рабочих социалистов-революционеров // Революционная Россия. 1905. № 59. 10 февраля. С. 8.
- ⁴⁵ Там же. С. 10.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 7. 1905. Оп. 1. Т. 3. Д. 2611. Л. 3.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1058.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1091.
- ⁵⁰ Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. URL: http://krotov.info/libr_min/16_p/ra/usman_01.htm (дата обращения: 16.07.2010).
- ⁵¹ Осоргин М. А. Указ. соч. С. 102.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Гершуни Г. А. Из недавнего прошлого. Париж, 1908. С. 54.
- ⁵⁴ Революционная Россия. 1905. № 64. С. 15.
- ⁵⁵ Убийство В. К. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. С. 56.
- ⁵⁶ Революционная Россия. 1905. № 68. 1 июня. С. 3.
- ⁵⁷ Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 39.
- ⁵⁸ Революционная Россия. 1905. № 68. 1 июня. С. 3–4.
- ⁵⁹ Дело о боевой организации партии с.-р. Б. И. Мошеенко, Т. Леонтьевой и др. в г. Петербурге // ГАРФ. Ф. 124. 1905. Оп. 43. Д. 704. Л. 15 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 45.
- ⁶¹ См.: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. С. 285–287.
- ⁶² Горький М. Палач // Собрание сочинений : в 30 т. Т. 15. М., 1951. С. 241–243.
- ⁶³ См. подробнее: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. С. 296–297.
- ⁶⁴ Репин И. Е., Стасов В. В. Переписка : в 3 т. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 126–127.

⁶⁵ Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма. М., 1954. С. 119.

⁶⁶ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 1992. С. 57; ГАРФ. Ф. 102. 1905. Д. 9. Ч. 2. Л. 31; Там же. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 387, 398.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 4. Л. 290, 304, 310.

⁶⁸ Особенно после теракта 6 августа 1906 г. на даче премьер-министра П. А. Столыпина. Среди убитых и раненых было более 50 человек охраны и посетителей премьера.

УДК 94 (47). 083

ЗАЩИТА А. Н. ПОТРЕСОВЫМ И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМИ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В АВГУСТЕ 1917 ГОДА

Э. В. Костяев

Саратовский государственный технический университет
E-mail: edikost@bk.ru

В статье проводится детальный анализ занятой после Февральской революции одним из лидеров меньшевизма Потресовым и его единомышленниками «двуединой» позиции в отношении Первой мировой войны. Она сочетала необходимость участия российского пролетариата в организации обороны страны от внешнего врага с борьбой за заключение справедливого демократического мира и нашла своё яркое выражение в дни Объединительного съезда РСДРП и корниловщины.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская социал-демократия, меньшевизм, патриотизм, оборончество.

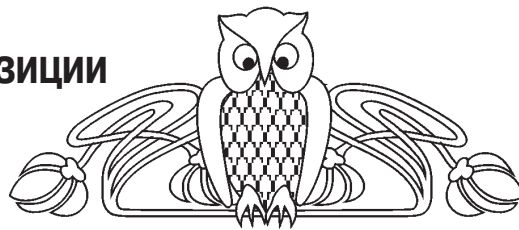
The Protection of A. N. Potresov and his Adherents of Their Position Concerning the First World War in August, 1917

E. V. Kostyaev

The author of this article study a «two-uniform» position concerning the First World War of the one of leaders of Menshevism A. Potresov and his adherents which they had after February Revolution. This position combined a necessity of participation of the Russian Workers for the organization of national defense from the external enemy and a struggle for the conclusion of the just democratic peace. It has found the bright expression during the Unification Congress of Russian Social Democracy and the Kornilov's action.

Key words: First World War, Russian Social Democracy, Menshevism, patriotism, defensism.

Политическая деятельность одного из выдающихся меньшевистских лидеров Александра Потресова освещена в историографии незаслуженно меньше деятельности тех, кто вместе с ним стоял у истоков Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Слабо проанализирована и его позиция в августе 1917 г., хотя период этот был важнейшим для партии (Объединительный съезд РСДРП) и переломным для страны, поскольку в последние дни лета Россия находилась на пороге гражданской войны (корниловщина). Однако, к примеру, в статьях И. Розенталя лишь говорится, что на Объединительном съезде Потресов защищал коалицию с буржуазией, а о сути его позиции по отношению к Первой мировой

войне нет ни слова¹. С. Тютюкин упоминает, что на съезде Потресов в докладе о текущем моменте достаточно чётко сформулировал, что одной из главных задач социал-демократии и пролетариата была защита России от внешнего врага, но не характеризует подробно высказанное докладчиком на съезде отношении к войне на тогдашнем её этапе и к принятой съездом резолюции по вопросу о войне и мире². Об отношении Потресова и его сторонников к корниловщине в указанных работах Розенталя и Тютюкина вообще не говорится. Не упоминается об этом и в написанном А. Ненароковым документально-историческом очерке, включающем описание отношения меньшевиков к «августовскому путчу генерала Корнилова»³.

Летом 1917 г. РСДРП готовилась к намеченному на август съезду, основным вопросом которого должны были стать предстоявшие выборы в Учредительное собрание. На заседании 21 июня 1917 г. Организационный комитет (ОК) РСДРП (меньшевиков) постановил приступить к созыву съезда и избрал для этого Организационную комиссию в составе Б. Батурского (Цейтлина), С. Ежова (Цедербаума), К. Ермолаева, В. Крохмалю и М. Панина (Макадзюба) с включением в неё представителей Комитета Петроградской организации, Кавказского областного комитета, национальных организаций, Московской объединённой организации и избранного 18 июня под председательством Г. Линдова (Лейтейзена) Бюро по созыву объединённого съезда⁴.

4 июля в «Рабочей газете» было опубликовано обращение ОК РСДРП (м) «Объединение социал-демократической партии», в котором указывалось, что накануне избирательной кампании в Учредительное Собрание вопрос о преодолении организационной слабости и создании сплочённой партии встал ребром и не терпел более отлагательства: «В Учредительном Собрании встанут во весь рост все острые вопросы, выдвинутые революцией, и состав его... преопределит исход её, – говорилось в обращении. – Удастся ли и в какой степени удастся социал-демократии закрепить во время выборов свою связь с пролетарскими мас-

сами и с примыкающими к ним широкими слоями демократии, от этого зависит не только влияние пролетариата в Учредительном Собрании, но и ближайшие судьбы социалистического движения в России». Чтобы эта задача была разрешена удовлетворительно, социал-демократия должна была выступить на выборах как единая и организованная партия. Имевший громадное значение для судьбы российской революции вопрос, возможно ли было в тот момент создание единой партии пролетариата, и предстояло разрешить съезду. То, что в нём не собирались участвовать большевики, не смущало его организаторов: «Если Ленин и его единомышленники, – отмечалось в документе, – не могут найти себе места в рядах единой социал-демократической партии, то организованный социал-демократический пролетариат объединится помимо них». Они не сомневались, что здоровые элементы рабочего движения, вопреки Ленину и помимо него, встанут на путь единства социал-демократической партии и своим авторитетом поддержат инициативу созыва объединительного съезда, открытого для всех членов партии без различия их фракционных взглядов: «Для всех, будь то большевики, меньшевики, объединенцы, оборонцы или интернационалисты, для всех, желающих создания у нас единой партии, – подчёркивалось в обращении, – открыта возможность явиться на съезд, ...совместными усилиями, как подбаивает членом одной партии, выработать Программу её деятельности и наметить её очередные задачи и тактические шаги»⁵.

В дни подготовки съезда многие партийные деятели не скрывали скептицизма по поводу его объединительных перспектив. Так, основатель российской социал-демократии Г. Плеханов в статьях того времени само слово «объединительный» непременно брал в кавычки, подчеркнув в газете «Единство» от 4 августа 1917 г., что сам съезд, «недостаточно обдуманно созданный в настоящее время, не даст ничего, «кроме неумело сколоченного колеса, от которого очень скоро останутся только спицы»⁶. И даже в редакционной статье органа ОК РСДРП «Рабочей газеты» «К Объединительному съезду», вышедшей за день до его открытия, признавалось, что созывался съезд «при дурных предзнаменованиях» и «без достаточной уверенности, что это «объединение» не приведёт к расколу»⁷.

Солидаризировался с приведёнными суждениями и Потресов в статье «К вопросу об объединении партии», опубликованной в газете «День» от 3 августа 1917 г. Он отмечал, что было бы оправданно и жизнеспособно только такое объединение, которое имело бы результатом достижение партийного «единства в действии». А вопрос о том, существовало ли тогда в российской социал-демократии такое единство, являлся, по мнению Потресова, центральным вопросом партийного бытия, который «надо поставить ребром со всем мужеством, подобающим революции, в

которую мы живём, вместо того, чтобы его обходить...». Необходимо было поставить потому, что меньшевизм тогда был разделён на течения и, формально единый, представлял собой конгломерат друг с другом органически не связанных частей: «Перед нами, – писал Александр Николаевич, – и в пределах меньшевизма все цвета радуги: от близкого к большевизму циммервальдийского интернационализма через так называемое революционное оборончество разных оттенков... к оборончеству чистой воды»⁸.

Совместимо ли, задавался вопросом он, сожителство этих течений друг с другом и могла ли их комбинация дать то «единство в действии», которое необходимо для правильного функционирования партии? Прежде, чем ответить на вопрос, Потресов считал необходимым честно признать, в каком состоянии пребывала тогда меньшевистская социал-демократия: «Ведь только слепой может не видеть, – подчёркивал он, – что наша партия сейчас не живёт, а прозябает, что её, как таковой, как организации, как целостной индивидуальности нет на поверхности жизни, нет как застрельщика в политике и революционной демократии, как передового борца революции, который, забегая вперёд, тащит за собой других и указывает путь, по которому предстоит идти и по которому действительно идут. Меньшевистская социал-демократия, как партия, как организация, это не авангард, это... арьергард демократии, та наиболее малоподвижная, тяжёлая на подъём её часть, которая плетётся вместе с обозами революции, попадая всегда слишком поздно, когда решение уже принято, и когда ей всякий раз остаётся лишь санкционировать совершившийся факт...». Особенно разительно убожество партийной политики бросалось в глаза на фоне деятельности Советов и, в частности, их меньшевистской части: «В этой советской деятельности, – признавал Потресов, – далеко не всё обстоит, как следует: в ней есть крупные промахи, ошибки намеченного направления действия. Но рядом с ошибками есть дерзание, есть заслуги революционного творчества, есть ответственные шаги, предпринятые в критическую минуту. Словом, есть плюсы и минусы, и в общем итоге больше плюсов, чем минусов, и баланс даёт величину положительную. Но чисто партийный баланс – это нуль, или хуже нуля, это нечто несравнимое с балансом советского меньшевизма, нечто, что должно наводить на самые серьёзные размышления»⁹.

Свою жизнеспособность меньшевизм проявлял тогда только вне партийных пределов потому, полагал Александр Николаевич, что внутри них он «до сих пор находил не единство в действии, а единство в бездействии, – в то время, как за границами партии он, даже и блокируясь с другими демократическими партиями, от этого сочетания с ними не был обрекаем на бездействие, не оказывался в положении связанного по рукам и по ногам»: «В меньшевистской партии, – писал он

далее, – её оборонческая и так называемая интернационалистская части достигли... изумительных результатов во взаимной нейтрализации друг друга: всё существенное, всё характерное для каждой из них они добросовестно и аккуратно друг у друга съели. Не удивительно, что в результате получилась политика выеденного яйца, – никому не нужная и всем надоевшая, стоящая в вопиющем противоречии с революционным моментом, который требует действия и действия во что бы то ни стало, который не выносит неопределённости и казнит всё межеумочное...»¹⁰.

Вывод из сказанного виделся Потресову вполне очевидным, поскольку он был убеждён, что «в наше подвижное, революционное время, когда события не ждут и призывают к немедленному действию... допустимы – безразлично, в партийных рамках или вне их – только... сожительства таких направлений, которые совпадают в своих ближайших практических целях, которые одинаково понимают в общем и целом предстоящую им очередную задачу и могут наметить общий план. Даже если они принципиально глубоко различаются между собой, они могут идти рука об руку, как это наглядно в ряде случаев показали народнические и социал-демократические фракции Совета». И, наоборот, при казавшейся тождественности основных теоретических предпосылок марксизма, «дело совместной работы безнадежно, раз отсутствует общность платформы, раз направления так глубоко противоречат друг другу, как противоречат друг другу оборончество и циммервальдийский интернационализм»: «Их невозможно объединить в единстве действия, – приходил к неутешительному заключению Александр Николаевич. – Их можно было до сих пор объединить лишь в единстве бездействия»¹¹. Дальнейший ход событий лишь подтвердил это его заключение.

В первый же день работы Объединительного съезда РСДРП, 19 августа 1917 г., Потресов выступил с докладом о текущем моменте. Он заявил, что после победы Февральской революции та национальная задача, которая способна объединить общие усилия буржуазии и пролетариата, не была до конца решена, поскольку, свергнув царизм, революция не могла в условиях продолжавшейся мировой войны мгновенно поставить страну на ноги, ибо происходила «в стране, которая по наклонной плоскости катится в какую-то пропасть», катится потому, что войной Россия была крайне разорена и перед ней стояли поэтому «колоссальные, гигантские, невероятные задачи государственного, хозяйственного и всякого другого строительства»: «Дело в том, – говорил Потресов, – что революция, которую мы сейчас переживаем, происходит в процессе неоконченной трёхлетней войны, в процессе мирового потрясения, революция происходит в стране отсталого капиталистического развития... и это есть центральный момент, который нужно нам учесть, это есть то, благодаря чему

мы можем сказать: нет, роль буржуазии, когда национальная задача, которая стоит перед Россией и пред всеми классами, сейчас во весь свой рост встала и стоит перед нами, не кончилась тогда, в дни свержения царизма...»¹².

Ввиду того что страна шла «навстречу колоссальному банкротству, в России мы несомненно накануне всеобщего обнищания, в России мы накануне того, что она превратится в какой-то осколок, воспоминание от страны, куда-то рвавшейся, к чему-то стремившейся, страны, которая может превратиться в колонию какого-то другого государства или комплексии государств, но перестанет существовать как самостоятельное целое», перед российской социал-демократией, отмечал Потресов, стояли тогда специфические задачи. Он напоминал, что партия пролетариата с точки зрения марксизма, будучи самой революционной партией по отношению к капиталистическому строю и партией наиболее антагонистического по отношению к капитализму класса, являлась в то же время партией, для которой «как воздух для людей и всякого живого существа нужнее развивающееся общественное хозяйство, растущие производительные силы; нет этих производительных сил – исчезает основа... социал-демократии»: «Вот почему в этот момент, – говорил Александр Николаевич, – когда жизнь посягает на эту основу... всякого с[оциал]-демократического развития... с [оциал]-д [емократия] обязана больше, чем какой-либо другой класс, во имя своих конечных интересов... потому, что она есть партия совершенного капиталистического развития... взять на себя задачу поддержания этого развития, заботу о предупреждении катастрофы, которая вырвет почву из-под её ног. В этом смысле нет момента, который возлагал бы больше тягот на с [оциал]-д [емократию], чем момент, переживаемый нами. Именно теперь партия пролетариата должна вспомнить о том, что она в этом смысле есть партия развития, партия государственная, что в этой заботе о государственности лежит её первейший классовый интерес...»¹³.

Такая характеристика Потресовым экономического положения тогдашней России имела под собой основания. Ещё за месяц до открытия Объединительного съезда РСДРП заведующий Экономическим отделом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов меньшевик Липкин сказал: «Снабжение страны продовольствием с каждым днём становится всё хуже. Поставка хлеба уменьшается. Впереди вырисовывается голод. А если это случится, нас ожидает участь старого режима»¹⁴. Цены с февраля по июнь 1917 г. выросли на 50%, а с июля по октябрь – в 2–3 раза и более¹⁵. Министр торговли и промышленности Временного правительства Прокопович на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. говорил: «Положение страны в продовольственном отношении является в настоящее время очень тяжёлым. Основным про-

дуктом питания – хлебом – население во многих местах не обеспечено. Петроград и Москва всё время получают уменьшенный паёк – $\frac{3}{4}$ фунта хлеба на душу. ... Война нам стоит колоссально дорого. ... приходится отдавать около 40–50% народного дохода на войну. Масса товаров, масса тех материальных благ, которыми жило население, оттекает на войну...»¹⁶.

Характеризуя экономическое состояние страны к началу августа 1917 г., «Известия ВЦИК» писали о невероятной финансовой неурядице, когда государственный долг поднялся до 60 млрд руб., о стремительном падении курса рубля и бешеной скачке дороговизны. Газета отмечала, что городская промышленность набивала карманы предпринимателей, ничего не давая широким слоям населения, особенно крестьянам. Деревня не получала ни гвоздей, ни ситца, ни керосина, ни спичек, ни сахара. Поэтому, по мнению газеты, деревня не поставляла в город хлеба, масла, мяса и молока. В статье констатировалось изнашивание машин и падение производительности труда на предприятиях, разрушение железных дорог, приходивших в негодность. Газета приходила к выводу, что вся хозяйственная жизнь «поражена тяжёлым злокачественным недугом, а экономическая анархия и разложение порождают такие же политические процессы»¹⁷.

Всё это диктовало социал-демократии, говорил Потресов на съезде, её основные задачи «спасения страны, поддержания и укрепления государственно-общественного хозяйства, – и тут у неё общие задачи с буржуазией»: «В этот момент, – уверял он, – мы не можем скинуть со счетов нашего естественного союзника, данного нам историей. Ибо и для буржуазии разрешение указанных задач, меры, предупреждающие распад государства, есть предпосылка её существования». Большого значения империалистическим вкусам российской буржуазии Потресов не придавал потому же, почему не придавал такого значения «империалистическим вкусам турецкой буржуазии и вообще империалистическим вкусам буржуазии той страны, которая пока что имеет все шансы обратиться не в субъект империалистической политики, а в объект её». Он считал очевидным, что «сейчас ни о каких константинопольских программах российским империалистам и Милюкову... говорить не приходится. Ещё в марте месяце Гучков, трезвый политик, говорил: “Ах, я готов идти на мир без аннексий и контрибуций, потому что всё равно Константинополя нам не выдать”»¹⁸.

Если сбросить со счетов буржуазию, задавался вопросом Потресов, то какими силами думали оперировать один из лидеров меньшевиков-«интернационалистов» Ю. Мартов (Цедербаум), заявивший на съезде, что роль буржуазии в революции уже сыграна, и его единомышленники? Мелкой буржуазией? «Но если пролетариат в России, – говорил Александр Николаевич, – об-

ременён плохой наследственностью царизма, то не было ещё страны, где бы мелкая буржуазия и крестьянство отличались такой аморфностью, как у нас. Мелкая буржуазия выдвинула бесконечно мало творческих сил. Возьмите Советы. Мы видим там в качестве представителей крестьянства всплывшую на поверхность интеллигенцию, но мы ещё не видели подлинного лица крестьянских масс. В процессе укрепления и развития производительных сил страны и в ходе революции мелкая буржуазия является весьма ненадёжным союзником пролетариата. Если бы мы могли ждать десятки лет, если бы нам не угрожало катастрофическое развитие, может быть, у нас бы и развилась настоящая солидная крестьянская партия. Но сейчас у нас есть только гигантский с [оциал]-р[еволюционерский] нуль, который грозит превратиться в большинство Учредительного Собрания. Поэтому нам приходится судорожно искать союза с буржуазией, потому что кривая мелкой буржуазии нас не вывезет, она меньше всего способна осуществлять те творческие задачи, которые сейчас стоят перед партией пролетариата»¹⁹.

Перед пролетариатом и его партией – РСДРП – стояла тогда «задача государственного строительства», говорил в заключение речи Потресов: «Надо, чтобы партия выдвинула своим первым лозунгом эту творческую задачу, ... чтобы пролетариат принял первейшее участие в организации... обороны страны. И поскольку пролетариат будет принимать в этом участие, постольку лозунг этот не останется лозунгом кружков, а пойдёт в массы, поскольку лозунг этот оживит массы, постольку станет очевидным, что буржуазия должна принести все те жертвы, которые требуются этой национальной задачей – только тогда мы сможем её к этому привлечь силой пролетарского давления». Основной общенациональной проблемой он считал тогда необходимость защиты страны и усиления её обороны: «Конечно, – считал нужным добавить Потресов, – эту задачу следует выполнять, всегда памятуя и агитируя за тот демократический мир, который не приемлет буржуазия, всегда заявляя о том, что мы с такими мечтаниями, которые ещё, может быть, имеются до сих пор у буржуазии, несмотря на всё плачевное состояние России, будем всегда бороться, особенно когда это станет на очередь. Сейчас на очереди не это, сейчас пред нами стоит непосредственная задача предотвращения военного разгрома России, теперь надо увеличить оборону страны»²⁰.

В резолюции, предложенной на съезде по докладу Потресова, говорилось также, что, отстаивая интересы государственного целого, пролетариат обязан был принять на себя и «активное участие во власти, которая возьмёт в свои руки реализацию этого решения». Такая власть должна была быть концентрацией «сил пролетариата, крестьянства и передовых элементов буржуазии». Только при таких условиях, гласила резолюция, было возможно «осуществление общенациональ-

ной задачи и реализация очередной программы работ этой коалиционной власти, программы, распадающейся на две основные, друг [с] другом связанные части: а) оборона страны, требующая создания боеспособной армии, которая, противопоставляя свою мощь натиску врага и побеждая, могла бы приблизить возможность осуществления того демократического мира, к которому стремится демократия всех стран, б) организация хозяйственных сил страны, требующая создания государственного аппарата, который мог бы, мобилизуя все хозяйственные силы государства и принимая самые героические меры, осуществить план поднятия, укрепления и развития производительных сил России...»²¹.

Объединительная задача съезда, по мнению одного из тогдашних единомышленников Потресова, его коллеги по редакции «Дня» и члена ЦК Бунда Давида Заславского, высказанному в конце августа в № 3 журнала «Голос Бунда» за 1917 г., свелась к тому, чтобы объединить «“интернационалистов” чистой воды с центром меньшевистской партии и с “оборонцами” потресовского толка, или переводя все течения на лица – объединить Мартова, Церетели и Потресова. С формальной стороны такое объединение совершилось»²². При этом Заславский делал оговорку о показательности прений по вопросу о выборах в ЦК РСДРП в том отношении, что старая фракционная психология не была изжита и, наоборот, получила новую пищу: «И надо быть оптимистом не в меру, – замечал он, – чтобы видеть в избранном Центральном Комитете олицетворение партийного единства». Съезд «санкционировал ту “двуединую” политику обороны страны и борьбы за мир, теоретическое обоснование которой наиболее полно дано было в речи А. Н. Потресова. Но двуединство партии, компромисс между крайними крыльями, – подчёркивал Заславский, – куплен был ценой урезывания, обескровления, обесцвечивания «оборонческой» стороны тактики. В резолюции сказались обычная боязнь определённых и ярких слов. “Интернационалисты” потерпели поражение. “Интернационализм” в его специфическом и условном смысле одержал победу»²³.

По мнению Потресова, весь ход съезда говорил о том, что «неблагополучно обстоит в нашей партии, что она живёт какой-то ненастоящей жизнью и что подлинной жизни в ней нет». Если бы эта подлинная жизнь имела, был убеждён Александр Николаевич, то она «прежде всего отразила бы боль, заботу, властную идею момента и поставила бы перед партией ребром весь клубок проклятых вопросов, именуемый национальной задачей спасения страны, и, в частности, что делать, какую роль взять на себя этой партии, претендующей на представительство от 200 000 человек. Шутка ли сказать – 200 000 человек! Ведь это же сила! Это же целая армия!»²⁴. Тогда вопрос о том, как практически использовать эту армию, «как двинуть её на пользу общего дела в качестве

авангарда, вдохновляющего менее сознательные массы и идущего впереди этих масс, чтобы показать им пример и начать взятие – штурмом или осадой – решение общенациональной задачи», должен был бы встать перед съездом «во всей своей исключительной, всепоглощающей важности и отгеснить другие вопросы»: «Было бы естественно, – отмечал Потресов, – если бы приехавшие на съезд делегаты в этот критический для России период были одержимы навязчивой мыслью, знали “одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть”, если бы они принесли в Петроград из своих провинциальных... углов – свой опыт, свои размышления по данному поводу, свои... прошедшие через синус жизни пожелания, предложения, намерения». Только тогда съезд был бы «действительно встречей, закладывающей фундамент боеспособной партии, тогда он превратился бы подлинно в лабораторию, способную выработать из хаоса перекрещивающихся мнений настоящую директиву-программу для ближайшей практической работы»²⁵.

Но действительность не оправдала таких ожиданий: «Съезд с первых же дней обнаружил, – указывал Потресов, – что в нём не только нет творчества, но что он просто не поспевает за событиями, что и сам он, и решения его являют собою какой-то анахронизм, образ из прошлого, не отвечающий тому, что происходит кругом». Из выступлений провинциальных делегатов стало ясно, что «им, признаться по совести, нечего поведать съезду, что у них ничего на сердце не наболело, что никакой, хотя бы и самой невразумительной, перспективы перед ними не имеется и что всё бремя решения вопроса ложится целиком на плечи петроградских фракционных вождей... и что толща съезда склонна, не мудрствуя лукаво, просто приложить свой штамп к одному из заранее приготовленных рецептов...». В результате вместо большой и ответственной работы по формированию коллективного мнения партии общими усилиями участников съезда его задача упростилась до чрезвычайности и «свелась к состязанию двух-трёх чемпионов фракционно-политической борьбы...»²⁶.

На вопросе о политическом положении страны и задачах социал-демократии, как и на вопросе о войне, полагал Потресов, партийное большинство дало бой так называемым «интернационалистам» и одержало победу: «Но можно сказать, – делал он оговорку, – этим устранением интернационалистской “опасности” и ограничилось всё содержание победы. Сама же по себе эта победа и дала повод лишь выявить всю безмерную отсталость партийного сознания от тех требований, которые предъявляет ему катастрофическое развитие событий...». Перечитав принятые на съезде резолюции его большинства, можно было убедиться, что «они обе лишь с небольшими изменениями могли быть составлены и несколько месяцев назад и что на самые жгучие вопросы

текущего дня у них нет ответа даже и в виде бледного намёка»: «Так, резолюция о текущем моменте, – писал Потресов, – в сущности, не знает общенациональной задачи, охватывающей все прогрессивные слои буржуазного общества, как и пролетариат, и крестьянство. Задача революции, наоборот, прикреплена целиком к “организованной революционной демократии”... И это в переживаемый нами переломный момент революции, когда со всей очевидностью выяснилась вся недостаточность сил одной революционной демократии для осуществления даже элементарного самосохранения страны». Резолюция даже не намекала на то, что же должна была нести партия в ряды сотен тысяч шедшего за ней пролетариата: «Лозунг национальной задачи, – отмечал Александр Николаевич, – как таковой точно и не существует, точно на ответственность пролетариата и социал-демократии не ложится сейчас, как и на прочих граждан России, безмерная тяжесть защиты страны и государственного строительства...»²⁷.

Но ещё менее благополучно обстояло дело с резолюцией съезда о войне и мире: «Когда всматриваешься в неё, – читаем мы в статье Потресова, – то кажется, что справедливый конец резолюции, в немногих словах говорящий о необходимости сплотиться пролетариату и демократии для отражения “смертельного удара, нависшего над революционной Россией”, есть случайная позднейшая вставка, невинная дань “моменту” – падению Риги, и что резолюция во всём своём целом составлялась ещё под звуки той плачевной мелодии борьбы за мир и надежды на европейский пролетариат, которой можно было бы, казалось, замолкнуть сейчас, в эти чёрные дни, когда пролетариат Германии, обмундированный Вильгельмом, совершает свой поход на Петроград, а “Стокгольм” развеян, как дым, исчез, как фата-моргана в пустыне...». Ясно очерченной, конкретной и определённой цели действия, которой должна следовать партия и к чему она обязана была призывать рабочие массы, в обеих резолюциях Потресов не усматривал, в чём и заключался «бледный ужас, выявленный съездом»²⁸.

И предполагал далее, что именно в этом может заключаться причина «той примиренческой сговорчивости, которую, в конечном счёте, обнаружил съезд по отношению к своему “интернационалистскому” меньшинству». Если бы у большинства съезда, считал Потресов, политика текущего дня была бы менее расплывчатой и более тесно сливалась с борьбой за достижение определённых результатов, которые отвергались политикой меньшинства, тогда разговор с этим меньшинством имел бы существенно иную окраску и иные последствия: «Но расплывчатое большинство, – констатировал он с сожалением, – не имеет подобной политики, у него нет той определённости, которая требуется революцией от всех, кто хочет иметь успех, кто желает оказаться на поверхности жизни, и потому оно раскрывает

свои двери – двери партии – интернационализму, и потому оно даже в центральных учреждениях вмещает компанию Мартова». При настоящих условиях, выражал уверенность Потресов, состоявшийся съезд «будет переходом от старой канители к новой, которая будет продолжать тянуться под славным знаменем революционного марксизма до тех пор, пока это разительное несоответствие партийного содержания велениям времени не разразится – в один невесёлый день – катастрофой для партии»²⁹.

Сейчас мы знаем, что это предсказание Потресова было пророческим. Но пока катастрофы ещё не случилось, вместе с единомышленниками он принимал меры для того, чтобы попытаться избежать такого исхода. Один из его тогдашних сподвижников Семён Португейс болезненно отреагировал на содержание принятой 21 августа на Объединительном съезде телеграммы в адрес солдат Северного фронта, которая гласила: «Съезд приветствует армию рабочих и крестьян, мужественно сражающихся под стенами Риги, и призывает армию стойко сопротивляться нападению, сохраняя порядок и организованность. Съезд призывает весь российский пролетариат не поддаваться панике, бдительно следить за тем, чтобы новые неудачи на фронте не были использованы контрреволюцией для травли революционной армии и для покушений на её демократический строй, и приложить все усилия к тому, чтобы армия, неся свои тяжёлые жертвы, знала, что в тылу организованный народ со всей своей энергией борется за скорейшее заключение всеобщего мира»³⁰. Такое распределение ролей между армией и пролетариатом Португейс не считал справедливым: «Армию призывают к тяжёлым жертвам и это конкретно... Пролетариат призывают к борьбе за мир – и это... словеса...»

Как же понять, – задавался вопросом он, – это чудовищное разделение труда: ты сражайся и умирай, а я буду бороться с контрреволюцией и за мир?

Какой это грустный... и жестокий привет потрясённой армии!». Если бы съезд, считал Португейс, «был свободен от циммервальдских предрассудков, он, приветствуя армию, сказал бы ей: ты сражаешься за почётный для родины мир и в этой борьбе мы идём тебе на помощь величайшим напряжением нашей трудовой мощи.

Держи крепко в руках своё ружьё, мы крепко держим в руках свой молот. И такой привет, – был убеждён он, – радостно восприняли бы вся армия, вся Россия»³¹.

Отозвался на произошедшее 21 августа взятие Риги германскими войсками и Потресов. Следует отметить, что все опубликованные в «Дне» статьи Александра Николаевича о войне – это «крик души» пламенного патриота революционной России, всем сердцем глубоко переживавшего неудачи её армии. В одной из таких статей, которая была опубликована на следующий день после

падения Риги, мы читаем: «Стране нанесён удар, значение которого невозможно переоценить. Надо иметь мужество его вынести. Надо проявить решимость и, с раною в груди, стиснув губы от боли, спокойно и твёрдо сказать – себе и противнику: борьба продолжится!»

Революционная Россия, как старая легендарная гвардия, умирает, но не сдаётся! Рига пала, но русский народ, сбросивший с себя ярмо деспотизма, ещё на ногах, и пока на ногах, способен совершить тот подвиг освобождения, который от него ждёт демократия всего мира.

Смертельная опасность удесятерит силы. Великий народ России не стекло, которое дробится, а металл, который куётся ударами булата. И настоящий удар, – убеждал читателя Потресов, – выкует в революционной России железную решимость победить, чего бы это ни стоило! Отстоять себя всеми мерами, как бы крайни они ни были! Всё подчинить единой задаче – национальной защите!». Настал момент признать, образно выражался он, что вся Россия «есть осаждённая крепость, что вся Россия – есть фронт. Что тыла не существует и всюду господствует закон последней борьбы, величайшего напряжения коллективной энергии, которая зовётся – общественной дисциплиной. ...

Долой малодушие! – с пафосом восклицал Потресов. – Гоните трусов и трусость! И да здравствует железная дисциплина демократии!

Пусть Рига будет той Нарвой, которая была первым шведским уроком Петру.

Началось с Нарвы, а кончилось – Полтавским боем. Неудавшаяся (может быть, налаженная? – Э. К.) дисциплина демократической страны будет тоже иметь свой Полтавский бой с Вильгельмом и Гинденбургом³². В данном случае предположения Александра Николаевича пророческими, к сожалению, не оказались. Тогдашний глава государства Керенский был политиком другого масштаба, нежели Пётр I. И если умевшего извлекать уроки из поражений Петра Нарва привела к выигранному затем бою под Полтавой, то не умевшего это делать Керенского Рига привела вскоре к проигранному в Петрограде бою с большевиками и эмиграции.

Такой же сильной душевной болью и неподдельным беспокойством за судьбу находившейся тогда у опасной черты России были проникнуты посвящённые корниловщине статьи Потресова и его единомышленников, опубликованные в «Дне» в конце августа – начале сентября 1917 г. Так, в увидевшей свет 29 августа передовой статье редакции «Да не будет этого!» мы читаем: «Корнилов идёт на Петроград. Иными словами, это цензовая Россия идёт на революционную демократию России.

... Перед нами явление большого социального калибра, перед нами восстание одного класса России против другого. Открытое прямое начало гражданской войны». В статье выражалась уверенность в «коллективности режиссуры этого

выступления со стороны широких и влиятельных кругов той части страны, которая находила своё увенчание в IV Государственной Думе», а июльское выступление большевиков в Петрограде по сравнению с корниловщиной называлось «детской и пустой забавой». Движение Корнилова ассоциировалось с началом гражданской войны, то есть с «началом крушения России»: «Ибо Россия, – пояснялось в статье, – три года ведущая войну с внешним врагом, измученная, истощённая, без сил, – не в состоянии вести одновременно войну на двух фронтах – внешнем и внутреннем.

И пусть те, кто посягают сейчас на внутренний мир России, помнят, что они ведут Россию к гибели, что они совершают преступления против России и что на том пути, на который они встали, им самим грозит неотвратимое фиаско даже и в том случае, если бы они одержали мимолётную победу над демократией России». Но даже определение корниловщины, как «восстания одного класса России против другого», не заставило редакцию «Дня» отказаться от убеждения в необходимости объединения усилий буржуазии и представителей революционной демократии ради решения возникших проблем: «Нельзя сейчас вывести государство и народ из тупика, в который его загнала мировая катастрофа, – говорилось в передовице газеты, – если не напрячь всенародных усилий, если не сочетать того, на что способно только демократия, с тем, что может только буржуазия. Всякое спасение в одиночку... есть буйная утопия, есть зловреднейшая из химер, за которую расплачиваться будет всё общество...»³³.

Нужна была «подлинная кооперация» демократии с буржуазией во власти, писал Потресов на следующий день, ибо только она одна могла привести в движение необходимый для спасения России максимум энергии, опыта, знания и силы, ослабить и затушить ту интенсивность вражды, которая разделила тогда две половины России и готовила ей гибель: «Вот почему, – подчёркивал он, – возможная победа Временного Правительства над Корниловым должна иметь своим последствием не столько покорение виновных... сколько заботу о том, чтобы устранить возможность повторения подобных историй, сколько создание атмосферы, в которой бы была немислимой эта гражданская война.

Под Временное Правительство надо подвести, – считал Потресов, – более широкий социальный базис...»³⁴.

В том же номере газеты меньшевик Семён Кливанский резко осудил этот «поступок главнокомандующего», набросивший «огромную чёрную тень на высший командный состав»: «Этому преступлению нет имени, – отмечал он с возмущением, – это огромное народное бедствие.

Перед лицом врага российской армии нанесён удар, по сравнению с которым потеря Риги принимает характер незначительного поражения». Опасаясь негативных последствий произошедше-

го для армии, Кливанский высказал убеждение, что революционной демократии в сложившихся обстоятельствах было «необходимо немедленно принять меры к тому, чтобы пущенные со страшной силой удушающие газы подозрительности и недоверия не отравили все части, необходимо немедленно начать восстанавливать все разрушенные в организме армии Корниловским взрывом ткани, необходимо продолжать начатую работу по восстановлению боеспособности армии». При этом демократии, считал Кливанский, «придётся ограничиться удалением наиболее заражённых частей, перенося центр тяжести в организацию контроля, ставящего высший командный состав на его место, как руководителя боевым организмом армии и лишённого возможности политически властвовать над солдатами»³⁵.

В следующем номере газеты Заславский остановился на личных качествах Корнилова и его способностях военачальника: «Генерал Корнилов не столько авантюрист, сколько плохой верховный главнокомандующий, – подчёркивал он. – Он составил... превосходный план гражданской войны. Но при этом обнаружили политическую ограниченность Корнилова, невежество его и неумение организовать собственные силы. И, если таков бывший вождь армии, таковы его помощники, то что же удивительного в том, что мы терпим поражения... на фронте внешнем? Во всяком случае, своё поражение под Гатчиной наш боевой генерал никак не может свалить на большевиков. Винить надо собственную бездарность»³⁶.

Анализ высказываний Потресова и его единомышленников в ходе заседаний Объединительного съезда РСДРП, в связи с ним и сразу после его окончания, в дни корниловщины, позволяет сделать вывод, что в этот период они последовательно отстаивали «двуединую» позицию по отношению к мировой войне, сочетавшую заботу об участии российского пролетариата в организации обороны страны от внешнего врага с его одновременной борьбой за заключение справедливого демократического мира. Однако следует отметить, что в конкретной обстановке тех дней в область практической политики на первый план была выдвинута оборонческая часть «двуединой» платформы Потресова и его сподвижников, что было связано со складыванием в конце лета – начале осени 1917 г. крайне неблагоприятной для России конъюнктуры на фронтах мировой войны, когда германскими войсками была взята Рига и появилась непосредственная угроза захвата ими революционного Петрограда.

Примечания

¹ См.: Розенталь И. С. А. Н. Потресов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 196; *Он же*. Потресов // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 479.

² См.: Тютюкин С. В. *Меньшевизм: Страницы истории*. М., 2002. С. 387, 389, 395–400.

³ *Ненароков А.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // *Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона*. Т. 3. *Меньшевики в 1917 году: от корниловского мятежа до конца декабря. Часть первая. Август – первая декада октября*. М., 1996. С. 14–24.

⁴ См.: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. *Меньшевики в 1917 году: от июльских событий до корниловского мятежа*. М., 1995. С. 302–303.

⁵ Там же. С. 303–305.

⁶ Цит. по: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 310.

⁷ Там же. С. 316.

⁸ *Потресов А. Н.* *Посмертный сборник произведений*. Париж, 1937. С. 252.

⁹ Там же. С. 253.

¹⁰ Там же. С. 254.

¹¹ Там же.

¹² *Потресов А. Н.* *Избранное*. М., 2002. С. 210.

¹³ Там же. С. 211.

¹⁴ *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 177.

¹⁵ Там же. С. 366.

¹⁶ Цит. по: *Драма истории / публ. А. Крушельницкого // Родина*. 1990. № 6. С. 10.

¹⁷ Цит. по: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 363.

¹⁸ *Потресов А. Н.* *Посмертный сборник произведений*. С. 255; *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 353–355.

¹⁹ *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 343, 357–358; *Потресов А. Н.* *Посмертный сборник произведений*. С. 256.

²⁰ *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 358, 377.

²¹ Там же. С. 382.

²² На вечернем заседании Объединительного съезда 25 августа 1917 г. единогласно был принят следующий список членов ЦК РСДРП: от всех фракций – П. Аксельрод; от большинства съезда – И. Церетели, Н. Чхеидзе, А. Чхенкели, Ф. Дан, М. Либер, Л. Хинчук, И. Исув, К. Ермолаев, Б. Горев, Л. Гольдман, П. Колокольников, Ф. Юдин, А. Смирнов (металлист), Г. Батурский, Н. Гарви и С. Зарецкая; от меньшинства съезда – Л. Мартов, А. Мартынов, С. Семковский, Р. Абрамович, Н. Рожков, В. Ежов, Е. Бройдо и В. Яхонтов.

²³ Цит. по: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 566.

²⁴ *Потресов А.* К итогам «объединительного» съезда // *День*. 1917. № 147 (16106). 27 августа. В статье «Съезд партии», опубликованной в журнале «Голос Бунда» за 1917 г. № 3, Заславский уточнял: «Цифра в 200000 членов, представленных на съезде, может лишь с первого взгляда поражать внушительностью своей. По нашему революционному масштабу, когда массы хлынули в организации, когда возможна чуть ли не поголовная организация рабочего класса, эта цифра в сущности не велика. Если вычтешь 60000 организованных рабочих Кавказа и 20000 (приблизительно) идущих за Бундом, то на долю чисто русских, вернее чисто меньшевистских, организаций придётся 120000 организованных членов» (цит. по: *Потресов А.* К итогам «объединительного» съезда. С. 565).

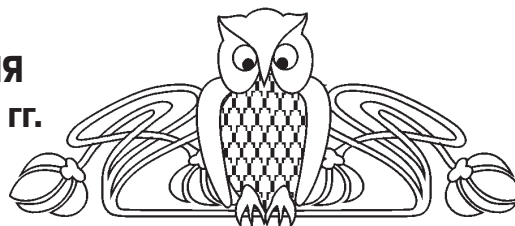
- ²⁵ Потресов А. К итогам «объединительного» съезда // День. 1917. № 147 (16106). 27 августа.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Цит. по: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 436.
- ³¹ Иванович Ст. Привет армии // День. 1917. № 143 (16104). 23 августа.
- ³² Потресов А. Через дисциплину! // День. 1917. № 142 (16103). 22 августа.
- ³³ Там же. № 149 (16108). 29 августа.
- ³⁴ Потресов А. Урок событий // Там же. № 150 (16109). 30 августа.
- ³⁵ Кливанский С. Корниловское восстание и армия // Там же.
- ³⁶ Заславский Д. Корнилов // Там же. № 151 (16110). 31 августа.

УДК 94(47).084

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ 1917–1920-х гг.

Н. В. Шалаева

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Советская власть в революционный период активно развивала праздничную культуру, направленную на формирование в сознании общества «правильного» представления о власти. Но праздничная репрезентативность по своему внешнему выражению и форме была обращена к пролетариату. Вне праздничной культуры осталось городское население не только столиц, но и провинциальных городов, а также крестьянство, ментальности которого не соответствовали пролетарские праздники. Их восприятие праздника было далеко от того желаемого результата, который стремилась получить советская власть.

Ключевые слова: власть, культура, репрезентативность, праздники, пролетариат, крестьянство.

The Formation of the Soviet Festive Culture and Peculiarities of its Perception in the Public Mind in 1917 – 1920th

N. V. Shalaeva

Soviet power was actively developing the festive culture in the revolutionary period which was aimed at the formation in the social consciousness the power's conception. But the festive representation was addressed to the proletariat owing to its external expression and form. The urban population of the capitals and other provincial cities, peasantry whose mentality didn't correspond to the proletarian holidays stayed out of the festive culture. Their holiday's perception was far from the desired result which the soviet power strived to achieve.

Key words: power, culture, representativeness, holidays, proletariat, peasantry.

Особую роль в формировании образов и сценариев власти играли праздники, которые, по точному выражению Ш. Плаггенборга, «можно назвать высшей формой репрезентации, т.к. при их проведении соединяются в одно целое, в ансамбль разные уровни выражения: слово, изображение, движение, инсценировки»¹. Праздники, возникшие как государственный политический заказ, стали механизмом активного вовлечения в уличное действие населения, даже если это

была пассивная форма участия – прохождение в рядах демонстрантов или стороннее наблюдение за шествием колонн манифестантов. По мнению А. Богданова, в праздниках через самовыражение рабочих шел процесс формирования советского коллективного самосознания². А. Луначарский писал в 1920 г., что массовые праздники дают возможность демонстрировать народу собственную душу³.

Как отмечал М. Рольф, «место праздника в обществе обусловлено его многообразными функциями в социальной структуре человеческого общежития»⁴. Власть посредством массовых праздников стремилась реализовать несколько задач как общеполитического, идеологического, так и конкретно-исторического характера. Праздники стали одним из механизмов социокультурной коммуникации, направленной на формирование советской идентичности, событийной сопричастности, «коллективной культурной памяти»⁵, а также явились основой легитимации власти.

Исторически у большевиков не было опыта проведения массовых действий, за исключением демонстраций и манифестаций, которые советская власть берет в основу формирования собственных праздников, соединявших в себе и государственный и партийный характер. Восстанавливая социокультурную и историческую преемственность, советское правительство уже в первый год своего существования обратилось к пролетарским праздникам – 1 Мая и Международному женскому дню, создавая новые (день падения самодержавия, день памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург и др.), возводя их в ранг общегосударственных. Идея отметить 1 Мая в 1918 г. как общегосударственный праздник была сформулирована А. В. Луначарским: «...Но разве не упоительна самая идея, что государство, досель бывшее нашим злейшим

врагом, теперь – наше и празднует Первое мая, как свой величайший праздник?...»⁶.

Торжественность и масштабность первых пролетарских праздников – 1 Мая и Октябрьской революции – должны были рассказать их участникам и зрителям о новой власти и рождении пролетарской культуры. Активное использование символики и атрибуты советской власти, массовые шествия, плакаты и агитационные конструкции, временные памятные сооружения и декорации должны были вызвать чувство соучастия и единения власти и народа. Празднованию Первомая в Петрограде А. В. Луначарский посвятил несколько статей, отмечая величественность, красочность и зрелищность мероприятий⁷. «Все слова, какие только нахожу я для характеристики этого праздника..., этого горького и величавого торжества великого пролетарского авангарда в тяжелый для него момент, – все они находят самый горячий прием у ... публики...»⁸. Но за стремлением ярко и красочно, торжественно и величественно продемонстрировать силу власти, единство пролетариев, солдат и крестьян все равно не удалось скрыть трудностей проведения праздника, отсутствие денежных средств и продовольственный голод, о чем впоследствии писали газеты в конце 1920-х гг.⁹

Первый же советский праздник не дал большевикам необходимого эффекта. Первомая, проведенный в сложный для советской власти период, не смог стать тем символом единения, к которому стремились большевики. Ведь для укрепления в сознании человека праздника как «своего», где отражается новая история, а власть воспринимается как единственно верная, воплощающая интересы рабочих и крестьян должно было пройти некоторое время. Но полученный опыт позволил формировать один из механизмов собственной репрезентативности и влияния на массовое сознание общества.

Тема праздника должна была укрепиться в формирующейся советской культуре, поэтому опыт 1 Мая был перенесен на празднование первой годовщины советской власти, ставшей точкой отсчета рабоче-крестьянской праздничной культуры и календаря. Подготовка к первой годовщины Октября велась уже более тщательно и ознаменовалась целой серией мероприятий, связанных с празднованием этой даты. Все последующие празднования Первомая и очередных годовщин Октября были связаны с отработкой тех сценариев, которые были предложены властью в первый год своего существования. Так, например, в 1919 г. и в последующие годы стали выпускаться сборники сценариев празднования дня солидарности всех трудящихся¹⁰ и Октябрьской революции¹¹, которые создавались комиссиями по празднованию и губернскими или местными комитетами РКП (б). Сборники содержали информацию о праздниках и их истории, рекомендации по прочтению специальной литературы, песни,

посвященные Первомаю и Октябрю, лозунги и призывы и т. д. В инструкциях ЦК РКП (б) указывалось, как надо проводить праздники, как украсить город, как организовать шествие, какие лозунги и темы необходимо поднять на митингах и т. д. Для подготовки и проведения праздников создавались специальные комиссии на местах, к которым «прикреплялись» с целью помощи товарищи из губернских советов.

В 1920-е гг. к активному участию в праздниках стала привлекаться молодежь и дети, на работу с которыми делался особый акцент. Сознание и психология старшего поколения, сформированные многовековой традицией, во многом были связаны с предреволюционной историей и религиозными праздниками, что приводило к трудному укоренению в его сознании нового праздничного календаря. Психология же молодого человека с его стремлением к переменам, к крушению кумиров соответствовала в большей степени социокультурным установкам власти. Сознание молодежи было той почвой, на которой должен был взойти росток советской психологии, сформироваться понятие «советский человек». Не случайно тема молодежи и ее воспитания в разных аспектах звучит у всех руководителей РКП-ВКП (б) в 1920-е гг. В «Директивах ЦК коммунистам – работникам Наркомпроса», в статье «О работе Наркомпроса», в речи на II Всероссийском съезде политпросвета, в статьях «Странички из дневника», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» В. Ленин напрямую связывает задачи воспитания с уровнем и степенью развития культуры. Пролетарские праздники становились одной из форм воспитания молодежи.

В период НЭПа начался процесс децентрализации праздника, отказ от единого руководящего начала был связан, по мнению М. Рольфа, с экономической ситуацией в стране и необходимостью режима экономии¹².

Эти обстоятельства привели к тому, что материальная часть организации праздника была передана местным партийным ячейкам. Отсутствие денежных средств и особая партийная установка на активное привлечение к празднику творчества масс способствовали усилению внимания к развитию самодеятельности. Клубы и низовые организации сами должны были проводить подготовку к праздникам, развивая творчество трудящихся. Были 1920-е гг. в ходе проведения праздников одной из форм стали театрализованные постановки, реконструирующие события недавних лет. В ходе развития праздничной культуры постепенно формировался жанр политической сатиры. Руководствуясь методическими указаниями, низовые организации должны были придерживаться идей «новой драматургии», связанных с выражением сознания коллектива в самодеятельности. Театрализованные постановки праздников носили в основном агитационный характер. Это были инсценировки повседневной жизни рабочих и

крестьян, где противопоставлялась их жизнь до и после Октября, а антитезой выступали понятия «пролетарий» и «буржуй», «помещик» и «крестьянин». Отношение к праздникам и самостоятельным постановкам было неоднозначным, у публики они, по сравнению со сценами из красивой жизни или коммерческим кино, вызывали скуку. Уже к середине 1920-х гг. интерес к ним резко снизился. Деревенские жители отказывались смотреть агитпостановки¹³.

При всей внешней успешности проведения праздников сама праздничная культура и ее восприятие достаточно долго приживались в обществе. В своих воспоминаниях представитель Верховного главнокомандования при немецкой дипломатической миссии в Москве майор Карл фон Ботмер писал: «...Город украшается к Первомаю, который должен быть отпразднован по-особому... Во время прогулки нашим глазам предстала картина "красного" города, стены Кремля наполовину исчезли под красными полотнищами. Особенно на Красной площади, где похоронены павшие во время революционных боев и где состоялись главные праздничные действия. Глазу некуда деться от красок цвета крови»¹⁴. Неоднозначно писал о празднике художник М. В. Добужинский в статье «Бомба или хлопушка. Беседа двух художников», вышедшей в журнале «Новая жизнь» 4 мая 1918 г., где в форме диалога доказывал, что этим одним праздником нельзя сломать вековых устоев и дореволюционной эстетики, и культуры, и исторической памяти в виде памятников¹⁵. Оппоненты советской власти стремились говорить о недостатках праздников, подчеркивая их официозность и разрыв в интересах власти и граждан. Первомай «являлся казенным, принудительным праздником, организованным... по велению власти...»¹⁶.

В провинции первомайские праздники прошли более спокойно и не так торжественно, как в столицах, что свидетельствовало о низкой степени легитимности власти и ее устойчивости. Советский праздник собрал гораздо меньше сторонников и участников, чем православные пасхальные богослужения. Обыватели скорее не заметили или не восприняли 1 Мая, совпавшего с Пасхой, как праздник, упоминая его вскользь: «Канун Пасхи. Погода холодная, но ясная. Деревья еще не распустились. 1 мая был первый в России действительно свободный праздник единения трудящихся. Собрались далеко не все рабочие. Но все же праздник прошел торжественно»¹⁷. Для городских обывателей важнее оказывались традиционные христианские, нежели советские праздники. Так, например, Н. Н. Окунев в дневниках за 1921 г. писал: «1-е мая не праздновали»¹⁸. Схожие мысли встречаются и в записках саратовского провинциала В. Ситникова. Он обращает внимание на то, что в 1921 г. Первомай пришелся на Пасху. Об очередной годовщине Октябрьской революции он даже не упоминал в дневнике, только 10 ноября записал, подводя ито-

ги четырехлетнего существования новой власти, о голоде, о тяжелом материальном положении и т. д.¹⁹ В обоих дневниках на протяжении первой половины 1920-х гг. записи о пролетарских праздниках если и делаются, то после самой даты, дней через 5–7. Для авторов праздники не несли никакой смысловой и ценностной нагрузки. Они были необходимы, по их мнению, только самой власти, поэтому В. Ситников и Н. Окунев старались обойти стороной эту тему в дневниковых заметках. Только в 1929 г. В. Ситников вскользь в дневнике упоминает о праздновании 12-й годовщины Октябрьской революции: «Новый порядок водворен твердо. Других каких-либо основ не может быть. На улицах демонстрации с красными флагами. Погода хорошая, солнечная»²⁰.

Развивая в деревне праздничную культуру, советская власть навязывала крестьянам те же формы праздника, что были характерны и для городской среды – митинги, манифестации, шествия. По письмам крестьян достаточно трудно судить об их отношении к праздникам. Обращаясь к власти, крестьяне в большей степени писали о наиболее насущных для них проблемах – голоде, продразверстке, налогах, межевании земли и т. д. Советская праздничная культура не затрагивала их сознание. Газетные заметки о проведении государственных праздников в деревне, как правило, были очень короткими и формальными. Так, например, газета «Беднота» в 1918–1919 гг. статьи о проведении пролетарских праздников в деревне помещала на последней 4-й полосе, в разделе «Деревенские письма» в виде небольших заметок, тогда как сообщения о подготовке праздника в городе, его проведении помещались на первых полосах. Позитивные отклики о проведении праздника присутствуют, как правило, в письмах селькоров. В письмах крестьян, нейтрально относящихся к власти, слово «праздник» упоминается, как правило, в связи с какой-либо ситуацией. При этом не всегда представляется возможным точно определить, о каком именно празднике идет речь. «...Придет праздник думаем повеселиться вдруг нагрянут целые армии милиций все перетрясут все обыщут и думаешь же я вор убийца грабежник что так меня подозревать»²¹ (в письме сохранена стилистика и орфография его автора. – Н. Ш.). Или «Раньше праздновали царский день так лавки все торговали, а рабочие не голодали... А теперь гуляем и все продовольственные лавки закрыты»²².

Для сельского жителя по-прежнему важную роль играли религиозные праздники, в том числе и те, которые были связаны с земледельческими работами. Пролетарские праздники для них оставались достаточно абстрактными и далекими по содержанию. Поэтому в деревне, как правило, празднование проходило достаточно пассивно. По мнению М. К. Декановой, в этих праздниках не нашел отражения сельскохозяйственный цикл, не был укоренен с точки зрения повторяемости событий. Не последнюю роль в пассивности деревни

сыграла и слабо работающая связь, до крестьянских советов просто не доходила информация о проведении того или иного праздника²³.

Несмотря на это, в деревне, с целью придания праздникам советского смысла, в честь празднования очередной даты закладывали какое-нибудь общественное здание (дом культуры) или открывали очередную библиотеку, избу-читальню, школу, больницу и т. д. На селе празднование государственных праздников не было столь торжественным и помпезным, как в городе. Сами крестьяне воспринимали происходящее двойственно и далеко не всегда радужно и радостно, как это было в городе. Праздники проходили зачастую не по тому сценарию, что намечала власть. Он становился поводом не столько продемонстрировать силу власти, сколько выпить и подражаться. Так, например, в одном из сел Харьковской области на праздник Первомая чуть не избили председателя КНС, заявив, что не признают новые праздники²⁴. В другом сообщении говорилось: «На митинг явились, конечно, дети школьного возраста, все пионеры и комсомол, а из крестьян человек 60–70 мужчин и женщин 100–150 [чел.] – и не больше»²⁵. В другом письме из Белоруссии Горновского сельсовета Борисовского округа крестьянин В. А. Дунец писал, что женщины на собрания почти не ходят (было всего 9), из половины собравшихся (60–65 человек) – молодежь (30–35 человек), что лозунги «равенство, свобода слова» еще не достаточно ясны, особенно в сравнении с жизнью городского рабочего или служащего²⁶.

Особую озабоченность власти в деревне и в провинциальном городе вызывала «живучесть» старой праздничной культуры, религиозной обрядовости. В 1920-х гг. по-прежнему продолжали праздновать и отмечать – наряду с советскими и религиозные праздники – Рождество, Крещение, Пасху и т. д. Для того чтобы изменить настроение общества, обратить внимание на пролетарские праздники, стала развиваться антицерковная пропаганда. В. Маяковский в своих стихах писал:

Товарищи крестьяне,
вдумайтесь хоть раз –
зачем
крестьянину
справлять Пасху?²⁷

Другой цикл его стихов был посвящен церковным обрядам. Сами стихотворные зарисовки называлась: «Кому и на кой ляд целовальный обряд» или «Крестить – это только попам рубли скрести»²⁸. Комсомольцы в такие дни ставили спектакли из сцен советской жизни или с антирелигиозной пропагандой, но народу на них приходило немного, в основном дети и женщины. «Крестьяне от своей темноты говорят, что кто пойдет на собрание, тот будет записан Антихристом, потому что это будто и есть времена Антихриста»²⁹.

Среди причин столь низкого уровня интереса к советским праздникам можно выделить,

во-первых, отсутствие культурно-исторической традиции Первомая, который праздновался исключительно в рабочей среде и только среди радикально настроенных рабочих. Во-вторых, стилистика праздников, их революционная патетика зачастую были непонятны и не соответствовали настроениям большей части общества. В-третьих, в основу праздников был положен опыт революционной борьбы, который имелся у ограниченной части населения страны. В-четвертых, нельзя не учитывать состояния и последствий Гражданской войны, голода и разрухи, царивших в Центральной России и не способствующих распространению революционных иллюзий среди населения.

Для полного утверждения праздника в сознании всего населения страны советской власти необходимо было выработать универсальные сценарии праздников, которые смогли бы превзойти по силе воздействия культурно-религиозные традиции и национальные различия. Переход к такого рода праздникам окончательно произошел только к концу 1920-х гг. Но даже в зарождающейся праздничной культуре советская власть четко и определенно продемонстрировала собственные репрезентативные задачи. Особенно ярко это удалось в первый год существования пролетарского государства. Но даже в условиях Гражданской войны и экономического кризиса власть стремилась к поддержанию в сознании людей идеи прочности и силы государства диктатуры пролетариата.

Примечания

- ¹ Плаггенборг Ш. Культура и революция. Культурные ориентиры периода Гражданской войны. СПб., 2000. С. 287.
- ² См.: Богданов А. Критика пролетарского искусства // Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 439.
- ³ Луначарский А. В. О народных празднествах // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М., 1981 : в 2 т. Т. 1. С. 84.
- ⁴ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 13.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Луначарский А. В. Первое мая 1918 года (Эскизы из записной книжки) // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. С. 4.
- ⁷ «Празднование 1 Мая 1918 г.», «Наш первый Май», «Первый первомайский праздник после победы».
- ⁸ Пламя. 1918. № 2 ; Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. С. 81.
- ⁹ См.: Красная газета. 1927. 11 ноября.
- ¹⁰ См.: 1 Мая 1919 г. : Лит.-худ. сб. Казань, 1919 ; 1-е Мая: статьи, тезисы, стихи. Харьков, 1921 ; 1 Мая : сборник. Екатеринбург, 1923 ; 1-е Мая : Лит. сб. Архангельск, 1923.
- ¹¹ См.: Великая Годовщина пролетарской революции. Пг., 1918; Великая пролетарская революция : Октябрь 1917. Тифлис, 1920 ; Вехи Октября : литературно-

- художественный альманах. М., 1923 ; Октябрь 1917–1921 : сб. лит. студии Пролеткульта. Саратов, 1921.
- ¹² См.: *Рольф М.* Советские массовые праздники. С. 84–85.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–628. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
- ¹⁴ *Ботмер К.* С графом Мирбахом в Москве : Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М., 2004. С. 16.
- ¹⁵ См.: *Добужинский М. В.* Бомба или хлопущка. Беседа двух художников // Художественная жизнь Советской России. 1917–1932 гг. События, факты, комментарии : сб. материалов и документов. М., 2010. С. 44.
- ¹⁶ *Окунев Н. П.* Дневник москвича. 1920–1924 : URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=3244> (дата обращения : 21.04.2012).
- ¹⁷ *Ситников В. Н.* Пережитое. Дневник Саратовского обывателя. 1918–1931 гг. Саратов, 1999. С. 15.
- ¹⁸ *Окунев Н. П.* Указ. соч.
- ¹⁹ См.: *Ситников В. Н.* Указ. соч. С. 28, 32.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 5. Л. 81.
- ²² Там же. Л. 131.
- ²³ См. подробнее: *Деканова М. К.* Формирование советской праздничной культуры в деревне в 1920-е гг. // Вестник СамГУ. 2008. № 1(60). С. 20–27.
- ²⁴ Голос народа : письма и отклики рядовых советских граждан по событиям 1918–1932 гг. : URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5872 (дата обращения : 15.02.2011).
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 5. Л. 58, 62.
- ²⁷ *Маяковский В.* Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога – крестьянству не подмога // Маяковский В. Собр. соч. : в 12 т. Т. 8. М., 1978. С. 102.
- ²⁸ Там же. С. 114, 120.
- ²⁹ Голос народа...

УДК 378

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК РЕСУРС ВОСПИТАНИЯ В НЕПРОФИЛЬНОМ ВУЗЕ

А. Д. Барышева

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: kseny1974@mail.ru

В контексте возрастающей потребности в укреплении воспитательного потенциала образовательных систем в данной статье раскрываются воспитательные возможности историко-культурологической подготовки как составной части гуманитарного компонента непрофильного высшего образования.

Ключевые слова: обучающее воспитание, гуманитарные знания, историко-культурологическое образование, моральный потенциал.

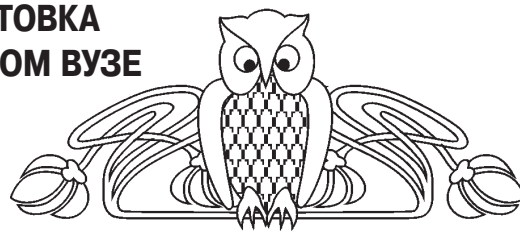
Historic-cultural Training as a Resource in no Profile High School

A. D. Barysheva

The article deals with educational possibilities of historic-cultural training as a part of humanitarian aspect of no profile high education.
Key words: training education, humanitarian knowledge, historic-cultural education, citizenship, moral potential.

В вузовском образовательном пространстве человек развивается не только в рамках профессиональной ориентации. Не менее ценным является опыт, получаемый в процессе воспитания – неотъемлемой частью педагогической деятельности.

Трансляция знаний без воспитательного предназначения оказывается узкопрагматическим действием, не способствующим усвоению экзистенциального контекста жизни. В такой ситуации человек становится, по образному опре-

делению Г. Маркузе, «одномерным», не готовым к мобильной и результативной самореализации в социальном мире, в котором ему суждено находиться¹.

В современной парадигме образования большое значение придается укреплению «обучающего воспитания», призванного усилить воспитательную функцию педагогической деятельности.

Воспитательный потенциал в непрофильной высшей школе существенно укрепляет изучение социогуманитарных дисциплин. Разносторонние гуманитарные знания играют решающую роль в реализации духовно формирующей функции образования, развитии нравственно-мировоззренческого потенциала человека, его смысловых ориентаций. Гуманитарная образованность способствует не только расширению духовного, эмоционального мира человека, но и облегчает освоение любой профессии. В широком плане она способствует сохранению и воспроизводству человека в его социокультурной видовой определенности.

Однако и ныне не утихают дискуссии относительно необходимости присутствия гуманитарной подготовки в непрофильных вузах. По-прежнему отстаиваются идеи, нацеливающие на сокращение гуманитарных предметов, которые в непрофильном образовании перегружают учебный процесс, отвлекают от овладения знаниями, более существен-

ными для будущих специалистов. Раздражает и неопределяемая результативность гуманитарного образования, утопизм самого гуманистического идеала – базовой основы гуманитарной проблематики. В условиях непреодолимого несовершенства человеческой природы предлагается вообще отказаться от гуманистической фразеологии².

Вместе с тем данные взгляды не стали определяющими, гуманитарная подготовка сохраняется в непрофильных вузах. Важным ее компонентом остается историко-культурологическое образование, играющее существенную роль в развитии гражданственности, патриотических чувств молодежи, как приоритетных ценностей, имеющих непреходящее значение для консолидации российского общества, сохранения его государственной оформленности и целостности.

Вузовское историческое образование призвано повышать концептуальный уровень предыдущей подготовки студентов. Однако на этом пути имеются свои трудности. Возможности воспитания историей несколько осложняет хождение далеко неоднозначных оценок событий, происходивших в стране на различных этапах ее развития. Многие проблемы истории до сих пор носят дискуссионный характер. Широк диапазон концепций, формирующих представления о прошлом страны. В мелькании ракурсов зрения на состоявшиеся события, вариативной их интерпретации достаточно сложно формировать концептосферу истории как учебной дисциплины, важной своим воспитательным значением.

Особенно ослабляло воспитывающую функцию истории развитие «разоблачительной историографии» постсоветского времени, в которой стали чрезмерно выделяться только негативные моменты. Демонизация собственной необратимой истории не могла формировать уважительное отношение к прошлому, которое обеспечивает дальнейшее существование страны. На такой оценочной базе развивался только комплекс исторической неполноценности страны, лишавшей ее оптимистической перспективы.

Неопределенность данной ситуации привела к вытеснению истории из учебных планов образования. Однако прошлое постоянно актуализируется в настоящей жизни, и без глубокого осмысления его уроков утрачивается нить, связывающая поколения, обеспечивающая включенность человека в связь времен. Исторические знания служат опорой для понимания проблем современности, закладывают основы социального мышления.

Понимание этого вновь привело к признанию значимости историко-культурологического образования, прежде всего, его воспитательного потенциала. Ныне активизировался поворот к национально-ориентированной истории, раскрывающей сложную органику российского бытия с позиций закономерностей собственного цивилизационного типа развития³. Реанимация почвеннических традиций в какой-то степени усиливает

риск интерпретации истории по упрощенной схеме в рамках привычной оппозиции «свое-чужое», но, с другой стороны, новые познавательные координаты позволяют ярче выделить значение основополагающих принципов, обеспечивающих выживание страны. В учебных заведениях в ходе исторической подготовки становится важным не перегружать учебный процесс противоречивыми смыслами, а обучать пониманию истории, способствовать освоению метода познания исторических процессов и событий. По мнению современных исследователей, гуманитарная стратегия в секторе вузовского образования в вопросе изучения и освоения отечественной истории должна строиться как историко-культурологическое прочтение традиции⁴. Именно в данном контексте существенно укрепляется не только практико-ориентированная, но и духовная роль образования.

Безусловно, перспективы развития исторического образования обсуждаются научно-педагогической общественностью. Вырабатываются рекомендации по совершенствованию исторической подготовки, укреплению ее гражданско-патриотической воспитательной функции. В современной парадигме историко-культурологического образования подчеркивается то, что собственной историей можно не только стыдиться, но и гордиться, что воспитанием историей следует не усиливать пессимистические настроения, а вселять уверенность, что многие жизненные проблемы преодолимы.

Изучение историко-культурологической проблематики оказывается не излишним в непрофильном образовании и в контексте признания его воспитательного воздействия на высоком политическом уровне. Руководством страны 2012 г. был объявлен Годом отечественной истории, что существенно может укрепить позиции историко-культурологических дисциплин в образовательной сфере страны в целом.

Именно через все их содержательное наполнение формируются представления студентов о логике отечественного эволюционного развития, его специфике, усваиваются знания о том, как прокладывала себе дорогу историческая необходимость, как в ее рамках организовывалась общественно-политическая, экономическая жизнь общества, как продвигалось интеллектуальное освоение реальности. Уяснение сути исторических событий и процессов с учетом причин и обстоятельств их породивших, способствуя укреплению рефлексивных возможностей познавательного процесса, необходимого для более объективного осмысления опыта прошлого, усиливает воспитывающую роль уроков истории.

Погружение студентов в мир жизни прежних поколений не только расширяет горизонт научного мышления. Рассуждения о добре и зле, войне и мире не могут не вызывать сопереживание, что способствует обогащению эмоционально-чувственного мировосприятия молодежи.

В плане воспитания историко-культурологическая подготовка конструктивна и тем, что всей своей проблематикой акцентирует внимание на актуальности осуществления «человеческого в человеке», развития его духовно-нравственного потенциала. Недостаток сердечности дегуманизирует общественную жизнь. По мнению исследователей, продуктивность гуманитарной подготовки может усиливать «выращивание любви к культуре», укрепляющей личностные и деловые позиции человека⁵.

Овладение заключенными в «исторической памяти» духовно-нравственными культурными традициями, нормами, ценностными ориентациями не только обеспечивает их преемственное восприятие современным поколением молодежи, но и повышает культуросообразность образования в целом. На современном этапе с повышением воспитательного потенциала системы образования увязывается подготовка специалистов, способных не только к реализации своих профессиональных знаний, но и к адекватному встраиванию в социальную систему страны.

Отражение разносторонних проявлений общественного бытия через историко-культурологическое образование может ярче высвечивать узость социальных практик, лишенных соответствующего этического обоснования. Ныне признается, что человек, нацеливаемый только на утилитарно-потребительскую модель жизни, лишается представления о значимости других ценностных систем, полезных для его самореализации в мире социальных взаимодействий. Следовательно, наряду с хождением идеологии «денег», неизбежной в рыночной организации общества, необходимо подчеркивать значимость проявления морали, духовности в человеческом существовании, поощрять социально-ответственные действия.

Духовно-нравственная составляющая воспитания, тесно связанная с идеей процветания и защиты современной России, выступает ныне стратегическим ресурсом государства. На данном основании строится формирование патриотизма, не раз спасавшего страну от множества бедствий. И хотя в жизни страны было немало трагических событий, это не умаляет значимости развития у молодежи позитивного отношения к истории, понимания ее сложной судьбы. Активное постижение студентами, заключенного в наследии прошлого богатства смыслов как раз способствует укреплению их патриотического мышления, позволяющего сохранять любовь к Отечеству.

Особый прилив патриотических чувств вызывает информация о военной истории, героическо-историческом прошлом страны. Эта тема позволяет проникнуться гордостью за своих предков, которым обязано своим существованием современное поколение. В контексте данной проблемы ведущее место занимает тема Победы в годы Великой Отечественной войны.

Патриотические духовные мотивации в общекультурном развитии молодежи укрепляет ознакомление студентов с символикой той или иной эпохи, объективизированной в письменности, музыке, архитектуре, театральном искусстве. Приобщение студентов к достижениям страны в этой сфере, существенно пополняющим копилку мировой культуры, позволяет им постигать новые смысловые глубины культурного потенциала собственной страны. В современных условиях, когда равнозначными и равновозможными становятся любые проявления и ориентации человека, активная популяризация мира высоких ценностей может также выступать в роли воспитывающего начала, побуждающего закреплять их в современной социокультурной практике.

Через проблематику историко-культурологической подготовки преломляются все аспекты жизнедеятельности поколений в области хозяйствования, организации быта, властных структур, развития культуры. Ознакомление студентов с ценностными основами этих социальных практик становится для них полезным для профессионального и личностно-жизненного самоопределения.

Воспитывающую роль играет трансляция опыта через исторические знания о том, как закладывались основы единства полиэтнической, многоконфессиональной страны, как обеспечивалось социальное согласие. Ее усвоение способствует укреплению толерантности – как основы развития культуры бесконфликтных социальных взаимодействий, формирования демократических ценностей.

Историко-культурологическая подготовка, актуализируя прошлое страны, пробуждает у студентов чувство сопричастности к ее судьбе. Воспитательную эффективность общеисторических знаний повышает использование материалов краеведения, позволяющего события и процессы, происходившие в стране, изучать на примере истории родных для студентов местностей (сел, городов), истории их семей⁶.

Активизация воспитательного воздействия во многом зависит от профессионализма преподавателей, их умения выделять в предметной области историко-культурологических дисциплин сюжеты, ведущие к достижению воспитательных целей. Эффект личностного присутствия в прошлом усиливает визуализация учебной информации путем использования современных мультимедийных технологий. Восприятие исторической информации, наполненной звуками и духом ушедших эпох, повышает действенность исторической подготовки в целом. Обогащение «видением других эпох» позволяет студентам не только пополнять опыт своего существования в текущей действительности, но и усиливает мотивацию к дальнейшему изучению истории в ходе самоподготовки.

Соглашаясь с тем, что визуализация учебной информации упрощает ее усвоение, следует не

забывать о базовом предназначении образования – учить мыслить, анализировать, обобщать. А этот вид деятельности требует напряжения, упорного труда.

Воспитывающий характер носит и наличие комплекса определенных качеств у самого преподавателя, образующих профессиональную структуру его личности. Это, прежде всего, уверенное владение проблематикой предмета, методическое мастерство, инициативность. Не меньшее значение имеют и такие личностные черты преподавателя, как безупречный внешний вид, уравновешенный тип нервной системы, правильная артикуляция и хорошо поставленный голос, развитая речевая культура, демократичность. Личностная аура преподавателя выступает не только важным фактором стимулирования интереса студентов к транслируемой им информации, она также вызывает желание перенимать позитивные стандарты его поведенческой культуры.

Именно преподаватель своей интерпретацией учебно-исторического материала и путем профессионально-компетентного социально-психологического его сопровождения может направлять учебный процесс в конструктивное русло, не вызывающее всплесков агрессии и иных негативных реакций.

Таким образом, историко-культурологическая подготовка как форма трансляции воспитывающих знаний выступает не только важным фактором формирования интеллектуального потенциала молодежи, она создает также предпосылки для духовно-нравственного ее развития. Однако для широкого утверждения гуманитарных ценностей в современной жизни одних образовательных усилий недостаточно. Необходимы условия вос-

требованности в их потенциале в самом обществе. Только в этом случае гуманитарные знания смогут результативно выполнять свою гуманистическую духовно-формирующую функцию, обогащая внутренний мир человека, сферу его ценностных ориентаций.

Примечания

- 1 См.: *Листвина Е. В.* Одномерный человек в многомерном мире : образовательный аспект // Образование в современном мире : сб. науч. статей / под ред. проф. Ю. Г. Голуба. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 61, 65.
- 2 См.: *Охрименко В.* К вопросу о глубоком отращивании // Поиск. 1992. 18–24 декабря.
- 3 См.: *Переверзнецов С.* История, которую мы теряем // Литературная газета. 2002. 23–29 октября ; *Авансова Г. А.* О новой парадигме исторического познания и методических основах преподавания отечественной истории в высшей школе // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 31.
- 4 См.: *Жукова О. А.* История русской культуры в вузе : историческое знание и духовная традиция // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 3–9.
- 5 *Сорокин Г.* Педагогические особенности гуманитаризации технического образования в вузе // Вестник высшей школы. 2008. № 1. С. 16.
- 6 См.: *Павлов В. И., Пиреев А. И.* Использование материалов исторического краеведения в преподавании отечественной истории как метод оптимизации образовательного процесса в аграрном вузе // Актуальные проблемы процесса обучения: модернизация аграрного образования : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. I. Саратов, 2004. С. 180.

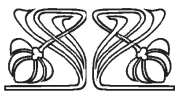
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(420).06+929Кларендон

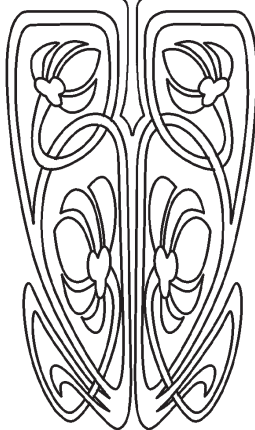
ИМПИЧМЕНТ ПРОТИВ КЛАРЕНДОНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АНГЛИИ ПЕРИОДА РЕСТАВРАЦИИ

С. М. Морозов

Саратовский государственный университет
E-mail: tenros@nextmail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В 1667 г. палата общин выдвинула импичмент против бывшего лорд-канцлера Эдварда Хайда, графа Кларендона, обвинив его в государственной измене. На основе исследования текста обвинительного акта автор приходит к выводу, что обвинение было сфабрикованным и преследовало две цели: во-первых, уничтожить репутацию Кларендона и таким образом свести на нет его влияние в палате лордов; во-вторых, возложить на него всю вину за неудачные и непопулярные решения правительства, легитимировав тем самым существующую власть в глазах населения. Прослеживается генеалогия обвинительного акта: демонстрируется преемственность его содержания по отношению к ряду других выдвинутых в XVII в. обвинений подобного рода.

Ключевые слова: Англия, эпоха Реставрации, Эдвард Хайд, граф Кларендон, импичмент, государственная измена, парламентское расследование.

Impeachment Against Clarendon and its Significance for Political Life of the Age of Restoration

S. M. Morozov

In the 1667 former Lord Chancellor Edward Hyde, earl of Clarendon was impeached by the House of Commons. Having carefully analyzed the text of the blame the author comes to conclusion that the charge was fabricated and pursued two main aims: firstly, it was directed to destroy a reputation of Clarendon and thereby negate his influence in the House of Lords, secondly, it was directed to blame him for mistakes of the government and so legitimated the current power. It also investigates the genealogy of this charge which succeeded to some other charges in high treason.

Key words: England, Age of Restoration, Edward Hyde, earl of Clarendon, impeachment, high treason, parliamentary proceeding.

Эдвард Хайд (1609–1674), получивший в 1661 г. титул графа Кларендона, был, пожалуй, наиболее влиятельной фигурой в первые годы Реставрации династии Стюартов в Англии. Лорд-канцлер Англии (1658–1667), породнившийся с королевской фамилией¹, многим в своё время казался всемогущим². К концу периода своего канцлерства Кларендон стал раздражающей фигурой для значительной части общества. Своими взглядами (политическими и религиозными), поведением, действиями он нажил себе врагов среди католиков и пресвитериан, среди круглоголовых и роялистов, при дворе и среди простолюдинов³. А целый ряд стихийных катаклизмов (чума 1665 г., великий пожар в Лондоне 1666 г.) и внешнеполитических неудач (поражение в Англо-голландской войне) ставил его, лорд-канцлера королевства, в крайне уязвимое положение. Его консервативный роялизм настроил против него палату общин⁴. От поучений его устал сам Карл II, бывший некогда его воспитанником и слишком многим обязанный ему в период своего возвращения на отеческий престол. В итоге 30 августа 1667 г. Эдвард Хайд был отстранён от всех должностей⁵. 12 ноября того же года мистер Эдвард Сеймур из палаты общин перед палатой лордов

обвинил Кларендона в государственной измене, с рекомендацией изолировать его от парламента и заключить в тюрьму⁶.

Это обвинение стало судьбоносным не только для Эдварда Хайда, по совету короля бежавшего с Туманного Альбиона во Францию, но и для Англии, поскольку, учитывая значимость положения обвиняемого в существовавшей политической системе, следствием осуждения Кларендона стал важный сдвиг в политической жизни страны⁷.

Вопрос о степени виновности Э. Хайда представляется вторичным по отношению к причинам составления обвинительного акта – действия экстраординарного и в большей степени характеризующего состояние общества и властей, нежели личность и поступки обвиняемого. Учитывая уникальность подобного парламентского преследования и значительность его последствий, представляется важным изучить состав данного обвинения и определить основные его структурообразующие и семантические элементы. Раскрытие структурирующего принципа текста обвинения позволит определить цель и значение выдвижения обвинения.

Граф Кларендон полностью отрицал свою вину и посчитал необходимым трижды заявить о собственной невиновности. Первый раз он дал ответ на обвинение непосредственно перед своим бегством в форме письменного обращения к палате лордов⁸. Это обращение, написанное в спешке, было достаточно кратким и представляло собой ответ на обвинение в целом, с краткими разъяснениями по поводу отдельных статей. Летом 1668 г. в Монпелье⁹ он написал «Речь, в форме оправдания самого себя по обвинению в государственной измене, выдвинутому против меня Палатой общин в ноябре 1667 г.». На этот раз он дал развёрнутый комментарий к каждому пункту обвинения¹⁰. Наконец, в последние годы жизни была написана автобиография, которая была призвана оправдать его в глазах потомков¹¹. Там изгнанник подробно описал свою политическую деятельность, представил объяснения принятия того или иного решения, отметил собственную непричастность к тем или иным событиям. Этому объяснению сопутствует воссоздание событийной картины настолько, насколько она известна Кларендону (или насколько она соответствует его интересам). Значительную часть этого сочинения составляет изложение событий, связанных с подготовкой и ходом процесса против его персоны.

Большинство статей обвинения (всего их было 17) эксплицитно или имплицитно указывают на коррупцию. По семи статьям Кларендон прямо обвиняется в получении взятки за совершение определённого действия или в превышении должностных полномочий с целью незаконного присвоения средств, принадлежащих Короне или направленных на общественные нужды. Таковыми являются третья (получение взятки за предоставление заинтересованным лицам канар-

ского патента), пятая (торговля государственными должностями), шестая (получение взятки за отдачу сбора пошлин по заниженным ставкам и уплата тех долгов Его Величества, по которым у него не было строгих обязательств), седьмая (получение взятки от винооторговцев за повышение цен на вино и освобождение упомянутых винооторговцев от уплаты законных пошлин), восьмая (обладание подозрительно крупным состоянием, вмешательство, в ущерб Его Величеству, в дела королевских земель), четырнадцатая (проведение через парламент двух приказов о *quo warranto* против корпораций с намерением получить с них как можно больше денег за возобновление их уставов) и пятнадцатая (получение взятки за проведение через парламент билля об устройении Ирландии) статьи обвинения¹².

Особое внимание следует обратить на восьмую статью обвинения, согласно которой граф Кларендон «в короткие сроки сколотил для себя состояние большее, чем возможно заработать законным образом за такой промежуток времени»¹³. Статья эта в определённой степени подыгрывает слухам, ходившим о лорд-канцлере и его доходах среди простонародья. Мемуарист Гилберт Барнет писал, что слухи о коррупционной деятельности Кларендона были спровоцированы возведением чрезмерно роскошного особняка¹⁴. Строительство неудачно совпало с трагическими для английского народа событиями: эпидемией чумы (1665), лондонским пожаром (1666) и войной с Голландией (1665–1667), которая не только была проиграна, но и потребовала колоссальных расходов, уже к 1666 г. загнавших Корону в долги. Фантастические затраты, направленные на постройку особняка, на фоне постигших страну бедствий возбуждали воображение населения относительно источников благосостояния лорд-канцлера¹⁵. Эти предположения нашли своё отображение в зафиксированных современниками прозвищах, которые давал народ зданию. Чаще всего его называли или Дюнкеркским домом, или Голландским домом, намекая, в первом случае, на возможность получения Кларендоном взятки от Франции за продажу Дюнкерка, во втором случае – от Голландии за провал всех переговоров, имевших целью найти союзников в предстоящей войне¹⁶. Подобные представления наполняют новым смыслом одиннадцатую (продажа Дюнкерка вместе с артиллерией, артиллерией и фортами и запасами по цене себестоимости) и шестнадцатую (предательство государственных интересов во время международных переговоров, касавшихся последней войны) статьи обвинения, которые с этой позиции также можно рассматривать как намекающие на коррумпированность бывшего лорд-канцлера¹⁷.

Точно так же имплицитное указание на коррупцию содержит и девятая статья, обвиняющая Кларендона во введении в колониях деспотического правления¹⁸. Слухи о том, что лорд-канцлер обогащается за счёт эксплуатации колоний, дошли

и до самого лорд-канцлера, так что в своей оправдательной речи он не преминул их опровергнуть¹⁹. Таким образом, десять статей из семнадцати обвиняют Кларендона в коррупции, которая с начала XVII в. считалась едва ли не главной проблемой государства²⁰. Обоснованное обвинение в коррупции, широко распространённой, но и повсеместно порицаемой, было достаточным основанием для смещения с должности, а в 1640-е гг. обвинение такого рода использовалось для признания королевской власти нелегитимной²¹.

В XVII в. уже имел место прецедент изъятия королевской печати у лорд-канцлера в связи с предъявлением обвинения в коррупции. В 1621 г. своего положения лишился Фрэнсис Бэкон (1561–1626), который, между тем, также известен как критик коррупции: в утопии «Новая Атлантида» он неоднократно подчёркивает, что чиновники описанного им чудесного острова Бенсалема довольствуются исключительно своим жалованием, отказываясь от предлагаемой заезжими моряками оплаты их услуг как «вторичной платы»²². Однако в статьях обвинения против Бэкона указывались точные суммы и конкретные лица, от которых они были получены, вместе с перечнем свидетелей по каждому случаю²³. Обвинения же, выдвинутые против Эдварда Хайда, не отличаются подобной точностью, но намекают (одиннадцатая и шестнадцатая статьи) на получение Кларендоном денег из-за рубежа на совершение действий, противоречащих государственным интересам Англии. В статьях нет прямого указания на получение взятки от иностранцев, так что в предложенной интерпретации нет юридического смысла, однако и сам Э. Хайд, по-видимому, прочитывал этот второй, находящийся за пределом юрисдикции, но в ведении общественного мнения смысл указанных статей. По крайней мере, он в своём обращении к парламенту, несмотря на то что в обвинении нет ни слова о получении им денег от других государств, счёл необходимым уведомить парламентариев, что «не получил из-за рубежа ни шиллинга», но лишь однажды принял в дар посланные ему канцлером Франции книги²⁴.

Кроме того, шестая статья обвинения содержит прямое указание на то, что в результате деятельности Кларендона Корона понесла существенные убытки²⁵. К ней примыкают девятая статья, намекающая на отсутствие должной прибыли от эксплуатации колоний²⁶, и не рассматривавшаяся в рамках обвинения в коррупции десятая статья, согласно которой Англия понесла большие убытки из-за отвержения Хайдом утверждённых королём предложений и обязательств, касавшихся защиты островов Невис и Сент-Кристофер²⁷. В этом аспекте указанные три статьи совпадают с обвинениями против Кларендона, предъявляемыми перед лицом короля членами палаты общин (сэром Робертом Карром, сэром Томасом Осборном, сэром Томасом Литтелтоном, сэром Томасом Клиффордом и мистером Эдвардом Сеймуром)²⁸.

Они говорили, что деятельность Кларендона пагубно сказывается на репутации короля, ограничивает доходы Короны и приносит убытки²⁹. По мнению Барнета, эти слова парламентариев стали определяющим стимулом к принятию решения об отставке Кларендона³⁰. Поскольку упомянутые личности, за исключением Томаса Клиффорда, играли основную роль в подготовке обвинительного акта в государственной измене против Кларендона, нет ничего удивительного, что те же обвинения появляются и в официальных статьях обвинения³¹. Можно предположить, что обвинения в понесённых Короной убытках, ставших результатом деятельности Кларендона, были призваны обосновать в глазах короля те самые донесения группы парламентариев.

Интересно также разделение одной, в сущности, проблемы на две статьи. Речь идёт о третьем и пятом пункте обвинения, касающихся винных патентов и цен на вино. Как можно предположить, это связано с желанием обвинителей одинаково подчеркнуть два аспекта: 1) коррумпированность лорд-канцлера (третья статья); 2) непосредственно рост цен на вино (пятая статья), предсказуемо вызывающий недовольство его потребителей. Едва ли второй аспект годится для предъявления обвинения в государственной измене, что позволяет предположить следующее: одной из целей обвинения была дискредитация Кларендона в глазах населения. Обвинение в государственной измене на основании ответственности (мнимой или действительной) обвиняемого в росте цен на товары, не являющимися продуктами первой необходимости, не являлось изобретением Кавалерского парламента.

Подобного рода статья присутствовала в обвинении против Томаса Вентворта, графа Страффорда (1593–1641), на которого возлагалась ответственность за рост цен на табак, употребление которого в Англии ещё в конце XVI в. вышло за пределы исключительно медицинского использования, а к середине века стало явлением практически повсеместным³². Не исключено, что статья, обвиняющая Кларендона в росте цен на вино, была написана по аналогии с соответствующей статьёй из обвинения против графа Стаффорда. Хотя было бы сомнительным полагать, будто обвинение против Вентворта использовалось в качестве шаблона для написания всего обвинения против Хайда, всё же эти два обвинительных акта имеют ряд сходств.

В частности, важным смысловым блоком в обоих обвинительных актах является указание на превышение обвиняемыми своих должностных полномочий. В обвинении против Кларендона к этому смысловому блоку относятся четвёртая (ответственность за заключение ряда подданных Его Величества на отдалённых островах и дальних фортах), двенадцатая (злоупотребление королевской печатью и внесение изменений в королевские жалованные грамоты) и тринадцатая (вмеша-

тельство в имущественные дела подданных Его Величества и вынесение решений по этим делам) статьи³³. Две последние статьи близки к статьям о коррупции, поскольку подразумевают – но не указывают на это прямо – наличие финансового интереса у обвиняемого, хотя Хайд не различает в этих статьях указанного семантического слоя³⁴. Граф Страффорд в своё время также обвинялся в незаконном вмешательстве в имущественные дела подданных Его Величества, хотя в том процессе речь шла об ирландцах³⁵.

Четвёртая статья обвинения, выдвинутого против Кларендона, гласит, что Э. Хайд без судебного разбирательства отправил в заключение на отдалённые острова ряд подданных Его Величества. Здесь также речь идёт о превышении должностных полномочий и вмешательстве в частную жизнь людей. Однако эта статья, подобно ряду других, скорее призвана производить эффект, нежели разбираться в настоящих делах лорд-канцлера, поскольку, как и в случае статей обвинения, касавшихся коррупции, здесь не указан ни один человек, ставший жертвой подобного произвола. В обвинении против Страффорда незаконному преследованию и заключению в тюрьму неугодных лиц посвящено пять статей (первая, четвёртая, восьмая, пятнадцатая и двадцать пятая) из двадцати семи, в которых, в отличие от трёх вышеназванных статей обвинения против Кларендона, указывались имена некоторых пострадавших³⁶.

Следующий важный смысловой блок, который можно выделить в обвинении против Кларендона, включает в себе первые две статьи и посвящён дестабилизации и разрушению существующего государственного строя Англии. Первая статья обвиняет лорд-канцлера в желании распустить парламент, навсегда похоронить его как государственный институт и управлять с помощью армии³⁷. Как отмечал сам обвиняемый, в том случае, если положения её будут доказаны, его persona должна будет стать ненавистной для всех честных людей³⁸. В самом деле, действия, направленные на разрушение парламента, рассматривались как равносильные покушению на сами основы английской государственности³⁹. Вторая статья обвиняет лорд-канцлера в распространении порочащих персону короля слухов, будто бы Его Величество тайно исповедует католицизм⁴⁰. Обвинение действительно серьёзное: в только что пережившей серию религиозных войн Англии сложно найти нечто более угрожающее репутации короля и дестабилизирующее общество, чем распространение сведений о королевских симпатиях к католицизму⁴¹. Подобные слухи действительно блуждали по королевству⁴², и, возложив ответственность за это на графа Кларендона, палата общин тем самым одновременно как дискредитировала бывшего лорд-канцлера в глазах численно значительно преобладающего протестантского населения, так и опровергала слухи.

В совокупности две первые статьи обвинения обрисовывают план тотальной дестабилизации обстановки в стране, ослабляющей королевскую власть и подрывающей власть парламентскую. Вместе с тем, обе статьи обнаруживают преемственность по отношению к процессу над Страффордом. На него возлагалась вина не только за способствование насаждению абсолютизма в Англии и за установление военной тираннии в Ирландии (эти обвинения имели веские основания), но и за преступления против правящей династии, а именно: за отчуждение короля от своего народа посредством продуцирования негативного образа монарха и критики отдельных категорий подданных перед лицом Карла I (статьи 2, 3, 19, 20, 28)⁴³.

Подобные обвинения уже выдвигались против Кларендона: 10 июля 1663 г. граф Бристоль затеял в палате лордов процесс против Кларендона. В представленном перед пэрами обвинительном документе (он в итоге был признан клеветническим и не соотносящимся с нормами существующего закона) лорд-канцлеру в вину, среди прочего, вменялись как клевета на парламент перед королём (20 статья), так и клевета на короля (10 статей из 24: 1–7, 15–17). Семь статей из тех десяти, что обвиняли Кларендона в клевете на королевскую персону, непосредственно касались якобы распространяемых лорд-канцлером слухов о приверженности короля католицизму⁴⁴. Не исключено, что соответствующие пункты обоих выдвинутых против Кларендона обвинений были вдохновлены обвинительным актом против Страффорда, если не представляли прозрачной аллюзии на один из известнейших процессов, проведённых Долгим парламентом. Таким образом, посредством производства ряда устойчивых ассоциаций Эдвард Хайд уподоблялся Томасу Вентворту.

Обвинения в попытках разрушения государственного порядка в Англии тесно связаны с обвинениями в совершении действий в интересах другого государства. Осуществление подобного рода действий прямо инкриминируется Кларендону шестнадцатой статьёй обвинения (предательство национальных интересов в ходе международных переговоров, касавшихся Англо-голландской войны). На это же намекают десятая (отвержение утверждённых королём предложений и обязательств, касавшихся защиты островов Невис и Сент-Кристофер, а также ослабления французского влияния в регионе, что стало для Англии причиной больших убытков в тех краях), одиннадцатая и семнадцатая статьи (обвинение в авторстве фатального совета о разделении флота в июне 1666)⁴⁵.

Последняя статья, вместе со статьёй шестнадцатой, косвенно возлагает на лорд-канцлера вину за поражение в Англо-голландской войне, выделяя посредством обвинения две основные его причины: 1) отсутствие союзников как результат неверного ведения переговоров; 2) разделение военно-морских сил, в результате чего флот

был уничтожен по частям. Поражение в войне, принесшей только колоссальные траты, потери, унижение от появления голландцев в русле Темзы, было травматическим опытом для англичан. Людям казалось, что во всём виноваты коррупция и злоупотребления в управлении общественными делами⁴⁶. Кларендон же оказался идеальным претендентом на роль «козла отпущения». Тем более что, как было обозначено, народ уже возложил всю вину на него⁴⁷. В обвинении не говорится прямо, что его деятельность стала причиной поражения в войне, однако оно даёт понять, что, действуя в интересах других государств, своими усилиями (вовсе не ошибками) он способствовал поражению. Такой вердикт можно считать результатом работы созданной 17 октября 1667 г. в палате общин комиссии по исследованию ошибок и преступлений в ходе Англо-голландской войны, в которую вошли главные оппоненты Кларендона в палате: Литтелтон, Осборн, Карр и Сеймур⁴⁸. Подобным образом на Страффорда была возложена ответственность как за развязывание войны с Шотландией, так и за поражение Англии в ней (статьи 20–23, 28)⁴⁹.

Одновременно с комиссией, изучавшей совершённые в ходе Англо-голландской войны преступления, была создана комиссия по изучению причин продажи Дюнкерка, в состав которой вошли все те же упомянутые джентльмены⁵⁰. Вина за продажу была уже полностью возложена на плечи Э. Хайда, как явствует из однойнадцатой статьи обвинения, тем более что вопрос о Дюнкерке после выдвижения обвинений против Кларендона более в палате общин не поднимался. В то же время вопрос о продаже Дюнкерка, завёванного Оливером Кромвелем в 1657 г., тесно связан с вопросом ущемления «национальной» гордости. Как отмечает Т. Маколей, «делка возбудила общее негодование. Англичане уже начинали с беспокойством следить за успехами Французской державы и смотреть на дом Бурбонов с таким же точно чувством, с каким их деды смотрели на дом Австрийский»⁵¹. И опять-таки народный гнев пал на лорд-канцлера: когда стало известно о победе голландцев, люди разбили окна его дома, нарисовали виселицу на его воротах и написали двусторонние: «На три зрелища взгляните покорно: // Дюнкерк, Танжер и то, что королева бесплодна»⁵². Продажа Дюнкерка в общественном сознании оставалась преступлением, заслуживающим смертной казни. Даже сто лет спустя, как это явствует из сочинений Д. Юма, она воспринималась чрезвычайно болезненно⁵³.

В целом все выдвинутые против Кларендона обвинения призваны были дискредитировать бывшего лорд-канцлера в глазах общественности. Однако внутри целого можно выделить группу статей, для которых указанная цель будет вторичной: это статьи, возлагающие на Хайда ответственность за наиболее травматические для общественного сознания события (те из них, вину

за которые можно возложить на человека) первых семи лет эпохи Реставрации. Основная цель выделенной подгруппы – превратить Кларендона в козла отпущения. Возложив вину за непопулярные решения и травматические события на уже лишённого должностных полномочий графа Кларендона, власть проводила в глазах своих подданных своеобразный обряд очищения, освобождения от ответственности за свои ошибки, реальные или воображаемые. Это был способ утверждения легитимности всей оставшейся властной структуры: от короля и его советников до обеих палат парламента.

В этом отношении процесс против Кларендона сходен с процессом против Страффорда, хотя и обнаруживающий ряд существенных отличий: для парламента Страффорд был символом неограниченной королевской власти, от уничтожения которого зависело само существование парламента, ибо для парламентариев он действительно был преступником, изменником и врагом. Козлом отпущения Страффорд парадоксальным образом становился лишь для короля: осуждение Томаса Вентворта освобождало Карла I от ответственности за беспарламентское правление и за развязывание гражданской войны, то есть в определённой степени было направлено на сохранение института монархии. Кларендон же был удобным козлом отпущения для всей многосоставной структуры власти. В наименьшей степени полное уничтожение Кларендона, вопреки слухам, было по душе королю, хотя и играло ему на руку. В конце концов, избежание Эдвардом Хайдом наказания было санкционировано именно Карлом II, позволившем своему бывшему наставнику в самом деле стать не столько жертвенным агнцем, сколько козлом отпущения, покинувшим Англию с грузом грехов, если и не всего народа, то, по крайней мере, правящей верхушки⁵⁴.

Все же остальные статьи обвинения, не связанные с переносом на Кларендона вины за неудачные или непопулярные действия аппарата власти, в меньшей степени обращаются к реальным или всем известным событиям и зачастую являются совершенно надуманными и бездоказательными, но непременно порочащими обвиняемого. В вину Кларендону вменялись поступки, однозначно осуждаемые общественностью (например, коррупция). А часть статей была написана по аналогии с обвинением, выдвинутым против Страффорда.

Логика обвинений опиралась на блуждавшие в различных социальных слоях мифы и слухи о Кларендоне, из которых были опущены совсем уж абсурдные обвинения, вроде упреков в бесплодности королевы. Вместе с тем, перемещение мифов из народного дискурса в дискурс парламентских постановлений становилось своеобразным санкционированием их положений. Фантастичность и безосновательность этих обвинений, наряду с наличием прослеживаемой связи с народными слухами

и обвинениями, выдвигаемыми в прошлом против высокопоставленных лиц, делают реалистичным предположение, что эти статьи нацелены исключительно на уничтожение репутации, авторитета и влияния бывшего лорд-канцлера.

Осуждение Кларендона неизбежно сводило на нет его влияние в палате лордов, в которой было множество его сторонников и друзей⁵⁵. Во всяком случае, вплоть до получения известия о бегстве бывшего лорд-канцлера пэры отказывались признавать законными выдвинутые против него обвинения⁵⁶. Поэтому вполне резонно рассматривать обвинения против Кларендона и последующее его осуждение как завершение процесса смены политических элит. Этот процесс начался несколькими годами ранее и заключался в постепенном уменьшении влияния Кларендона при дворе наряду с возрастающей значимостью таких лиц, как фаворитка короля миссис Палмер, герцог Бэкингем, граф Бристоль⁵⁷, лорд Арлингтон, сэр Уильям Ковентри и некоторых других⁵⁸. Инспирировавшие, по мнению Кларендона, судебное разбирательство против лорд-канцлера лорд Арлингтон и герцог Бэкингем вошли впоследствии в министерство Кабаль, сконцентрировавшее в своих руках власть в государстве на протяжении последующих шести лет⁵⁹.

Примечания

- ¹ *Lister T. H.* Life and administration of Edward, first earl of Clarendon; with original correspondence, and authentic papers never before published : in 3 vol.. Vol. 2. L., 1838. P. 68.
- ² См.: *Маколей Т.* История Англии от восшествия на престол Иакова II // Маколей Т. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 6. СПб. ; М., 1866. С. 142.
- ³ Там же. С. 142–144, 160–162 ; *Lister T. H.* Op. cit. Vol. 2. P. 386–389.
- ⁴ *Маколей Т.* Указ. соч. С. 161.
- ⁵ *Lister T. H.* Op. cit. Vol. 2. P. 415.
- ⁶ Journal House of Commons. Vol. 9 : 1667–1687. 1803. P. 19 ; Journal House of Lords. Vol. 12 : 1666–1675 (1767–1830). P. 135.
- ⁷ Journal House of Lords. Vol. 12. P. 137 ; Journal House of Commons. Vol. 9. P. 22, 29 ; *Lister T. H.* Op. cit. Vol. 2. P. 436–438.
- ⁸ *Clarendon E. H.* The Continuation of the Life of Edward Earl or Clarendon, a Lord High Chancellor of England, and Chancellor of the University of Oxford, being a Continuation of His History of the Grand Rebellion, from the Restoration to his Banishment in 1667. Vol. 3. Dublin, 1759. P. 871 ; Journal House of Commons. Vol. 9. P. 30–32.
- ⁹ *Clarendon E. H.* The Continuation of the Life of Edward Earl or Clarendon... P. 908.
- ¹⁰ Clarendon. A Discourse, by Way of Vindication of my self from the Charge of High-Treason, with which I was charged by the House of Commons, November, 1667 // A collection of several tracts of the right honourable Edward, earl of Clarendon, author of the History of the rebellion and Civil wars in England. Published from his Lordship's Original Manuscripts. London, 1727. P. 1–88.
- ¹¹ *Clarendon E. H.* The Life of Edward Earl or Clarendon, a Lord High Chancellor of England, and Chancellor of the University of Oxford, being a Continuation of His History of the Grand Rebellion, from the Restoration to his Banishment in 1667: in 3 vol. Dublin, 1759.
- ¹² A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason, and other crimes and misdemeanours from the reign of king Richard III to the end of the reign of king George I. Vol. 2. London, 1730. P. 557.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ *Burnet G.* The History of my own Time : in 2 vol. Vol. 1. Oxford : The Clarendon Press, 1897. P. 445 ; *Tanner J.* The Administration of the Navy from the Restoration to the Revolution // The English Historical Review. 1897. Vol. 12. № 45. P. 31–32.
- ¹⁵ *Burnet G.* Op. cit. Vol. 1. P. 445–446.
- ¹⁶ Ibid. P. 446.
- ¹⁷ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 2. P. 557.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ *Clarendon E. H.* A Discourse, by Way of Vindication... P. 25.
- ²⁰ См.: *Peck L. L.* Court patronage and corruption in early Stuart England. N. Y., 2003. P. 161.
- ²¹ Ibid. P. 162.
- ²² См.: A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 1. P. 353–365 ; *Бэкон Ф.* Новая Атлантида // Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 8.
- ²³ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 1. P. 357–360.
- ²⁴ Journal House of Commons. Vol. 9. P. 31.
- ²⁵ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 2. P. 557.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ *Burnet G.* Op. cit. Vol. 1. P. 451.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 2. P. 556–557.
- ³² См.: *Поллард Т.* Радости и опасности курения в Англии начала Нового времени // *Smoke : Всемирная история курения.* М. : НЛЮ, 2012. С. 48–59.
- ³³ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 2. P. 557.
- ³⁴ См.: *Clarendon E. H.* A Discourse, by Way of Vindication... P. 37.
- ³⁵ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 1. P. 704–706.
- ³⁶ Ibid. P. 702–704, 706, 708.
- ³⁷ Ibid. Vol. 2. P. 556–557.
- ³⁸ *Clarendon E. H.* The Continuation of the Life of Edward Earl or Clarendon... Vol. 3. P. 907.

- ³⁹ Ср.: *Маколей Т.* Указ. соч. С. 124, 143.
- ⁴⁰ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 2. P. 557.
- ⁴¹ См.: *Clark J.* Revolution and Rebellion. State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge, 1986 ; *Trevor-Roper H. R.* The crisis of the seventeenth century. Indianapolis, 2001.
- ⁴² *Clarendon E. H.* A Discourse, by Way of Vindication... P. 10.
- ⁴³ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 1. P. 702–709.
- ⁴⁴ Ibid. Vol. 2. P. 550–551.
- ⁴⁵ Ibid. P. 557.
- ⁴⁶ См.: *Lister T. H.* Op. cit. Vol. 2. P. 383 ; *Маколей Т.* Указ. соч. С. 158–159.
- ⁴⁷ *Burnet G.* Op. sit.. Vol. 1. P.445–446.
- ⁴⁸ Journal House of Commons. Vol. 9. P. 4–5.
- ⁴⁹ A complete collection of state-trials and proceeding upon high-treason... Vol. 1. P. 707–709.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ *Маколей Т.* Указ. соч. С. 157.
- ⁵² *Lister T. H.* Op. cit. Vol. 2. P. 386.
- ⁵³ Юм называет эту сделку самым тяжёлым обвинением против Кларендона. См.: *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов : в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. А. А. Васильева ; под общей ред. С. Е. Федорова. СПб. : Алетейя, 2002. С. 162, 190.
- ⁵⁴ См.: *Lister T. H.* Op. cit. Vol. 2. P. 434–438.
- ⁵⁵ Ibid. P. 417.
- ⁵⁶ Journal House of Lords. Vol. 12. P. 137–168.
- ⁵⁷ В ноябре 1667 г. ходили слухи, что единственными советниками короля являются лорд Бэкингам и граф Бристоль. См.: *Pepys S.* The diary of Samuel Pepys : From October, 1667, to March, 1668 // The diary of Samuel Pepys with selections from his correspondence, and an introduction to each volume by Prof. Henry Morley, LL. D. : in 5 vol. Vol. 3. N. Y. P. 58.
- ⁵⁸ *Clarendon E. H.* The Continuation of the Life of Edward Earl or Clarendon... Vol. 3. P. 832, 838 ; *Юм Д.* Указ. соч. С. 167.
- ⁵⁹ См.: *Clarendon E. H.* The Continuation of the Life of Edward Earl or Clarendon... Vol. 3. P. 832, 838, 868.

УДК 94(53)

О ПОЗИЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ США ПО НЕФТЯНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С САУДОВСКОЙ АРАВИЕЙ В 1943 ГОДУ

А. С. Дербенев

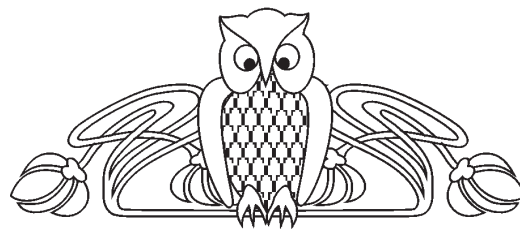
Московский педагогический государственный университет
E-mail: istfak_x_chelovek@rambler.ru

В статье рассматриваются подходы американских властей к вопросам обеспечения государства стратегическим сырьем – нефтью в специфических условиях Второй мировой войны. На основе анализа документов американского происхождения рассматривается различие подходов руководителей ряда министерств и ведомств к выработке политики в отношении Саудовской Аравии. Автор раскрывает роль руководства США и американского бизнеса в укреплении политического и экономического взаимодействия с нефтяным эмиратом. Данная статья показывает, что углубленный анализ документов открывает новые возможности для изучения американо-саудовских отношений в указанный период.
Ключевые слова: Саудовская Аравия, США, Ибн Сауд, Рузвельт, Хэлл, Икес.

About a Position of Leaders of the USA on Oil Cooperation with Saudi Arabia in 1943

A. S. Derbenev

The article examines approaches of the American authorities to questions of providing the state with a strategic raw material – oil, in the specific conditions of World War II. This evidence revealed the different approaches of the heads of ministries and departments to Saudi Arabia. The author reveals the role of U. S. business to strengthen political and economic cooperation with the oil emirate. This article demonstrates that a thorough analysis of documents

opens up new possibilities for the study of US-Saudi relations in the abovementioned period.

Key words: Saudi Arabia, USA, Ibn Saud, Roosevelt, Hull, Ikes.

Вскоре после начала Второй мировой войны изменилась геополитическая ситуация вокруг Аравийского полуострова, а также в зоне Персидского залива. Стратегическая нагрузка на ближневосточные государства, обладающие богатейшими нефтяными запасами, значительно возросла. Во многом благодаря саудовской нефти руководители США обратили особое внимание на нефтяной эмират. В 1933 г. Калифорнийско-арабская нефтяная компания (КАСОК), являвшаяся дочерним предприятием нефтяных концернов Стандарт ойл оф Калифорния и Тексако ойл компани, получила концессию на территорию в 416 тыс. кв. метров на 60-летний срок. По дополнительному соглашению она получила еще 231 тыс. кв. метров.

С этого момента Вашингтон стал смещать фокус внимания с краткосрочных экономических целей на долгосрочные, в частности на интенсивное расширение финансово-экономического сотрудничества. Особенно ярко это проявилось после обнаружения американскими геологами богатых нефтяных запасов в Восточной и Южной провинциях Саудовской Аравии 3 марта 1938 г. Экономическое взаимодействие между США и

Саудовской Аравией после открытия нефтепровода и нефтеперерабатывающего завода в Рас-Таннуре значительно возросло¹.

В начале 1940-х гг. американские нефтяные компании сократили добычу нефти в Саудовской Аравии. Кроме того, в это же время резко сократилось количество паломников в Мекку. Чтобы компенсировать финансовые потери, король Саудовской Аравии Абдул-Азиз ибн Абду-Рахман ибн Фейсал Аль Сауд обратился к КАСОК и правительству Великобритании за экономической помощью. В течение 1940 г. британское правительство передало Ибн Сауду 100 тыс. фунтов стерлингов. КАСОК приняла решение о выделении 2,9 млн долл. Эта сумма значительно превышала стоимость аренды нефтяных месторождений и выплаты за добычу нефти в королевстве. Между тем уместно отметить, что в 1939 г. КАСОК выделили королевству 1,7 млн долл.²

В январе 1941 г. президент КАСОК Фредерик Дэвис отправился в Эр-Рияд, где заключил сделку с правительством Саудовской Аравии, по которой сумма кредита, предоставляемого американской компанией в 1942 г., была увеличена с 3 млн долл. до 6 млн долл. Министр финансов королевского правительства поблагодарил Дэвиса и отметил, что король намерен продлить концессию компании на два года, при условии, что «сокращение добычи нефти в нынешнем году не повлияет на доходы саудовской казны»³.

Между тем Дэвис не проявлял особого желания увеличивать помощь Саудовской Аравии до 6 млн долл. Он надеялся, что правительство США окажет поддержку королевству в рамках ленд-лиза. В октябре 1941 г. Дэвис провел встречу с дальновидным американским президентом Франклином Рузвельтом, который дал понять, что правительство Соединённых Штатов пока не готово оказывать материальную помощь правительству Саудовской Аравии по ленд-лизу. Для Великобритании, говорил Рузвельт в конце октября 1941 г. английскому послу в США, «крайне важно оказать полную экономическую помощь Ибн Сауду». Более того, в инструкциях, которые президент направил руководителю Департамента торговли США Д. Джонсону и который должен был довести их содержание до своих британских коллег, отмечалось: «Я надеюсь, что британцы позаботятся о короле Саудовской Аравии»⁴.

Таким образом, КАСОК заставила руководство США обратить более пристальное внимание на проблемы Саудовской Аравии. А Вашингтонская элита «подтолкнула» Великобританию к более активному экономическому сотрудничеству с королевским правительством. Представитель КАСОК, выступая в Специальном комитете Сената по расследованию Национальной программы обороны, заявил, что, по некоторым данным, Великобритания, получая американскую экономическую помощь, оказывает поддержку королю. Президент Дэвис публично высказался: «Лондон эффективно

укрепляет свои позиции в Королевстве. Мы полагаем, что англичане намерены установить полный контроль над экономикой Саудовской Аравии. Совершенно очевидно, что английская экономическая поддержка правительства Саудовской Аравии в основном состоит из средств, которые им предоставляют США. Руководство нашей компании полагает, что США должны напрямую оказывать помощь королевству»⁵.

Американские бизнесмены опасались того, что британцы установят полный контроль над саудовским правительством. Тем временем давление Великобритании на Ибн Сауда продолжало расти. Саудовская Аравия могла быть втянутой в английскую стерлинговую зону, что самым серьезным образом могло отразиться на позициях американских нефтяных компаний в регионе. Кроме того, поскольку основные средства Ибн Сауду поступали от Великобритании, а не от КАСОК, король на встрече с представителем компании заявил, что американские нефтяники не выполняют в полной мере условия соглашения, подписанного в январе 1941 г.⁶

В начале 1943 г. министр внутренних дел США Г. Икес и президент ТЕКСАКО Д. Коллиер направили американскому президенту Франклину Рузвельту письмо, в котором сообщалось, что «Саудовская Аравия обладает богатейшими запасами нефти в мире. Американские бизнесмены считают, что американскому правительству следует обратить более пристальное внимание к экономическим проблемам саудовцев. Необходимо привлечь к экономической помощи нефтяного эмирата правительство США. Кроме того, по их оценкам, для развития экономики королевства необходимо 20 млн долларов». В феврале 1943 г. директора КАСОК и ТЕКСАКО направили в государственный департамент письмо, с просьбой оказать помощь королевству. Сотрудники внешнеполитического ведомства заблокировали их инициативу. После этого Икес потребовал от нефтяных корпораций предоставить всю имеющуюся информацию о нефтяных месторождениях Саудовской Аравии и деятельности в регионе английских нефтяных компаний, для ознакомления президенту⁷.

Коллиер выполнил требование Икеса. В письме от 17 февраля 1943 г., кроме информации о нефтяных месторождениях королевства, он отмечал, во-первых, то, что для США крайне важно распространить ленд-лиз на Саудовскую Аравию; во-вторых, он акцентировал внимание на том, что на протяжении 1941–1942 гг. его компания оказывала значительную поддержку Саудовской Аравии для упрочения американских позиций в королевстве, но к концу 1942 г. ситуация осложнилась настолько, что компания не располагала средствами для оказания финансовой помощи Ибн Сауду.

В то же время американская военная разведка в своем докладе президенту сообщила, что

британцы пытаются взять нефтяные концессии Аравии под свой полный контроль. «В середине лета в Саудовскую Аравию прибыла специальная английская миссия, состоявшая из экономистов, геологов, инженеров и военных. Перед ними было поставлено несколько задач. Во-первых, открыть банк в Джидде и начать выпуск бумажных банкнот, и, во-вторых, провести разведку местности на наличие нефти в районе Джидды. Великобритания делает всё необходимое для включения Королевства в стерлинговую зону. Есть основания полагать, что всё это может создать тяжелые условия для нас. В самом деле, нам необходимо в кратчайшие сроки приступить к активным действиям в Королевстве», – говорилось в докладе⁸.

Президент ознакомил Икеса со всеми полученными сведениями. Министр внутренних дел был весьма впечатлен. Особенно его порадовали аргументы директора ТЕКСАКО. Он понимал, что американский нефтяной бизнес был кровно заинтересован в нефтяных концессиях Саудовской Аравии. Кроме того, его насторожили сведения американских военных об активности британцев и их планах по открытию банка в Джидде. В этой связи, как показывают документы, Икес решил добиваться распространения закона о ленд-лизе на Саудовскую Аравию⁹. После полученных сведений министр внутренних дел встретился с руководством КАСОК и ТЕКСАКО, а также с министром военно-морского флота и рядом других государственных деятелей США. Абсолютно все высказались в поддержку идеи о включении королевства в зону действия закона о ленд-лизе. 16 февраля 1943 г. Икес встретился с президентом¹⁰.

18 февраля Рузвельт обратился с письмом к американским нефтяным концернам и госсекретарю, в котором среди прочего пронизательно подметил: «Для того чтобы вы могли организовать помощь правительству Саудовской Аравии по ленд-лизу, я настоящим заявляю, что Саудовская Аравия является жизненно важной для обороны Соединённых Штатов»¹¹. Таким образом, Саудовская Аравия была включена в зону действия закона о ленд-лизе. Этот шаг позволяет по-новому оценить подходы США к сотрудничеству с Саудовской Аравией. Американское руководство встало на защиту интересов своих нефтяных корпораций. Распространено также мнение, что некоторые американские сенаторы полагали, что Икес при поддержке военных стремился национализировать производство нефти, чего ему не удалось достичь во время Нового курса Рузвельта. В 1935 и 1940 гг. Икесом были сформулированы конкретные предложения в этом направлении и, судя по всему, он не изменил своего мнения по этому вопросу.

8 июня адмирал У. Леги и начальник штаба Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) направили меморандум Ф. Рузвельту о состоянии национальных нефтяных резервов.

Адмирал подчеркивал, что для удовлетворения всех потребностей флота необходимо увеличить объемы его снабжения сырой нефтью вдвое. Значительная часть высшего командного состава ВМС согласилась с тем, что необходимо немедленно принять меры для обеспечения флота стратегическим сырьем в полном объеме. В заключение Леги отметил, что, директор РФК должен выделить средства на создание Корпорации, главной целью которой будет оценка иностранных нефтяных месторождений и их разработка. «Вполне возможно, – отмечал Леги, – приобретение правительством США контрольного пакета акций американских нефтяных компаний, занимающихся добычей нефти в Саудовской Аравии с условием, что Корпорация может приобретать и другие концессии в регионе». Спустя два дня президент поручил адмиралу Леги потребовать от госсекретаря всю имеющуюся информацию, касающуюся нефтяных месторождений Саудовской Аравии. Одновременно с этим Рузвельт связался с американским посланником в Саудовской Аравии. «Я не сомневаюсь, – писал президент, – в ваших силах оказать помощь экспертам госдепартамента, которые нуждаются в информации, касающейся нефтяных месторождений королевства. Наше правительство нуждается в получении нефтяных концессий в Саудовской Аравии. Нам необходимо создать надежный топливный запас в стране»¹².

Икес сознавал, что военные и дипломаты ещё больше беспокоятся проблемой нехватки нефти в стране и будут всячески содействовать получению американским правительством нефтяных концессий в Королевстве Ибн Сауда. 10 июня 1943 г. Икес написал Рузвельту письмо, в котором акцентировал внимание на принятии незамедлительных мер для приобретения нефти, поскольку «в 1944 г. наши вооруженные силы столкнутся с нехваткой нефти, не говоря уже о гражданских отраслях промышленности». Кроме того, он призвал Рузвельта создать Корпорацию нефтяных запасов (Petroleum Reserves Corporation), которой следовало заниматься приобретением и разработкой нефтяных месторождений за границей. «Проанализировав информацию, я пришёл к выводу, что мы неизбежно столкнемся с сильными конкурентами в регионе, поэтому нам необходимо быть полными решимости в достижении задач, которые стоят перед нами», – писал Икес. Кроме того он добавил, что, «по последним данным, разведанных запасов нефти в Саудовской Аравии примерно 20 млрд баррелей. Это количество равно всем запасам Соединённых Штатов. Следовательно, Корпорация запасов нефти должна сосредоточить свои усилия в первую очередь на разработке нефтяных месторождений арабского королевства. Американский нефтяной бизнес должен помочь нам в этом вопросе. Кроме того, в настоящее время британские власти пытаются свести к минимуму нашу активность в регионе, оказывая давление на короля, чтобы выдавить аме-

риканские нефтяные корпорации из Королевства. Приобретение нефти необходимо для удовлетворения потребностей армии, флота и гражданской промышленности, которые испытывают недостаток в стратегическом сырье»¹³.

12 июня 1943 г. в Белом доме состоялась беседа, в которой принимали участие президент Рузвельт, глава совета по военной мобилизации Бирнс, военный министр Стимсон, командующий ВМФ Нокс, советник президента по экономике Фейс, генерал Райт и Икес. На встрече обсуждалась проблема истощения нефтяных запасов США и пути её решения. Икес усердно подчеркивал, что правительству необходимо в кратчайшие сроки решить проблему пополнения нефтяных запасов государства из-за границы. Под влиянием этих обстоятельств гости президента поддержали создание Корпорации нефтяных запасов до 1 июля 1943 г. После этого Икес довольно недвусмысленно поставил вопрос о скорейшем приобретении нефтяных концессий в Саудовской Аравии. Вместе с тем решение вопросов, касающихся распределения полученной нефти из Саудовской Аравии, ФДР поручил Бирнсу¹⁴.

14 июня госсекретарь Хэлл направил Рузвельту меморандум, в котором изложил свои тактические идеи на ближайшее будущее в свете отношений с Саудовской Аравией. «Я полностью разделяю мнение адмирала Леги, касающееся увеличения поставок нефти на территорию нашего государства. Что касается Саудовской Аравии, то я полагаю, что необходимо не только получить доступ к богатым нефтяным месторождениям, но и создать нефтеперегонный завод и всю соответствующую инфраструктуру в сжатые сроки. Кроме того, нам следует оказать помощь правительству Ибн Сауда». Затем Хэлл выдвинул три рекомендации, реализация которых, по его мнению, была необходима для увеличения производства и переработки нефти. Первая заключалась в том, что Корпорация запасов нефти должна заключить контракт с КАСОК, по которому компания будет создавать резервуары для хранения нефти в КСА, транспортировкой которой в США займется правительство. Вторая рекомендация касалась Икеса, который советовал президенту выкупить контрольный пакет акций КАСОК. Хэлл отмечал: «Представляется, что реализация планов Икеса относительно покупки акций КАСОК негативно скажется на наших отношениях с Ибн Саудом, поскольку между королем и компанией подписаны дополнительные соглашения об экономической помощи королевству. В любом случае необходимо уведомить короля Ибн Сауда о наших намерениях. Нам не известно, какую позицию займет Ибн Сауд в отношении вовлечения американского правительства в разработку нефтяных концессий в Саудовской Аравии. Хэлл также указал на тот факт, что концессионные права наиболее перспективных месторождений нефти Саудовской Аравии уже принадлежат КАСОК». Также эта компания

имеет льготы на разработку месторождений на юго-восточной части Аравийского полуострова. Кроме того, компания в ближайшем будущем собирается разрабатывать крупные месторождения в Персидском заливе. Хэлл предложил создать специальную комиссию из сотрудников внешнеполитического ведомства и военных, в том числе адмирала У. Леги, для ведения переговоров с Ибн Саудом с целью заключения наиболее выгодного нефтяного соглашения.

Хэлл завершил свой меморандум следующими словами: «Обстановка, складывающаяся в мире, требует повышенного внимания к источникам стратегических ресурсов. Поэтому, во-первых, американскому правительству следует продолжить курс на сближение с Саудовской Аравией. Кроме того, американские компании нуждаются в нашей помощи, а мы в их нефтяных поставках. Поэтому нам следует оказывать им необходимую помощь. Во-вторых, армия, военно-морской флот нуждаются в пополнении нефтяных запасов. В этой связи арабская нефть чрезвычайно важна для Америки»¹⁵.

Две недели спустя Хэлл, Стимсон, Форрестол и Икес направили Бирнсу докладную записку, в которой высказали все, что касается проблемы нехватки нефти в стране. Бирнс решил направить этот любопытный документ президенту Рузвельту, приложив свою письменную рекомендацию, в которой, в частности, говорилось о необходимости создания Корпорации запасов нефти (PRC) до 30 июня. Интересно отметить, что содержащиеся в записке нюансы сулили определенные выгоды госдепартаменту. В частности, в ней говорилось: «Деятельность корпораций должна полностью соответствовать принципам американской внешней политики в регионе:

а) реализация любых проектов американских компаний в королевстве возможна только после согласования их с государственным секретарем США;

б) все переговоры с иностранным правительством должны осуществляться только в присутствии сотрудника государственного департамента США». Кроме того, в докладной записке подчеркивалось, что «Корпорация Запасов Нефти должна выкупить все акции КАСОК. Это следует сделать для того, чтобы американское правительство полностью контролировало добычу нефти в Аравии, Корпорация должна осуществлять контроль за уровнем производства и разработкой арабских нефтяных месторождений, а также заниматься распределением и продажей полученной нефти. Вопросы, касающиеся строительства нефтеперерабатывающего завода в Саудовской Аравии, должны быть рассмотрены на специальном заседании военно-морского министерства и госдепартаменту». В записке указывалось, что строительство завода следует начать в самое ближайшее время. Интересна сентенция о том, как члены правительства предлагали рассмотреть в

Конгрессе вопрос о выделении средств на строительство нефтеперерабатывающего завода¹⁶.

Часть членов американского правительства предлагала заранее обсудить этот вопрос с американскими нефтяными корпорациями, занимающимися добычей нефти в Саудовской Аравии. А другая, напротив, была против всякого обсуждения этого проекта с американским бизнесом. Бирнс предложил провести переговоры с директорами КАСОК и ТЕКСаКО для достижения предварительных договоренностей по этому вопросу¹⁷.

Одновременно с этим американское внешнеполитическое ведомство направило в Саудовскую Аравию своих сотрудников: Дж. Муза и А. Кирка. Им было поручено проинформировать Ибн Сауда о планах США по созданию нефтеперерабатывающего завода в королевстве. Хэлл счёл нужным высказать президенту все, что он думает по этому поводу. «Нефтеперерабатывающий завод, – сказал он, – очень важен для нас. Часть средств, которые американское правительство выделит на его строительство, необходимо передать Ибн Сауду. Это поможет избежать огромных затруднений в поисках конструктивного решения данного вопроса»¹⁸.

После этого Рузвельт заявил, что Корпорация запасов нефти должна приобретать нефтяные концессии самостоятельно, без какого-либо участия в этом вопросе частных компаний. Президент принял это решение после беседы с представителями своей администрации и членами правительства. Документы свидетельствуют о том, что у Рузвельта вызывал озабоченность тот факт, что СССР может усилить давление на правительства некоторых стран Ближнего и Среднего Востока, которые могут принять решение о полной национализации природных ресурсов. «Американское правительство должно всячески поддерживать не только ПРК, но и оказывать содействие частным нефтяным корпорациям»¹⁹. Последнее предложение служило дополнительным акцентом того, что американское руководство не хотело обострять отношения с нефтяными компаниями, которые создавали позитивный образ США на Ближнем Востоке. Фейс отмечал, что в Белом доме шли острые дискуссии по поводу ближневосточной нефти. «Короче говоря, – отмечает Фейс, – когда зашла речь о необходимости объединения усилий частных американских нефтяных компаний с Корпорацией запасов нефти США с целью повышения степени концентрации американских усилий в деле получения нефти на Ближнем Востоке, президент выразил признательный жест уважения своим коллегам»²⁰. 27 июня 1943 г.

министр торговли США Дж. Джонс выступил с публичным заявлением о создании Корпорации нефтяных запасов.

Итак, значительная часть позитивных предложений Ф. Рузвельта, Дж. Джонсона, Икеса была реализована руководством США и американским бизнесом достаточно оперативно, в течение года. Полученные результаты носили тактический характер и способствовали достижению нового качества политики Соединённых Штатов в отношении Саудовской Аравии. За стремлением Америки помочь владельцу «святых мест ислама» Ибн Сауду скрывалось желание реализовать свои интересы. Руководители США занимали самостоятельную позицию, руководствуясь, прежде всего, политическими, а также экономическими мотивами.

Примечания

- 1 Chronology of Saudi-U.S. relations. URL: <http://www.saudiembassy.net/files/PDF/Reports/Saudi-US-chronology-08.pdf>.
- 2 Saudi-US relations. URL: http://www.saudiembassy.net/files/PDF/Brochures/DFS_us-saudi_relations.pdf.
- 3 Congressional Record. Petroleum Arrangements with Saudi Arabia. Proceedings and Debates of 80th Congress (далее–CR). Vol. 94. P. 91.
- 4 *Shwadran B.* The Middle East, Oil and the Great Powers. N. Y., 1955. P. 306.
- 5 CR. P. 391.
- 6 Ibid. P. 417.
- 7 Ibid. P. 437.
- 8 Ibid. P. 829–830.
- 9 Ibid. P. 830.
- 10 Ibid. P. 860.
- 11 *Дербенев А. С.* О некоторых особенностях американо-саудовских отношений в первой половине 1940-х гг. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2088/52736_58f6.pdf.
- 12 CR. P. 861.
- 13 Ibid. P. 862.
- 14 Foreign Relations of the United States (далее–FRUS). 1943. Diplomatic Papers. The Near East and Africa. Vol. IV. Wash., 1964. P. 924.
- 15 Ibid. P. 925.
- 16 CR. P. 863.
- 17 FRUS. P. 926.
- 18 Ibid. P. 929.
- 19 Ibid. P. 930.
- 20 *Feis H.* Seen From E. A. Three International Episodes. N. Y., 1947. P. 123.

УДК 327

ТУРЦИЯ, ИРАН, США И ИРАКСКИЙ КРИЗИС 2003 ГОДА

А. В. Сулейманов

Нижегородский государственный университет
E-mail: alim-suleymanov@mail.ru

В статье анализируется специфика отношений Турции, Ирана и США накануне, во время и после войны в Ираке. При этом большое внимание автор уделяет рассмотрению турецких и иранских инструментов кризисного реагирования в адрес этого конфликта, а также затрагивает курдский вопрос, обострение которого явилось прямым следствием американской интервенции.

Ключевые слова: внешняя политика Турции, Иран, США, иракский кризис, курдский вопрос.

Turkey, Iran, USA and the Iraq Crisis of 2003 year

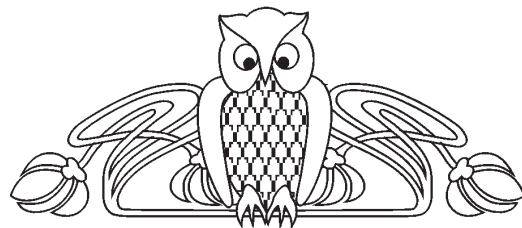
A. V. Suleymanov

In article are analyzed the specificity of relations between Turkey, Iran and the USA on the eve, during Iraq war and after. Thus the author gives the big attention to consideration of turkish and Iranian tools of crisis reaction to address of this conflict, and also touches a kurdis question which aggravation was direct investigation of the american intervention.

Key words: foreign policy of Turkey, Iran, USA, Iraq crisis, kurdis question.

Десять лет назад, в 2003 г., произошло событие, которое заставило сотрясаться регион Ближнего Востока, – вторжение американских войск в независимый Ирак и его оккупация. Разразившийся иракский кризис стал крупнейшим событием международной жизни начала XXI века, он вызвал реакцию во всех странах и сферах жизни современного мирового сообщества. И естественно, что в рамках современного этапа глобализации понятен и объективен тот факт, что ситуация в Ираке и вокруг него деструктивно повлияла на динамику современной мировой политики¹.

Особым образом иракская проблема нашла свое отражение во взаимоотношениях Турции и Ирана – влиятельными государствами в Ближневосточном регионе и непосредственными соседями Ирака. При этом регион Ближнего Востока исходя из геополитического, культурно-демографического и экономического потенциала – значимая часть Евразийского континента. Поэтому можно предположить, что проникновение Америки в Ирак и, следовательно, в Евразию не было случайным и спонтанным действием. Еще в конце XX века известный американский политолог и геополитик Збигнев Бжезинский писал: «Главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное

господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство, и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте»².

В связи с этим военная интервенция США в Ирак и набравший силу иракский кризис стали болезненной внешнеполитической проблемой для Турции и Ирана. Беспокорство было обусловлено не только соседством с нестабильным Ираком, но и наличием в каждом из трех государств курдского меньшинства и последствиями международного вмешательства³.

Парламентские выборы в Турции в ноябре 2002 г., приведшие к власти «Партию справедливости и развития», в целом не изменили вектора развития турецко-иранских отношений и подхода к ситуации в регионе. Стороны заявили о намерении продолжать всестороннее развитие отношений и выразили заинтересованность в укреплении региональной безопасности в нынешних сложных условиях.

Именно в 2002 г. наметилось сближение Турции и Ирана, причиной которого послужило намерение США напасть на Ирак после завершения военной кампании в Афганистане. Руководство обеих стран по разным причинам негативно относилось к планам Вашингтона, выступая категорически против создания независимого Курдистана, который мог появиться в результате военного вмешательства в Ирак.

Иракский вопрос достаточно остро обсуждался на встречах официальных лиц Турции и США в течение всего 2002 г., начиная с визита премьер-министра Б. Эджевита в Вашингтон в январе, когда обе стороны начали «прощупывать почву». На встрече с президентом Д. Бушем Б. Эджевит выразил обеспокоенность возможным развитием событий, отметил, что для Турции неприемлемо создание независимого курдского государства, и подчеркнул, что вооруженные силы Турции примут все необходимые меры для защиты национальных интересов страны. Под этим подразумевалась готовность правительства ввести войска в Ирак, чтобы не допустить провозглашения государства курдов. Д. Буш заверил Б. Эджевита в своем понимании позиции Турции и пообещал ей помощь в решении экономических проблем, а также недвусмысленно дал понять,

что США полны решимости провести операцию в Ираке и рассчитывают на поддержку Анкары⁴.

По мере того, как решимость Америки начать войну в Ираке становилась все более очевидной, активизировались усилия турецкой дипломатии, направленные на консолидацию с соседями по региону. В начале января 2003 г. премьер-министр Турции А. Гюль совершил поездку по странам Ближнего Востока с целью обсуждения ситуации вокруг Ирака. 12 января 2003 г. А. Гюль прибыл в Тегеран, где встретился с президентом М. Хатами. В условиях углублявшегося кризиса достижение взаимопонимания с Ираном приобрело для Турции особую актуальность, тем более, что незадолго до А. Гюля в Тегеран приезжали курдские лидеры М. Барзани и Д. Талабани, стремившиеся убедить иранское руководство в том, что они не ставят своей целью раскол Ирака, и заручиться нейтралитетом Ирана в отношении попыток курдов захватить Мосул и Киркук, против чего выступала Турция. Иран не хотел распада Ирака и образования независимого Курдистана, тем не менее, он не относился к перспективе полного перехода Мосула в руки курдов столь же болезненно, как Турция⁵.

Однако беспокойство Анкары относительно возможного вторжения США в Ирак было выражено не только из-за возможного обострения курдского вопроса. Для Турции эта интервенция оборачивалась экономическими последствиями, в частности снижением уровня доходов от туризма⁶.

Поэтому Турция, несмотря на давление со стороны американской администрации, отказалась предоставить свою сухопутную территорию для подразделений вооруженных сил США с целью нападения на Ирак с севера. Это событие несколько охладило турецко-американские отношения. Турция, хотя и стремилась к нормализации отношений с США, тем не менее, осознавала, что в отношении Ирака у нее больше общих интересов с Ираном, чем с Соединенными Штатами, действия которых часто порождали подозрения в «двойной игре» Вашингтона.

Вступив на территорию Ирака и встретив там сопротивление части арабского населения, Соединенные Штаты стали активно поддерживать курдов, что, естественно, вызвало негативную реакцию Турции и еще больше охладило турецко-американские отношения. Практически в это же время Евросоюз притормозил рассмотрение вопроса о вступлении Турецкой Республики в ЕС. В этой ситуации Турция была вынуждена улучшать свои связи с усиливающимся Ираном и тем самым балансировать по линии Запад – Восток. В свою очередь, поддержка курдами Вашингтона имела исключительно прагматические взгляды. Они надеялись получить из рук американцев широкую автономию⁷.

Сам факт вторжения США в Ирак вызвал негативную реакцию как со стороны Турции, так и Ирана. В интервью телеканалу TRT2 в апреле 2003 г. турецкий государственный министр Б. Арынч за-

явил, что «две причины, из-за которых США вошли в Ирак (наличие ОМУ и связь Багдада с событиями 11 сентября), являются беспочвенными. Сегодня мы видим, что Ирак не обладает оружием массового уничтожения»⁸. В свою очередь, лидер ИРИ аятолла А. Хаменеи резко осудил военный удар США по Ираку. В обращении к нации по случаю наступившего 21 марта 2003 г. в Иране нового года он охарактеризовал нападение на Ирак как «дьявольскую» акцию: «Исламская Республика Иран, призывающая к незамедлительному прекращению войны, не защищает диктаторский баасистский режим. Мы выступаем в защиту иракского народа и верим, что будущность Ирака должна определяться самим народом этой страны», – подчеркнул аятолла А. Хаменеи⁹. Однако косвенно иранское правительство желало свержения Саддама Хусейна. Позже в декабре 2003 г. Верховный суд ИРИ отправил послание на имя генерального секретаря ООН Кофи Анана, в котором отмечалось: «Общественное мнение Ирана требует осуждения С. Хусейна в справедливом суде Исламской Республики Иран. Было бы справедливо поручить осуждение С. Хусейна тем, кто имеет на это полное право, таким образом, в минимальной степени компенсировать их страдания и потери»¹⁰.

Следует отметить, что ложь при подготовке и осуществлении оккупации Ирака была главным оружием Вашингтона. «Американский центр гражданской ответственности» совместно с «Фондом за независимость журналистики» провели исследование, в ходе которого выяснилось, что с сентября 2001 г. по сентябрь 2003 г. руководство США сделало 935 лживых заявлений по Ираку. Больше всех лгал президент Д. Буш, сделавший 260 лживых заявлений: 232 из них – о наличии у С. Хусейна оружия массового поражения и 28 – о связях Ирака с «Аль-Каидой»¹¹.

Схожую позицию высказывал и бывший посол Ирака в России Халаф Кунфуд Аббас во время своей речи в Нижегородском государственном лингвистическом университете (Нижегород) 22 мая 2009 г., где он отметил: «Ситуацию в Ираке в условиях оккупации можно назвать безнадежной, прежде всего, из-за тех зверских преступлений, которые совершили американцы и местные власти, пришедшие вместе с ними. За время оккупации страна потеряла более 1,2 миллиона человек убитыми... Произошедшее было всего лишь авантюрой и личной мстостью Джорджа Буша-старшего Саддаму Хусейну. Здесь нет никаких объективных причин. Это подтвердил и сам американский президент (Буш-младший), когда публично заявил, что, принимая решение о начале военной операции в Ираке, он был введен в заблуждение собственной разведкой»¹².

Следующим важным шагом в обсуждении руководством Анкары и Тегерана иракской проблемы стал процесс послевоенного переустройства Ирака. Турция и Иран неоднократно выражали свое негативное отношение к идее федерализма,

предполагающей, что Северный Ирак станет курдским субъектом федерации, а также высказывались за необходимость скорейшего вывода из Ирака иностранных войск и предоставление иракскому народу права самому определять свою судьбу. Так, в январе 2004 г. министры иностранных дел Турции и Ирана высказались по поводу послевоенного переустройства Ирака: «Для нас очень важно сохранение территориальной целостности, установление стабильности, безопасности и национальной солидарности в Ираке». Касаясь вопроса федерального устройства в Иракском государстве, К. Харрази сказал: «в настоящее время федеральное устройство в этой стране представлено, однако единого мнения здесь нет, и Временный управляющий совет Ирака предпочитает отложить рассмотрение этого вопроса на будущее, на время выработки конституции страны». А. Гюль в целом выразил согласие с мнением К. Харрази по урегулированию иракского кризиса и отметил, что: «Турция выступает за территориальную целостность Ирака и создание национальной власти в этой стране в интересах не только иракского народа, но и всех государств. Мы знаем, что в регионе Ближнего Востока существует достаточно много сложностей, а внедрение в Ираке федерального устройства удвоит эти проблемы»¹³.

Однако реально складывающаяся обстановка на севере Ирака, где де-факто появилось курдское государство во главе с лидером Демократической партии Курдистана М. Барзани, ставило и Турцию, и Иран перед необходимостью смириться с возможным и де-юре федеративным устройством Ирака, против чего они резко выступали раньше, и вести поиски своей новой политической линии в отношении иракских курдов. Избрание президентом Ирака бывшего лидера Патриотического союза Курдистана (ПСК) Д. Талабани создало новую ситуацию в турецко-иракских и ирано-иракских отношениях. Анкара была озабочена тем, что идея курдского сепаратизма могла выйти на более высокий уровень. А Тегеран, между тем, старался наладить торгово-экономические связи с Ираком и даже предоставил ему финансовую помощь в размере 10 млн долл.

Поэтому в подходе обеих стран к проблеме Ирака переплетались как внутривнутриполитические (нерешенность внутри своей страны курдского вопроса), так и внешнеполитические проблемы (отношения с США, баланс сил в регионе, положение на международной арене). Таким образом, поддержание диалога между Турцией и Ираном объективно отвечало их интересам. Более того, можно утверждать, что в период с 2002 по 2010 г. в турецко-иранских отношениях присутствовал иракский фактор.

Совершенно очевидно, что разразившийся иракский кризис внес огромный вклад в дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в Турции и Иране. Активизация террористической деятельности курдских повстанцев обусловила стрем-

ление двух стран к взаимному сотрудничеству. При этом если ранее иранская правящая элита относилась лояльно к курдской проблеме, что в разное время вызывало недовольство в Анкаре, то подход Ирана к террористической организации РПК начал изменяться, главным образом в результате американского присутствия в Ираке¹⁴.

Наряду с этим проблемный и нестабильный Ирак демонстрировал стремление к поддержанию дружественных отношений с Турцией и Ираном. Посетив в ноябре 2005 г. Иран с официальным визитом, Д. Талабани не ограничился обсуждением проектов сотрудничества, но поднял вопрос о борьбе с терроризмом в Ираке и выразил надежду на помощь Ирана. Что касается Турции, то жестом доброй воли со стороны Д. Талабани послужили заявления, осуждающие деятельность РПК (Рабочей партии Курдистана) как наносящую вред интересам курдского народа.

В октябре 2007 г. президент Ирана М. Ахмадинежад на встрече с турецким министром иностранных дел Али Бабаджаном высказался по поводу иракской проблемы: «...нации Ирана, Турции и Ирака – друзья и братья, наши судьбы переплетены. Враги планируют доминировать над нашими странами и не хотят, чтобы страны региона, включая Иран, Турцию и Ирак, были сильными и жили в мире. Присутствие иностранных войск в регионе – это источник ненадежности. Оккупанты угрожают безопасности людей, и они походят на «микроб», который вредит здоровью региона». Что касается нападений РПК на турецкую армию из северного Ирака, М. Ахмадинежад сказал, что: «...иракский президент и премьер-министр – определенно против террористических действий в регионе, и они делают все, чтобы расправиться с террористами», он добавил: «пришло время помогать иракскому правительству и иракскому народу». Турецкий дипломат также настаивал на потребности сохранить территориальную целостность Ирака и установить мир и безопасность в стране. В свою очередь, А. Бабаджан сказал, что: «...все страны имеют право бороться с террористами» и поблагодарил Исламскую Республику за ее кампанию против курдских террористических групп¹⁵.

Заявления политиков Турции и Ирана не остались голословными. 12 декабря 2008 г. ВВС Турции и артиллерия иранской армии нанесли удары по местам базирования курдских сепаратистов на севере Ирака. После получасовой бомбардировки турецкой авиацией района Кандиль, где расположены основные базы РПК, туда же были нанесены удары иранской артиллерии. Конфликт с РПК, которая почти четверть века добивается автономии для курдов на юго-востоке Турции, унес более 40 тысяч жизней. РПК признана террористической организацией ООН и Евросоюзом. Турция стремится устранить террористическую деятельность боевых организаций РПК в Ираке, и это стремление выступает главным интересом Анкары в построении турецко-иракских отно-

шений. По мнению правительства Турции: «... двустороннее сотрудничество возможно только с устойчивым, преуспевающим и мирным Ираком, свободным от террористической деятельности»¹⁶.

23–24 марта 2009 г. президент Турции А. Гюль с официальным визитом посетил Ирак. Это был своеобразный ответный визит, так как в марте этого же года Турцию посещал иракский президент Д. Талабани. Одной из значимых тем переговоров стала деятельность РПК в Ираке. А. Гюль сделал заявление: «Надеюсь, что мы сможем все решить. Если будет сложено оружие и прекратится террор со стороны иракских курдов, то они могут рассчитывать на прощение»¹⁷. Однако события последнего времени, говорят о нерешенности проблемы иракских курдов. 7 июня 2010 г. иранские войска пресекли границу с Ираком с целью уничтожения курдских боевиков из организации «Партия за свободную жизнь в Курдистане», причастную в убийстве 24 полицейских на северо-востоке Ирана в 2006 г. По утверждению иранских властей, нынешний Северный Ирак не контролируется багдадским правительством¹⁸.

Подводя итог, следует сказать, что война в Ираке сильнейшим образом затронула Турцию и Иран. Во-первых: вторжение американских войск в Ирак, оно послужило поводом к сближению позиций Анкары и Тегерана относительно действий США. Во-вторых: разразившийся с большой силой иракский кризис, способствовавший расколу иракского общества и дестабилизации ситуации в регионе, что также способствовало усилению координации политики Турции и Ирана в решении иракской проблемы. В-третьих: обострение курдской проблемы, явившееся прямым последствием американской интервенции в Ирак, усилило военно-политическое сотрудничество Турции и Ирана в борьбе с РПК. Полагаем, что ни Анкара, ни Тегеран не были заинтересованы в создании курдского государства, поэтому проблема иракских курдов, так же как и курдов Турции, Ирана и Сирии, будет стоять еще достаточно долго и остро и дестабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке.

Примечания

- ¹ Алимов А. А., Ягья В. С. Иракский фактор в мировой политике // Иракский кризис. Международный и региональный контекст: материалы «круглого стола» // Институт стран Азии и Африки при МГУ. М., 2003. С. 16.
- ² Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. С. 18.
- ³ Свистунова И. А. О влиянии иракского фактора на развитие отношений Турецкой Республики с Ираном // Ближний Восток и современность: сб. статей. Вып. 29 / ИИИиБВ. М., 2006. С. 204.
- ⁴ Свистунова И. А. Иракский кризис 2003 г. и турецко-американские отношения // Ближний Восток и современность: сб. статей. Вып. 26 / ИИИиБВ. М., 2005. С. 58.

- ⁵ Свистунова И. А. О влиянии иракского фактора на развитие отношений Турецкой Республики с Ираном // Ближний Восток и современность: сб. статей. Вып. 29 / ИИИиБВ. М., 2006. С. 215.
- ⁶ Ульченко Н. Ю. Турция и иракский кризис. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/16-04-03.htm> (дата обращения: 11.09.2012).
- ⁷ Сажин А. К вопросу об ирано-турецких отношениях. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cyclopedia.ru/120/200/2737041.html> (дата обращения: 12.09.2012).
- ⁸ Türkiye Büyük Millet Meclisi başkanı sayın Bülent Arınçın. Bağımsız kamu görevlileri sendikaları konfederasyonu Genel Başkanı Resul Akay ve beraberindeki heyeti kabullerinde yaptıkları konuşma ve basın mensuplarının Irak savaşı ile ilgili sorularına verdikleri cevaplar (10 Nisan 2003). [Электронный ресурс]. URL: http://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/tbmm_basin_aciklamalari_sd.aciklama?p1=2487 (дата обращения: 20.09.2012).
- ⁹ Сажин В. И. Иран: против Саддама и против США // Иракский кризис. Международный и региональный контекст / Материалы «круглого стола» / Институт стран Азии и Африки при МГУ. М., 2003. С. 76–77.
- ¹⁰ Верховный суд Исламской Республики призывает судить Саддама Хусейна на территории Ирана. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=15437 (дата обращения: 21.09.2012).
- ¹¹ Пустовойтова Е. Операция по ликвидации иракской государственности близка к завершению. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interaffairs.ru/read.php?item=293> (дата обращения: 22.09.2012).
- ¹² Речь бывшего посла Ирака в России Халафа Кунфуда Аббаса в Нижегородском лингвистическом университете 22 мая 2009 г. Нижний Новгород. 2009.
- ¹³ Главы МИД Ирана и Турции заявили о необходимости сохранения территориальной целостности Ирака. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=16249 (дата обращения: 22.09.2012).
- ¹⁴ Keskin A. Iran-Turkey Relations: Balance, Rivalry and Mutual Dependence. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gunaskam.com/eng/index.php?option=com_content&task=view&id=135&Itemid=44 (дата обращения: 23.09.2012).
- ¹⁵ Destiny of Iran, Turkey and Iraq intertwined. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mehrnews.com/en/NewsDetail.aspx?pr=s&query=turkey%20&NewsID=576585> (дата обращения: 24.09.2012).
- ¹⁶ Turkish Foreign Policy on Iraq: <http://www.mfa.gov.tr/turkish-foreign-policy-on-iraq.en.mfa>
- ¹⁷ Cumhurbaşkanı Abdullah Gül, 23–24 Mart 2009 tarihlerinde Irak'ı ziyaret etti. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.turksam.org/tr/a1614.html> (дата обращения: 25.09.2012).
- ¹⁸ Иранские войска пресекли границу с Ираком с целью уничтожения курдских боевиков. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=65433 (дата обращения: 26.09.2012)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).044+94(47).045+908(470)|1594/1600|

ВОЕВОДЫ САРАТОВА БРАТЬЯ ИВАН И МИХАИЛ ВОЛЫНСКИЕ (1594–1600)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы начальной истории Саратова. Подробно даются биографии некоторых воевод города, а также источники о Саратове этого времени. Впервые приведены имена людей, посетивших Саратов вскоре после его постройки.

Ключевые слова: Саратов, Михаил Григорьевич Волынский, персидские послы.

Voivods of Saratov Brothers Ivan and Mihail Volinskiye (1594–1600)

Ya. N. Rabinovich

The article describes the unknown pages of the early history of Saratov. The biographies of some of the voivods and sources of Saratov this time are discussed in details. First the names of people who visited Saratov soon after it was built are given.

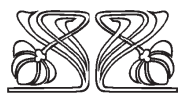
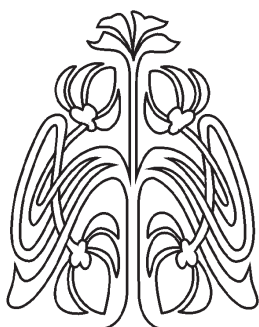
Key words: Saratov, Mihail Grigor'evich Volinsky, Persian ambassadors.

Одними из первых воевод Саратова были братья Иван и Михаил Григорьевичи Волынские. Волынские – древний дворянский род, Гедиминовичи по происхождению. Родоначальником Волынских был безудельный волынский князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, выехавший на Русь в 1360-х гг., герой Куликовской битвы, женатый на дочери Дмитрия Донского. Его внук, Семен Борисович Волынский, погибший в Белевской битве 1437 г., оставил после себя двоих сыновей, старший из которых, Ипатий (Игнатий) Семенович, был прадедом будущих воевод Саратова, главных героев этого очерка. Среди четырех сыновей Саввы Ипатьевича Волынского, воеводы во времена Ивана III и Василия III, был Григорий Савич, имевший пять сыновей¹, двое из которых, Иван и Михаил, известны как воеводы первоначального Саратова.

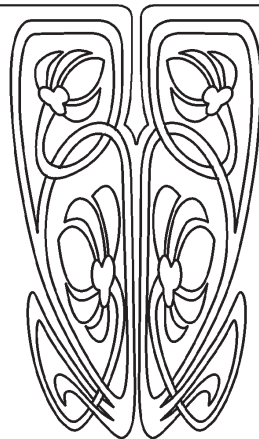
А. А. Зимин отмечал, что потомки Волынских, как и некоторых других выездных родов, «по различным причинам так и не смогли пробиться в Думу»². Как выяснила М. Е. Бычкова, в первой свадьбе князя В. А. Старицкого и А. А. Нагой (май 1550 г.) участвовали два сына Саввы Ипатьевича Волынского – Иван был «у места», а Федор и другие дети боярские «несли каравай»³. Таким образом, Волынские входили в окружение князей Старицких. По-видимому, они пострадали во времена опричнины Ивана Грозного вместе с Владимиром Андреевичем Старицким.

Старший сын Г. С. Волынского Иван Григорьевич родился в конце 1540-х – начале 1550-х гг. Более точную дату из-за отсутствия источников указать невозможно. Нелегко выяснить основные этапы биографии будущего воеводы Саратова, так как существовало два брата, два Ивана Григорьевича Волынских. Авторы «Славянской энциклопедии» считают, что воеводой «на Саратове-острове» в 1594–1596 гг. был Иван Меньшой, пятый сын (самый младший) Григория Савича Волынского⁴.

И все же, по нашему убеждению, следует отдать предпочтение другой версии, что воеводой Саратова в 1593/94 г. был назначен его

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

старший брат, Иван Григорьевич Волынский, которого через несколько лет сменил третий сын Григория Савича Михаил.

В «Разрядных книгах» четко разделяются Иван Григорьевич Волынский и Меньшой Григорьевич Волынский. В 1593/94 г., когда впервые Иван Григорьевич упоминается в Разрядах в качестве воеводы Саратова, его брат Иван Меньшой Григорьевич находился в Михайлове, а в 1595/96 г. Иван Меньшой был вторым воеводой далеко от Саратова, в Ивангороде (его старший брат Иван Григорьевич Волынский продолжал в это время находиться в Саратове).

Кроме того, следует учесть традиции старшинства (своего рода, местничество) даже среди близких родственников. В России не было принято, чтобы на одну и ту же должность (в данном случае – воеводой в один и тот же город) сначала назначали младшего брата, а затем – старшего брата. Аналогично решался вопрос с очередностью женитьбы сыновей и замужества дочерей. Хотя, конечно, бывали и исключения.

В разрядной записи под 7102 г. (1593/1594 г.) отмечено, что *«того ж году послал государь на Саратов Ивана Григорьева сына Волынского»* (одновременно на Самару был отправлен воеводой Г. С. Овцын, а в Царицын – В. Б. Сукин)⁵. Аналогичная запись о пребывании в 1594 г. И. Г. Волынского в Саратове имеется в другой разрядной книге. В этой же разрядной книге говорится о службе И. Г. Волынского в Саратове и в последующие годы, причем в 1595 г. и 1596 г. вместо названия «Саратов» записано «Саратов остров»⁶.

Впервые саратовские краеведы узнали об И. Г. Волынском в 1889 г. Именно тогда члены СУАК получили письмо от В. И. Холмогорова, который обнаружил в документах МАМЮ «в разрядном приказе по московскому столу» сведения о том, что на «Саратове-острове» воеводой в 1597 г. был Иван Григорьевич Волынский. Это письмо В. И. Холмогорова опубликовано в 1891 г. в «Трудах СУАК» ввиду его большой значимости⁷.

Данный документ о воеводах в «украинных городах» был составлен 20 февраля 1597 г.; он констатирует сложившееся состояние дел, а не только время отправки воевод в указанные города. В основном здесь перечислены воеводы, которые к тому времени уже давно находились в тех городах.

Авторы «Саратовской летописи» Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский, ссылаясь на это письмо В. И. Холмогорова, сообщали, что после кн. Г. О. Засекина следующим известным воеводой *«Иван Григорьев сын Волынский находился в Саратове в 1597 г.»*⁸. Авторы ошибочно указали, что данная информация В. И. Холмогорова помещена на странице XXIII сборника «Трудов СУАК» (в действительности – на стр. XXVII. – Я. Р.). Если это можно считать опечаткой, то никак нельзя принять информацию Ф. В. Духовникова и Н. Ф. Хованского о первой ревизии Саратова,

которая якобы была проведена в те годы (1596 г.). По этой «ревизии» *«в Саратове оказалось 1596 муж. п. душ»*. Количество мужских душ в Саратове случайно совпало с годом «проведения» этой «ревизии». Источника этой фантастической информации Авторы не указали.

К моменту публикации «Саратовской летописи» (1893 г.) Авторам ее не было известно содержание «Памятников дипломатических и торговых сношений России с Персией», первый том которых вышел в 1890 г., иначе они бы поставили другую дату нахождения в Саратове воеводы И. Г. Волынского. Некоторые краеведы, ссылаясь на эту «Саратовскую летопись», сделали вывод, что И. Г. Волынский был назначен воеводой лишь в 1597 г., хотя, фактически, в указанном году он завершал свою службу в Саратове, передав управление городом своему младшему брату Михаилу.

К моменту своего назначения в Саратов Иван Волынский был уже опытным воином и воеводой. За его плечами были ливонские походы 1576–1577 гг., во время которых русские войска одержали несколько побед над поляками и шведами, захватив ряд ливонских городов (Коловерь, Лиговерь, Апсл и др.). Это были последние победы русского оружия в Ливонской войне. И. Г. Волынский «годовал» вместе с первым воеводой И. Ф. Сабуровым в крепости Вильян. При этом И. Г. Волынский местничал с И. Ф. Сабуровым, но проиграл дело. Царь отказался давать невместную грамоту, при этом строго указал: *«...ты местничаешься безлепно не отцом но и дедом, и тебе тако по нашему наказу быти ныне пригоже»*. Царь велел Ивану Волынскому с вильянскими помещиками и с конными стрельцами из Вильяна идти на соединение с кн. Михаилом Тюфякиным и наступать на Колывань, а И. Ф. Сабурову оставаться для обороны Вильяна. В случае угрозы Вильяну Иван Волынский должен был продолжать оставаться в подчинении Сабурова в крепости⁹.

После завершения неудачной для России Ливонской войны Иван Волынский в 1583 г. участвовал в усмирении казанских татар и черемисов в районе Свияжска и Чебоксар. Он был назначен «сходным воеводой» в сторожевом полку, выступив с отрядом из Чебоксарского города на соединение с воеводой Г. И. Мещениновым-Морозовым. В этом же походе участвовал будущий первый саратовский воевода кн. Г. О. Засекин (он был в большом полку сходным воеводой из Алатыря)¹⁰.

После приведения к покорности местных жителей И. Г. Волынский был оставлен в 1584 г. вторым воеводой в Чебоксарах (первым воеводой был кн. М. Ф. Бахтеяров-Ростовский)¹¹. Эти события происходили в первый год царствования нового царя Федора Ивановича. Затем мы знаем о пребывании И. Г. Волынского довольно долгое время (1584–1587 гг.) в Казани вторым воеводой в остроге вместе с князем И. В. Гагиным и из-

вестным по «Угличскому делу» дьяком Михаилом Битяговским¹².

В 1591 г. И. Г. Волынский был отправлен первым воеводой в Новосиль «на степную Украину», а в помощники ему был назначен князь Михаил Волконский¹³. Это было тяжелое для страны время. Именно летом 1591 г. И. Г. Волынскому пришлось готовить город к отражению татар, которых вел к Москве крымский хан Казы-Гирей Бора. В 1592 г. крымские татары повторили набег, опустошив окрестности Тулы.

Дальнейшая служба Ивана Волынского связана с Саратовом. Скорее всего, он сменил в этом городе воеводу Бориса Владимировича Лодыгина. Пока обнаружена лишь одна разрядная запись за 1591–1592 гг., связанная с этим, никому неизвестным воеводой Саратова: «А на Переволоку на Саратов город государь послал Бориса Володимерова сына Лодыгина. А на Царицыне острове в городке Ефим Вахромеевич Бутурлин»¹⁴. Предположим, что в данной записи нет никакой путаницы. В таком случае можно сделать вывод, что после отъезда князя Г. О. Засекина на Кавказ в Саратове некоторое время руководство крепостью осуществлял стрелецкий голова Ф. М. Туров, который вскоре передал бразды правления новому воеводе Б. В. Лодыгину, а сам продолжал исполнять обязанности первого помощника воеводы. Обычно стрелецкие головы в городах не сменялись вместе с воеводами, а командовали постоянными гарнизонами длительное время, иногда вплоть до своей смерти. Оставался ли Ф. М. Туров при новом воеводе И. Г. Волынском – неизвестно.

Что происходило в Саратове, когда там находился воеводой И. Г. Волынский? Кто посещал этот город в 1594–1597 гг.? Документы Посольского приказа, относящиеся к сношениям России с Ираном и Грузией, помогают ответить на данные вопросы.

Осенью 1593 г. в Саратове останавливался на короткое время гонец шаха Аббаса купец Ходжи (Хозя) Искандер, который прибыл в Москву уже по зимнему санному пути в январе 1594 г. В это время в Москве уже побывало персидское посольство Хаджи (Ази) Хосрова, которое в июне 1594 г. вместе с купцом Ходжи Искандером из Казани отправилось по Волге в Астрахань и далее в Иран. Сам Ходжи (Хозя) Искандер был отпущен из Москвы в Казань 2 мая.

Хаджи (Ази) Хосрова отпустили из Москвы домой еще в октябре 1593 г., но он всю зиму 1593/94 г. провел в Касимове, Нижнем Новгороде и Казани. Н. И. Веселовский привел сведения об этой удивительной личности, о его судьбе. Во время Полоцкого взятия 1563 г. этот литвин в юном возрасте вместе с сестрой был привезен в Россию. Каким-то образом он в дальнейшем оказался в Иране, принял ислам, стал доверенным лицом шаха Аббаса, который отправил его в Россию со специальным посланием. В Касимове

Хаджи Хосров нашел свою сестру, которую не видел уже много лет. По указу царя Федора Ивановича эту «женку-полонянку» вернули брату¹⁵. Город Касимов в 1580-е – 1590-е гг. был одним из центров, где находились польско-литовские и шведские пленники. Касимовские татары во время Ливонской войны, а также русско-шведской войны принимали активное участие в боях на Западе, захватывая значительный полон и отправляя его к себе на родину. Известно, что царь Федор Иванович разрешал иранским купцам покупать именно в Касимове пленных «немцев», которых затем везли в Иран. Возможно, что эта встреча Хаджи Хосрова со своей сестрой в Касимове не была случайной.

Воеводе Саратова Ивану Григорьевичу Волынскому хлопот с гостями в 1594 г. было предостаточно. Летом 1594 г. посольский караван Хаджи Хосрова и Ходжи Искандера по пути из Казани в Астрахань сделал остановку в Саратове. Но главным действующим лицом в этом караване были не персидские послы...

В мае 1594 г. в Москве было принято решение об отправке в Иран к шаху Аббасу русского посольства князя Андрея Дмитриевича Звенигородского. Глава посольства был видным представителем военно-бюрократического аппарата Московского государства. Основной задачей посольства было добиться сохранения дружеских отношений с шахом. По мнению П. П. Бушева, эта миссия носила разведывательный характер; русский посол должен был прозондировать почву о возможности союза с Ираном против Турции¹⁶. Это посольство выехало из Москвы 30 мая, в его составе было 64 человека, кроме того посольство до Астрахани сопровождали 100 стрельцов. Русское посольство в Казани присоединило к своему каравану персидских послов Хаджи Хосрова и Ходжи Искандера, и далее по Волге оба посольства двигались вместе. Так что караван судов был довольно большой. В июле 1594 г. караван проплывал мимо Саратова, где сделал кратковременную остановку, а в августе из Астрахани русские и персидские послы отплыли в Иран. Правда, в Каспийском море корабли быстро потеряли друг друга из виду. 22 сентября корабль русских послов благополучно прибыл в Гилян. В октябре туда же приплыли персидские послы.

Воеводе Саратова Ивану Волынскому пришлось поздней осенью 1594 г. встречать и провожать в Москву грузинских послов Арама и Хуршита, прибывших в Россию вместе с «государевым послом с Иваном Всеволодоцким, что был у грузинского царя» а также шахского посланника Анди бека и шахского купчину Али Хосрова. Известие об их прибытии в Астрахань и отправке по Волге в Москву в столице получили лишь 8 декабря. Если учесть, что письмо было доставлено «в станице через поле», а астраханские воеводы одновременно с отправкой данного письма отпустили послов к Москве, то можно рассчитать,

что послы отплыли из Астрахани лишь в начале октября. Продукты послам выданы были в Астрахани из расчета быстрого прибытия в Казань всего на три недели¹⁷. Такой график движения вверх по Воле редко удавалось выдерживать.

Анди бека, посланника шаха Аббаса, хорошо знали в Саратове; ведь он раньше неоднократно останавливался в этом городе. Осенью 1594 г. Анди бек прибыл в Россию уже в третий раз (он приехал в Москву 27 января 1595 г.). При встрече в Москве с дьяком Василием Щелкаловым Анди бек передал слова шаха, что шамхал Тарковский является подданным шаха Аббаса. Одновременно этот посланник передал пожелание шаха Аббаса о развитии торговли между двумя странами. Во время одной из последних аудиенций в Москве, в августе 1595 г., Анди бек предложил свои услуги по умиротворению тарковского шамхала. Правитель Борис Годунов заинтересовался этим предложением и предпринял экстренные меры по скорейшей отправке Анди бека в Астрахань, чтобы тот сумел приплыть в Астрахань до окончания срока навигации 1595 г. Воеводам поволжских городов, в том числе Саратова, были отправлены соответствующие инструкции. Именно в связи со скорейшим отъездом Анди бека связана первая из сохранившихся инструкций царя Федора Ивановича воеводе Саратова Ивану Григорьевичу Волынскому. Она была опубликована еще в 1890 г., но и через 120 лет так и осталась абсолютно неизвестной саратовским краеведам. Поэтому стоит привести текст этого документа, составленного 22 сентября 1595 г. полностью.

«От царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси на Саратов воеводе нашему Ивану Григорьевичу Волынскому.

Отпустили есмь с Москвы кизылбаишского гонца Анди бека да кизылбаишского купца Али Хосрова, а с ними людей двадцать три человека, а полону неметцкого с Москвы отпущено шесть человек, да в дороге полону неметцкого велено им купити десять душ, а в приставех с ними с Москвы отпущен до Асторохани провожати Юрьи Стромиллов да толмач Семейка Судокков.

И как Юрьи Стромиллов с кизылбаишским гонцом и купцом на Саратов приедет, и ты б их из Саратова тотчас отпустил в судех, а в прибавку провожатых послал.

А будет придут на Саратов и замерзнут на Саратове, и ты б кизылбаишскому гонцу Анди беку и купцу с людьми дал им по двору по доброму и корм кизылбаишскому гонцу Анди беку с людьми велел давати по росписи, какова роспись дана Юрью Стромиллову.

А как на Саратов Юрьи с кизылбаишским гонцом и с купцом приедет и как их отпустите из Саратова или в Саратове замерзнут, и вы б о том тотчас к нам наскоро отписали в посольской приказ к дияку нашему к Василью Щелкалову.

Писан на Москве лета 7104-го сентября в 22 день. Внизу: с Юрьем Стромилловым»¹⁸.

Думается, что после прочтения данного документа, опубликованного в 1890 г., ни у кого не останется сомнений в том, что Иван Григорьевич Волынский был назначен воеводой в Саратов задолго до 22 сентября 1595 г. Письмо В. И. Холмогорова членам СУАК, в котором говорится о «неизвестном ранее воеводе Саратова» 1597 г. Иване Григорьевиче Волынском, было опубликовано в «Трудах СУАК» на следующий год после публикации данного документа (в 1891 г.).

В ходе этой поездки Анди беку повезло с погодой, он сумел благополучно добраться до Астрахани. В дальнейшем ему предстоит полугодовая зимовка в Саратове зимой 1600/1601 г.

За 1595 г. сохранилось немало других сведений о гостях Саратова. Известно, что осенью того года в Саратове останавливалось возвратившееся из Ирана русское посольство князя А. Д. Звенигородского. Это посольство довольно быстро осуществило свою миссию. В августе 1595 г. посольство князя А. Д. Звенигородского вернулось из Ирана в Астрахань, в сентябре отплыло вверх по Волге к Царицыну, а в конце года (в декабре) уже по санному пути послы прибыли в Москву. Свою задачу посольство выполнило успешно. По расчетам караван из Астрахани с посольством князя А. Д. Звенигородского мог встретиться с Анди беком где-то в районе Самары–Саратова в конце октября.

Летом 1596 г. в Кахетию к грузинскому царю Александру было отправлено посольство К. П. Совина, который останавливался в Саратове по пути в Астрахань в конце лета – начале осени 1596 г. Примерно в это же время в Саратове побывал персидский посол Пакизе Имам Кули-бек, который в конце года приехал в Москву (по мнению П. П. Бушева – в ноябре–декабре 1596 г.) и уже в феврале 1597 г. он был отправлен в Казань¹⁹. В этом посольстве Имам Кули-бека числилось 20 «дворян» и 17 человек обслуживающего персонала. По мнению А. А. Зимины, это посольство «преследовало чисто коммерческие цели». В ответ на иранское посольство Пакизе Имам Кули-бека русское правительство направило весной 1597 г. в Иран князя В. В. Тюфякина и дьяка С. Емельянова для заключения договора о союзе. А. А. Зимин писал: «На пути к шахскому двору оба посла умерли». Фактически, здесь речь идет о гибели обоих русских послов, а не русского и иранского послов, как можно понять из текста труда А. А. Зимины. Пакизе Имам Кули-бек благополучно вернулся на родину. Авторы «Славянской энциклопедии», ссылаясь на А. А. Зимины, так и написали, что «персидский посол и Тюфякин ехали в Персию в одном караване, и на пути к шахскому двору оба скончались»²⁰.

Вполне возможно, что последними гостями Саратова во время пребывания в городе Ивана Волынского были члены этого русского посольства к шаху Аббасу князя В. В. Тюфякина и дьяка Семейки Емельянова. Этот посольский караван

отплыл из Казани **26 июня 1597 г.** в сопровождении крупного отряда стрельцов для охраны (250 стрельцов с тремя сотниками во главе со стрелецким головой Третьяком Кашкаровым). Персидское посольство Имам Кули-бека также следовало вместе с посольством князя В. В. Тюфякина. Уже **14 июля** оба посольства благополучно прибыли в Астрахань, поэтому можно довольно точно рассчитать, когда караван останавливался в Саратове (это период **3–6 июля**).

Можно предположить, что воевода был обязан в соответствии с царской инструкцией после прибытия каравана в Саратов зайти на корабль и ознакомиться с тем, что везут с собой персидские послы: нет ли на борту лишних людей или запрещенных товаров. Сохранилась Память послам князю В. В. Тюфякину и дьяку С. Емельянову, из которой мы можем представить, что же увидел воевода И. Г. Волынский на кораблях персидских послов. Это был настоящий зверинец, одно только перечисление живых животных и птиц впечатляет: соболи, куницы, черные лисицы, собаки «медюланские», белый ястреб, «а к ястребу клобучек, шит золотом и серебром, да обнажцы и силцо серебряны»²¹. Если эти птицы и животные, как и «медведь черной гонец», были хорошо известны жителям поволжских городов, то «медведь белой» должен был вызвать особый интерес у воеводы Саратова. Северный белый медведь сумел перенести тяжелую дорогу и жаркий климат. Но беда настала его там, где ее не ждали. Как видно из другого документа, в Астрахани в ходе ссоры между шахскими людьми и кабардинскими князьями Куденек мурзой Канбулатовым и Сунчалеем Енгальчевым «убили черкасы кизылбашского человека Шахназара, да у него же застрелили твое государево жалование – медведь белой»²². Скорее всего, речь здесь идет об одном и том же белом медведе, который упоминался в цитированном выше документе.

Караван двигался с небывалой скоростью, задержек по пути не было. Весь путь из Казани до Астрахани был проделан в рекордный срок – за 19 дней. Трагическая судьба большинства участников этого русского посольства в Иране многим хорошо известна. Из 75 человек погибло от морозного поветрия 45, в том числе все руководители посольства, а домой вернулось только 30 человек. Об этом написаны даже художественные произведения²³. Следует отметить, что роду Тюфякиных не везло с персидскими делами. Через 30 лет сын князя В. В. Тюфякина Григорий Васильевич возглавит очередное посольство в Персию и по возвращении домой будет строго наказан – у него конфискуют все поместья.

После Саратова Иван Григорьевич Волынский весной 1599 г. был назначен воеводой в новый сибирский город Березов. В боярском списке 1598–1599 гг. Иван Григорьевич указан среди дворян московских с краткой пометой «в Сибирь»²⁴. Помощником у него была голова Иван

Петрович Биркин. В книгах разрядных записано, что 14 апреля 1599 г. были на отпуске у царя Бориса Годунова новые сибирские воеводы «у руки». При этом перечисляются воеводы в Тобольск, Тюмень, Березов, Сургут, Тару, Пелым и Верхотурье (Уфы в данном перечне городов нет). Далее приводятся интересные подробности маршрута этих воевод. Они должны были все вместе прибыть в Казань «в Преплавленияев день», а затем плыть «Волгой в судах в Каму, да Камою вверх до Камской Соли з государевыми сибирскими запасы вместе, а от Камской Соли идти им сухим путем до Верхотурского города»²⁵.

От Верхотурья каждый воевода двигался уже самостоятельно к месту своего назначения. Судя по всему, Иван Волынский добрался до Верхотурья в конце лета, а в Березов попал лишь осенью 1599 г. Здесь он оставался и в 1600/1601 г.²⁶

Дальнейшее упоминание об Иване Волынском относится к 1604 г., когда он оборонял от набегов крымских татар Молиновые ворота тульской Заупской засеки вместе с тулянами Крестьянином Даниловым и Ефимом Есиповым²⁷.

В росписи русского войска, посланного осенью 1604 г. против самозванца Григория Отрепьева, отмечено, что братья Волыньские выставили 12 конных воинов: «Ивана, да Михаила, да Меньшово Григорьевых детей Волынского: Ивана 6 чел. конных, а Михаила 2 чел. конных, а Меньшово 4 чел. конных»²⁸.

Последнее упоминание об Иване Григорьевиче Волынском относится к весне 1607 г. Во время смотра войск, направленных для подавления восстания Ивана Болотникова, он был отставлен от службы (по-видимому, за старостью и болезнью). В Боярском списке так и записано: «115 марта (т. е. в марте 1607 г. – Я. Р.) отставлен»²⁹. По-видимому, вскоре он умер.

Сведений о Михаиле Григорьевиче Волынском, в отличие от его старшего (Ивана) и младшего (Меньшого) братьев, сохранилось значительно меньше. В боярском списке 1588–1589 гг. читаем: «Иван – болен – отослан – да Михайло – в Новгород оба – да Меньшой в Шацкой – Григорьевы дети Волынского». Судя по данной записи, Михаил участвовал в царском походе к Нарве в начале русско-шведской войны, как и первый воевода Саратова князь Г. О. Засекин³⁰.

О воеводе Михаиле Григорьевиче Волынском саратовские краеведы ничего не писали. В «Книгах разрядных», опубликованных в 1966 г., т. е. почти полвека назад, под 1596/97 г. записано, что «на Саратове острове воевода Иван Григорьев сын Волынской», а под 1597/98 г. запись стоит уже другая: «На Саратове воевода Михайло Григорьев сын Волынской» (слово «остров» здесь не указано)³¹.

Членам Саратовской Ученой архивной комиссии и некоторым внимательным читателям «Трудов СУАК» имя этого воеводы должно было стать известным еще в 1915–1916 гг., после того,

как весной 1915 г. А. Я. Садовский прислал из Нижнего Новгорода в Саратов по просьбе Комиссии выписки из хранящейся у него старинной рукописной книги. Эти выписки были напечатаны в 1916 г. в «Трудах СУАК», однако имя воеводы Михаила Григорьевича Волынского саратовские краеведы, включая А. А. Гераклитова, в своих трудах никогда не упоминали. Нет его и в хронологическом перечне саратовских начальных людей, составленном известным краеведом В. Н. Семеновым, опубликованном в его книге о начальных людях Саратова и размещенном на сайте правительства области³².

В рукописи А. Я. Садовского записано: «Того ж 108-го (1599/1600 г. – Я. Р.) Бояре были воеводы в понизовых городех... На саратове воевода Михайло Григорьев Волынской» (в выписке соблюдена орфография подлинника)³³.

Впервые сведения о воеводе Саратова Михаиле Григорьевиче Волынском привели в 2004 г. авторы «Славянской энциклопедии»³⁴. М. Г. Волынский находился в Саратове около трех лет. Лишь в сентябре 1600 г. его сменил новый воевода Григорий Федорович Елизаров³⁵.

Михаилу Григорьевичу Волынскому в конце 1598 г. пришлось выполнить тяжелую миссию, связанную с возвращением из Персии оставшихся в живых членов посольства князя В. В. Тюфякина. Благодаря мужеству, мудрости и высокому чувству ответственности всех оставшихся в живых членов посольства, в том числе черного попа Никифора, трех кречетников и 23 стрельцов, в руки иранских властей не попали основные дипломатические документы посольства (в том числе Наказ), и была сохранена государственная тайна. Кроме того, стрельцы во главе с пятидесятником Иваном Устюженином выдержали в июне 1598 г. на Каспийском море неравный морской бой с турецкими кораблями, выйдя победителями из безвыходной ситуации (первый в истории морской бой русских и турецких кораблей на Каспии). Лишь к 15 августа посольство прибыло к Астрахани, проблуждав по Каспийскому морю около 70 дней. Здесь после тщательного допроса астраханским воеводой П. Н. Шереметевым и некоторого отдыха черный священник Никифор, кречетники Петр Марков, Иван Петров, Василий Чернцов, оружейный мастер Иван Васильев и двое слуг умерших руководителей посольства 23 сентября были отправлены в Москву (протоколы допроса и сохраненные государственные документы воевода отправил с гонцом заранее). Герои-стрельцы были оставлены в Астрахани по месту своего жительства.

На этом злосключения членов посольства не закончились. В октябре 1598 г. ударили сильные морозы. В документе кратко сказано: «И по грехом по нашим струг замерз на Даниловском острове, не доехав до Саратова города 120 верст»³⁶. Можно представить себе, какие трудности пришлось испытать этим людям холодной осенью,

когда на расстоянии 120 верст вокруг не было ни одного населенного пункта, не было лошадей, а запасы продовольствия подходили к концу. Но герои не пали духом. В источниках сказано, что в Москву «генваря в 13 день приехали из Кизылбаши астраханской черной поп Микифор, что посылан из Астарахани в Кизылбаши з диаком с Семейкою Омельяновым да три кречатника»³⁷. По-видимому, в конце октября смертельно уставшие члены посольства все же смогли добраться до Саратова. Воевода М. Г. Волынский выделил им необходимые припасы, сопровождение, дал лошадей и отправил в конце ноября по зимнему санному пути в Москву. Скорее всего, маршрут членов посольства проходил через пустынные земли мордвы и Темников, а не вдоль Волги через Самару и Казань. 13 января 1599 г. члены посольства князя В. В. Тюфякина прибыли в Москву.

В «Разрядных книгах» сообщается о дальнейшей службе Михаила Григорьевича Волынского накануне Смутного времени. Летом 1604 г. он был направлен для обороны Щегловской засеки и на Черленую гору в связи с угрозой нападения татар хана Казы-Гирея³⁸. Оборону соседней тульской Заупской засеки в это время осуществлял его брат Иван. Дальнейших сведений о нем пока не обнаружено.

О потомках наших героев сказать практически нечего. У Михаила Григорьевича сыновей не было, а Иван Григорьевич имел двух сыновей (Василия и Ивана). На сыне Ивана Ивановиче Никите эта ветвь рода Волынских пресеклась. Зато потомки Ивана Меньшого Григорьевича Волынского, которого многие по ошибке считали воеводой Саратова, оставили заметный след в отечественной истории. Среди них известны сыновья Ивана Меньшого Степан (дипломат), Семен (воевода Уфы) и Павел Ивановичи, внук Василий Семенович, но особенно – праправнук Ивана Меньшого Артемий Петрович Волынский.

Примечания

- 1 Русская родословная книга (Издание «Русской старины»). СПб., 1873. С. 141–147.
- 2 Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV– первой трети XVI в. М., 1988. С. 252.
- 3 Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 119, 121.
- 4 Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия : в 2 т. Т. 1 : А–М / авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2002. С. 219.
- 5 Разрядная книга 1475–1605. Т. 3, ч. 3 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; под ред. В. И. Буганова. М., 1989. С. 80.
- 6 Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 486 (запись 1594 г.); С. 494 (запись 1595 г.); С. 504 (запись 1596 г.).
- 7 Холмогоров В. И. Из письма В. И. Холмогорова // Труды СУАК. Т. 3, вып. 2. Саратов, 1891. С. XXVI–XXVII.

- ⁸ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 23.
- ⁹ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 147–148.
- ¹⁰ Там же. С. 198, 208.
- ¹¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 206; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 349.
- ¹² Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 348, 378, 390.
- ¹³ Там же. С. 452.
- ¹⁴ Разрядная книга 1475–1605. Т. 3, ч. 3. С. 197.
- ¹⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (далее – Памятники...): Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова. Т. 1 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества (далее – Труды...). СПб., 1890. Т. 20. С. 215–220.
- ¹⁶ Памятники...: Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского. Т. 1 // Труды... Т. 20. С. 231–334; Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 244.
- ¹⁷ Памятники... Т. 1. С. 287.
- ¹⁸ Там же. С. 314.
- ¹⁹ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. С. 268.
- ²⁰ Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 192; Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 2. Н–Я / авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2002. С. 543.
- ²¹ Памятники...: Посольство князя Василия Васильевича Тюфякина. Т. 1 // Труды... СПб., 1890. Т. 20. С. 395.
- ²² Памятники...: Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина. Т. 2 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды... СПб., 1892. Т. 21. С. 3.
- ²³ Нагибин Ю. М., Рыкачев Я. С. Великое посольство. М., 1959; Рыкачев Я. С. Великое посольство. Исторические повести (Прерванное путешествие. Надежда Дурова). М., 1960.
- ²⁴ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 253.
- ²⁵ Разрядная книга 1475–1605. Т. 4, ч. 1. М., 1994. С. 65.
- ²⁶ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 223; Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 118.
- ²⁷ Разрядная книга 1598–1604 гг. С. 164.
- ²⁸ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 398.
- ²⁹ Там же. С. 299.
- ³⁰ Там же. С. 218.
- ³¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 513 (запись 1597/98 г.); Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 86 (запись 1598/99 г.); С. 98 (запись 1599/1600 г.).
- ³² Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 346.
- ³³ Садовский А. Я. Выписки из старинной рукописной книги «кто где служит» // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916. С. 3.
- ³⁴ Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т. 1: А–М / авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2004. С. 280.
- ³⁵ Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 116. Григорий Федорович Елизаров приехал в Саратов в самом начале 7109 г. (1600/1601 г.), т. е. в сентябре 1600 г.
- ³⁶ Памятники...: Посольство князя Василия Васильевича Тюфякина. Т. 1 // Труды... СПб., 1890. Т. 20. С. 334–453.
- ³⁷ Памятники...: Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина. Т. 2 // Труды... СПб., 1892. Т. 21. С. 25.
- ³⁸ Разрядная книга 1598–1604 гг. С. 164.

УДК 94(47).072.5:303.446.4+929

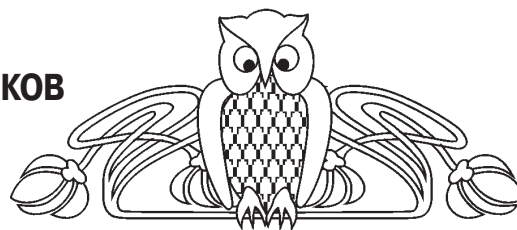
1812 ГОД В ТРУДАХ САРАТОВСКИХ ИСТОРИКОВ

С. А. Мезин

Саратовский государственный университет
E-mail: mezinsa@mail.ru

Статья содержит историографический обзор работ саратовских исследователей о войне 1812 года. Главным образом речь идет о книгах, вышедших в 1912–2012 годах. Проанализировав труды Н. Ф. Хованского, В. В. Пугачева, Н. А. Троицкого, В. П. Тотфалушина, В. С. Парсамова, Ю. Л. Епанчина, И. Н. Плешакова и др., автор пришел к выводу, что саратовских историков войны 1812 года отличают общие черты: внимательное отношение к источникам, широта проблематики, стремление к демифологизации военной истории, отказ от псевдопатриотических стереотипов.

Ключевые слова: война 1812 года, историография, саратовские историки, В. В. Пугачев, Н. А. Троицкий, В. П. Тотфалушин.

1812 in the Works of the Saratov Historians

S. A. Mezin

The article includes a historiographic review of works of the Saratov researchers about the war of 1812. Mainly it says about the books published in 1912–2012. Analysing the works by N. F. Hovansky, V. V. Pugachev, N. A. Troitsky, V. P. Totfalushin, V. S. Parsamov, Yu. L. Yepanchin, I. N. Pleshakov etc. the author has come to the conclusion that the works of the Saratov historians of 1812 war have common features: attentive attitude to the sources, wide range of

issues regarded, tendency to demythologization of the war history, denial of pseudopatriotic stereotypes.

Key words: war of 1812, historiography, Saratov historians, V. V. Pugachev, N. A. Troitsky, V. P. Totfalushin.

Взяв на себя обязательство представить обзор работ саратовских историков, посвященных войне 1812 года, я не претендую ни на исчерпывающую полноту охвата материала, ни на категоричность в оценках. Трудов на означенную тему оказалось довольно много, а моё проникновение в проблематику оставляет желать лучшего. Поэтому приходится заявить вслед Гомеру: «Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить, если бы десять имел языков я и десять гортаней... Только вождей корабельных и все корабли я исчислю». Речь пойдет главным образом об авторах работ монографического типа.

Ранее всего саратовские историки обратились к изучению эпохи 1812 года в региональном аспекте. После нескольких разрозненных публикаций местных любителей старины в 1912 году появился сборник «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года», подготовленный Н. Ф. Хованским в сотрудничестве с коллегами по Саратовской ученой архивной комиссии. Эта книга сочетала в себе признаки публикации источников и исторического исследования. Большое место здесь заняли биографические справки о саратовцах-участниках войны 1812 года. В издании помещен список военнопленных французской армии, бывших в Саратове, и краткие биографии наиболее известных из них. Можно признать, что в книге Хованского уже были представлены главные проблемы большой темы: сбор в губернии пожертвований на военные нужды, набор рекрутов, попытка создания Саратовского ополчения, участие саратовского дворянства в Симбирском и Пензенском ополчениях, памятники войны 1812 года на территории Саратовской губернии и др. На многие вопросы авторы нашли верные ответы, подкрепленные архивными документами. Книга стала неисчерпаемым источником для газетных статей и популярных очерков, которые в изобилии появились за прошедшее с её выхода столетие.

Поэтому закономерным видится переиздание труда Н. Ф. Хованского, осуществленное в 2012 году. Оно сопровождается вступительной статьей В. П. Тотфалушина, отметившего с высоты современных научных достижений как сильные, так и слабые стороны изысканий саратовских историков начала XX века. Издатели пошли по пути репринтного воспроизведения книги. Может быть, более полезным было бы её научное переиздание, содержащее примечания и комментарии к тексту. Конечно, оно потребовало бы гораздо большего времени и сил. Однако примечания напрашиваются буквально с первой страницы, где русский посол в Париже (1808–1812) князь Александр Борисович Куракин (владелец знаменитой

саратовской усадьбы Надеждино) перепутан со своим младшим родственником Борисом Алексеевичем Куракиным¹. При знакомстве с книгой часто возникает вопрос: сохранились ли те архивные документы, на которые глухо, без указания точного адреса ссылаются составители? Вводная статья, к сожалению, не дает на него ответа.

Хотелось бы обратить внимание на особенность книги Н. Ф. Хованского, отмеченную одним из тех историков, кто был причастен к подготовке издания, – А. А. Гераклитовым. Десять лет спустя в своей «Истории Саратовского края» он констатировал, что составители сборника стремились к исторической правде, даже если она противоречила официальным «патриотическим» установкам и имела горьковатый привкус. По словам Гераклитова, исследование Н. Ф. Хованского показывает, что «участие саратовского дворянства в войне 1812 года было подневольным, что собиранье рекрут и денег велось принудительным путем, при постоянном стремлении отделаться от этой насильственно навязанной повинности, ...что готовность к жертвам и патриотическое одушевление существовали только в той официальной бумаге, которая пошла в Питер»². Таким образом, уже первые саратовские историки темы стали разоблачителями «патриотических» легенд. В то же время материалы книги Хованского способствовали бытованию некоторых легенд (в частности, о ветеранах-долгожителях Савене и Котлове).

Как известно, изучение Отечественной войны 1812 года после долгого перерыва возобновилось в СССР лишь в конце 1930-х годов. Саратовские историки далеко не сразу подключились к разработке этой тематики. Можно сказать, что их научная активность стала ярко проявляться лишь в 1980-е годы. В книге Л. А. Дербова «Историческая наука в Саратовском университете» мы найдем лишь две строчки о статьях В. В. Пугачева на интересующую нас тему³. Действительно, если не считать популярных статей и брошюр, вышедших в Саратове в годы Великой Отечественной войны и в связи с юбилеем 1962 года, то работы В. В. Пугачева можно признать единственным вкладом саратовских историков в изучение эпохи 1812 года в 1940–1960-е годы. Причем вкладом очень достойным.

Правда, этот яркий выпускник Саратовского университета работал и публиковал свои статьи не только в Саратове, но и в Перми и Горьком. Важнее другое: Пугачев продолжил едва намеченную саратовскими дореволюционными историками линию «неофициального» изучения истории войны 1812 года, лишеного всякого псевдопатриотического угара.

Кажется, основные свои исследования, касающиеся подготовки России к войне с Наполеоном и стратегическим планам войны, Владимир Владимирович осуществил уже в 1940-е годы. Его кандидатская диссертация «Подготовка России к

Отечественной войне 1812 года» была защищена в Ленинградском университете в 1948 году, но он возвращался к этой теме и в 1960-е годы, и позже.

Напомню, что Пугачеву пришлось защищаться в то время, когда уже появилось в печати известное письмо И. В. Сталина полковнику Е. А. Разину, а молодой исследователь выбрал в качестве объектов исследования Баркляя (который, по словам Сталина, был «двумя головами» ниже Кутузова) и Фуля (остаётся порадоваться, что борьба с «космополитизмом» ещё не началась). Пугачев пришел к «несвоевременному» выводу о решающей роли именно плана Баркляя (его суть – уклонение от генерального сражения, затягивание войны), согласно которому и действовали русские армии на первом этапе военных действий 1812 года⁴.

Постепенно интерес исследователя перемещался в сторону проблем отраженной действительности, в смежную область литературоведения. Его привлекали вопросы соотношения исторической правды и литературного вымысла в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, пушкинское понимание войны 1812 года и роли в ней М. Б. Баркляя де Толли⁵.

К теме 1812 года В. В. Пугачев вернулся в своей последней статье «Ю. М. Лотман о пушкинском понимании Баркляя и Кутузова». Как это бывало в работах Владимира Владимировича, упомянутый в заголовке Ю. М. Лотман почти не имеет отношения к содержанию работы, как всегда, отличающейся оригинальностью мысли. Речь идет о «скифском плане» Баркляя, о «двух войнах» 1812 года – до Смоленска (война армий) и после Смоленска (война народа). Пугачев выступает против противопоставления Баркляя и Кутузова, виновником которого называет Сталина. Генсек возвысил Кутузова за счет Баркляя; потом историки стали возвышать Баркляя за счет Кутузова. Это неправильно, считает Пугачев: Кутузов велик как сама Россия, он «наиболее прозорливый» противник Наполеона. Историк приходит к выводу (его спорность, наверное, чувствовал и сам автор, делая его в примечании) о том, что, говоря о «Русском Боге» в стихотворении «Полководец», Пушкин имел в виду Кутузова⁶.

К истории Саратовского края в период «грозы двенадцатого года» обращался и известный историк освободительного движения И. В. Порох. В соавторстве с М. А. Минкиным и К. В. Шиловым он опубликовал брошюру, посвященную местной истории первой трети XIX века⁷. Её текст затем почти полностью перешел в пятую главу первого тома «Очерков истории Саратовского Поволжья» (Саратов, 1993). К сожалению, этот опус нельзя отнести к числу удач уважаемых авторов. Они повторили многие краеведческие легенды, привели неточные цифры, касающиеся как количества местных ратников, так и соотношения сил в войне, допустили ошибки в биографиях участников войны.

Несомненно, выдающийся вклад в изучение войны 1812 года внёс саратовский историк Н. А. Троицкий. Интерес к наполеоновской эпохе у него зародился еще в студенческие годы, но реализовать его он смог лишь на излете советской эпохи, в 1980-е годы. Попытки, предпринятые саратовским ученым в 1963 и 1975 годах, были пресечены тогдашним историческим начальством. Все перипетии своих боёв за историю 1812 года (до 2005 года) Троицкий изложил в своих воспоминаниях⁸.

Специалисты хорошо знают, что книга Н. А. Троицкого «1812. Великий год России» (М., 1988) сыграла роль ледокола, разрушившего льды сталинской военно-исторической науки, и вызвала положительные отклики в печати⁹. Коллегам известно, что отрицательная рецензия, написанная (в соавторстве) специалистом по русско-польским отношениям XVII века И. В. Галактионовым, имела далеко не научную подоплёку.

В своей новаторской работе обобщающего характера Н. А. Троицкий подчеркнул (хочется сказать, *не побоялся* подчеркнуть) необычайную активность и агрессивность внешней политики не только Наполеона, но и России накануне 1812 года. Автор убедительно опроверг распространенную версию о том, что Наполеон имел целью захватить и «поработить» всю Россию; он точнее, чем его предшественники в отечественной историографии, подсчитал соотношение сил сторон. Историк смело выступил против укоренившейся привычки военных историков считать все цифры «в нашу пользу». Оценка Бородинского сражения, пожар Москвы, оценка действий полководцев – эти и многие другие частные вопросы получили оригинальное и обоснованное авторское освещение. Едва ли не главная заслуга автора видится в том, что он снял с изучения 1812 года псевдопатриотический глянец, снял табу с рассмотрения многих вопросов, опроверг большие и малые мифы и штампы. Книга Н. А. Троицкого была рубежной в отечественной историографии: после неё освещать войну 1812 года по-старому стало невозможно.

Однако наука не стоит на месте. Время неизбежно меняет угол зрения на исторические события. Сегодня некоторые сентенции автора, вроде того, что «в этой национальной, освободительной, справедливой войне «верхи» и «низы» России защищали от врага не одно и то же отечество», тоже можно расценить как штампы. Авторское противопоставление агрессивного и бездарного «царизма» героическому и талантливому народу видится чрезмерным. Как говорят французы, «каков котёл, такова и крышка», – каждый народ имеет такое правительство, которое он заслуживает.

Очень уважительное по отношению к автору историографическое предисловие И. А. Шеина к исправленному и дополненному переизданию книги Н. А. Троицкого 2007 года свидетельствует

о том, что с маститым автором можно спорить по целому ряду вопросов.

Всего перу Н. А. Троицкого принадлежат 4 монографии и полсотни статей по проблемам войны 1812 года. Одной из самых ярких представляется книга «Александр I и Наполеон», в которой автор, несмотря на свою вражду к «царизму», признал (хотя и с оговорками) позицию Александра I в войне 1812 года «подвигом» и писал о его решающей роли в продолжении войны с Наполеоном в 1813 году¹⁰.

Работы Н. А. Троицкого вызывают полемику у специалистов, да и сам он заядлый спорщик. Сегодня наблюдается новая волна политизации истории, её огосударствления, создания зон и героев, свободных от критики. В этой связи не может не подвергаться нападкам, например, созданная Троицким биография М. И. Кутузова (сам автор назвал её «бомбой для квасных патриотов»), в которой великий полководец предстает живым человеком со своими достоинствами и недостатками¹¹. К сожалению, это именно нападки, а не строгая научная критика. Так, Л. Л. Ивченко с легкостью объявляет Н. А. Троицкого «историком-любителем». «Но почему столько (сколько? – С. М.) веры на слово автору монографии о Кутузове профессору Троицкому, который большую часть жизни изучал и изучает проблемы народников?»¹² – эмоционально вопрошает она. Странно! Назвать действующего, более полувека неустанно работающего со студентами и аспирантами профессора истории, автора 37 монографий и без малого полтысячи статей «любителем» – заведомая ложь. Или народники – это не история? Или автору невдомек, что *настоящий* историк может осилить не одну, а несколько научных тем? К тому же Ивченко косвенно признает, что книга Троицкого основана на документах, исходивших от самого полководца, и свидетельствах современников. Оказывается, профессору нельзя верить потому, что отсутствует главный источник – рассказ о себе самого Кутузова «с учетом мнений своих оппонентов». Но если источника нет и умом Кутузова не понять, стоит ли верить наитию самой Ивченко?

Совершенно очевидно, что не одними научными соображениями питается критика саратовского историка А. И. Попова. В своё время он опубликовал исключительно положительную рецензию на книгу Н. А. Троицкого «1812. Великий год России»¹³. Однако на второе издание книги последовала отрицательная, если не сказать злая рецензия того же автора. Гордо гнёт свою линию «прозревший» саратовский историк: дескать, и академик Е. В. Тарле писал «на лубочном уровне», а Троицкий и вовсе подчас «переписывал чужие выводы». Нескрываемое раздражение Попова вызывают «марксизм» Троицкого, отсутствие в его работе ссылок на труды Попова и «попытки» Троицкого «сохранить имидж самого крупного знатока истории войны 1812 года»¹⁴. Однако Троицкий нигде себя таковым («самым крупным»)

не провозглашал. Вот уж поистине, как писал Н. А. Некрасов, «Блажен незлобивый поэт, в ком мало желчи...»

Труды Н. А. Троицкого о «грозе двенадцатого года», написанные живо и интересно, всегда были востребованы читателями, они выходили и выходят большими для своего времени тиражами, не залеживаются в продаже. Учитывая, что в активе автора три издания вузовского курса лекций и школьный учебник, можно признать, что его работы влияют на историческое сознание общества. Наконец, взгляды ученого находят продолжение в учениках.

Старший из учеников Николая Алексеевича – В. П. Тотфалушин – давно стал самостоятельным маститым исследователем с солидным списком научных трудов и собственными учениками¹⁵. Если Троицкий ставил задачу «уточнить истинный масштаб личности Кутузова», то Тотфалушин решал такую же задачу в отношении М. Б. Барклай де Толли. Профессиональным сообществом давно признано, что он написал содержательную и честную книгу, способствующую реабилитации знаменитого полководца, обиженного современниками и приниженного военными историками сталинского призыва¹⁶.

В силу ряда причин (в том числе и трудности работы в центральных архивах для периферийных историков в 1990-е годы) Виктор Петрович перешел к изучению войны 1812 года в региональном измерении. На этом пути он достиг впечатляющих результатов: в завершение серии содержательных статей и докладов он выпустил к нынешнему юбилею сразу две книги. Во-первых, это монография «Саратовский край и Наполеоновские войны» (Саратов, 2011). Её содержание убеждает в том, как далеко вперед шагнула историческая наука по сравнению с первыми опытами краеведческого изучения темы. С присущей ему скрупулезностью Тотфалушин излагает историографию темы (включая газетные статьи), всесторонне характеризует положение губернии накануне войны, показывает, как её затронули военные приготовления (рекрутские наборы, мобилизация гарнизонных частей и нерегулярных войск, сбор денег и т. д.). Автор выясняет численность рекрутов и суммы сбора денег, показывает степень участия саратовцев в ополчениях. Он приходит к выводу, что тяжесть войны легла в основном на плечи податных сословий; местное дворянство далеко не всегда было одушевлено порывами патриотизма. Нельзя не заметить, что очень обстоятельные заключения Тотфалушина коррелируют как с предварительными наблюдениями Хованского, так и с общими выводами Троицкого. Вопросы участия саратовцев в военных действиях против Наполеона остались за рамками работы В. П. Тотфалушина.

Одновременно В. П. Тотфалушин развенчивает пару–тройку местных легенд, относящихся к истории Наполеоновских войн (они касаются и «патриотических» порывов местного населения,

и деятельности пленных французов в саратовской глубинке). В частности, историку удалось выяснить реальные факты биографии самого известного саратовского француза, в полном смысле легендарного Ж.-Б. Савена¹⁷.

Описывая положение Саратовского края в начале XIX века, В. П. Тотфалушин как никто другой широко и успешно использовал воспоминания пленников Великой армии. Эти воспоминания легли в основу еще одной его книги «Волжские пленники: Саратовский край глазами ветеранов Великой армии» (Саратов, 2011)¹⁸. Вместе с авторским исследованием источниковедческого характера в книгу вошли хорошо прокомментированные отрывки из воспоминаний пленных французов, немцев, поляка, голландца 1812–1814 годов. Думается, что в оглавлении книги следовало бы четко указать имена коллег-переводчиков (А. Н. Галямичева, Е. В. Ермасова, А. В. Гладышева и др.)

Еще один саратовский автор, изучавший эпоху 1812 года, – В. С. Парсамов. Ученик Пугачева, Лотмана и Троицкого, он опубликовал полтора десятка статей, в которых обращался главным образом к расшифровке идеологических концептов эпохи¹⁹. Его привлекают культурные рефлексии и политический дискурс 1812 года, главным образом в связи с идеологемой «народная война». Эту проблему он исследует в ее различных модификациях: правительственной²⁰, консервативно-охранительной²¹, либеральной²², религиозной²³, иностранной²⁴. Продолжением этой темы стала проблема трансформации идеологии народной войны в идеологию Священного союза²⁵.

Заметный вклад в «персональную» историю 1812 года внёс Ю. Л. Епанчин своими работами, посвященными талантливому полководцу Н. Н. Раевскому – герою сражений под Салтановкой и Смоленском, Бородинского сражения, боев под Малоярославцем и под Красным, активному участнику заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. Выполненная под руководством Н. А. Троицкого кандидатская диссертация Епанчина «Николай Николаевич Раевский (1771–1829). Жизнь, деятельность, личность» претендует на взвешенную, объективную оценку вклада военачальника в исход войны 1812 года. Примечательно, что автору, проникнутому глубоким уважением к своему герою, пришлось опровергать патристический анекдот о том, что в бою под Салтановкой Раевский повел в огонь двух своих сыновей. Материалы диссертации нашли отражение в статьях, опубликованных в центральной печати, и в интересной монографии²⁶.

К юбилею Отечественной войны 1812 г. Ю. Г. Степанов, который и ранее популяризировал военную историю наполеоновского времени²⁷, выступил как автор роскошного подарочного альбома «Отечественная война. 1812» (М., 2011). История войн России с наполеоновской Францией описана здесь живо, персонифицировано и со знанием дела. Текст сопровождается оригиналь-

ными иллюстрациями, картами, отрывками из источников.

Энтузиастом военно-исторического изучения Саратовского края является И. Н. Плешаков. Молодой историк уже зарекомендовал себя успешными архивными поисками и активной публикаторской деятельностью. Его привлекает непарадная сторона военной истории, провинциальная армейская повседневность. В книге «Рать Саратовская» автор повествует, в частности, и о том, что в эпоху Наполеоновских войн гарнизона Саратова и Царицына не раз привлекались к выполнению важных государственных задач, служили источником для пополнения полевых частей и тем самым внесли свой вклад в победу²⁸.

Выпускница исторического факультета СГУ Г. В. Ясакова опубликовала книгу, посвященную истории саратовского собора Св. Александре Невского, который создавался как памятник войне 1812 года²⁹. Издание основано на богатом архивном материале, содержит обширное документальное приложение, что обеспечивает его научную ценность. Однако в работе отсутствует историографическая составляющая, а описание архитектурных качеств памятника оставляет желать большего.

Точечным было обращение к теме 1812 года А. С. Майоровой³⁰, С. А. Мезина³¹, Я. Н. Рабиновича³², Е. К. Максимова³³, В. М. Захарова³⁴, С. В. Лёвина³⁵, Н. М. Малова³⁶, Л. В. Маковцовой³⁷, Н. В. Самохваловой³⁸ и др.

Саратовские специалисты по всеобщей истории, начиная с проф. В. А. Бутенко³⁹, не раз затрагивали в своих работах различные аспекты истории наполеоновской эпохи (Д. М. Туган-Барановский, С. Е. Киясов, А. В. Гладышев, С. Е. Летчфорд, Д. М. Креленко, А. Н. Галямичев)⁴⁰.

Об активности саратовских историков свидетельствуют и более 100 статей, написанных для известных энциклопедий «Отечественная война 1812 года» (М., 2004), «Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы» (М., 2011, т. 1–2), «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов» (М., 2012, т. 1–3)⁴¹.

Какой же вывод можно сделать из обзора трудов саратовских историков о войне 1812 года?

В свое время академик М. В. Нечкина посчитала неуместным выражение Н. А. Троицкого «саратовская школа изучения Н. Г. Чернышевского»⁴². Сегодня понятие «научной школы» используются широко, подчас и всуе. Хотя рассмотренный материал позволяет говорить и о явном лидере с целой когортой учеников, и об общности тематики, и об определенном созвучии выводов, я воздержусь от провозглашения саратовской школы изучения войны 1812 года. Мне представляется, что для такой констатации недостаёт методологического единства авторов (марксизм «вольнотумца» Пугачева отличается от марксизма Троицкого с его стремлением следовать букве и

духу «величайших мыслителей», Парсамов предпочитает семиотические «игры», а иные авторы в своем стремлении к приращению научного знания вовсе сторонятся методологических проблем). Тем не менее, практически всех названных выше саратовских историков войны 1812 года отличают следующие черты: внимательное, «непотребительское» отношение к источникам; высокая историографическая культура; известная широта проблематики; стремление к демифологизации событий и отказ от псевдопатриотических и конъюнктурных стереотипов.

Между тем мифотворчество по-прежнему захлестывает военную историю. «Война – величайшая колыбель патриотических мифов»⁴³, – справедливо замечает английский историк Доминик Ливен. Так что саратовским правдолюбцам надолго хватит работы.

Примечание

- 1 Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / сост. Н. Ф. Хованский. Репринт. изд. Саратов, 2012. С. 3.
- 2 *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов ; М., 1923. С. 11.
- 3 См.: *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 51.
- 4 См.: *Пугачев В. В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962. С. 31–46.
- 5 Подробнее о работах В. В. Пугачева см.: *Динес В. А., Парсамов В. С., Гаркавенко О. В.* К 75-летию Владимира Владимировича Пугачева. Саратов, 1998. С. 4–29; *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в современной российской историографии // Бородино в истории и культуре : материалы Междунар. науч. конф., 7–10 сент. 2009 г. Можайск, 2010. С. 219–221.
- 6 *Пугачев В. В., Динес В. А.* Ю. М. Лотман о пушкинском понимании Барклая и Кутузова // Лотмановские чтения. К 75-летию Юрия Михайловича Лотмана. Саратов, 1998. С. 34.
- 7 *Минкин М. А., Порох И. В., Шилов К. В.* От «грозы 12-го года» до откликов на декабризм (Саратовское Поволжье в первой трети XIX века). Саратов, 1983.
- 8 См.: *Троицкий Н. А.* Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 47, 100–101, 161–164, 204–211, 221–222, 230–245.
- 9 Библиографию трудов Н. А. Троицкого и откликов на них см.: Николай Алексеевич Троицкий. Библиографический указатель. Саратов, 2002 ; Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею. Саратов, 2011. С. 21–27.
- 10 *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 213, 220. Второе издание книги вышло в 2007 году под названием «Александр I против Наполеона».
- 11 *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов : мифы и факты. М., 2002.
- 12 *Ивченко Л.* Не братья по славе? Историография 1812 года : нынешнее состояние // Родина. 2012. № 6. С. 11–12.
- 13 История СССР. 1990. № 2. С. 187–189.
- 14 См.: Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1300–1306.
- 15 См.: *Мезин С. А.* Виктору Петровичу Тотфалушину – 50 // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2004. № 12. С. 108–111. Там же список основных работ В. П. Тотфалушина до 2004 года.
- 16 *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1991.
- 17 *Тотфалушин В. П.* Жизнь и судьба Ж.-Б. Савена в свете новых фактов // Бородино и наполеоновские войны : Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 376–383; *Он же.* Новое о легендарном Савене // Тр. ГИМ. Вып. 142 : Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2004. С. 233–236.
- 18 Ранее В. П. Тотфалушиным было выпущено учебное пособие «Саратовская губерния глазами пленных великой армии» (Саратов, 2009).
- 19 К сожалению, В. С. Парсамов в 2010 году покинул Саратовский университет и ныне работает в Москве.
- 20 *Парсамов В. С.* Александр I в 1812 году : поиск роли // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 12–21.
- 21 *Парсамов В. С.* Ф. В. Ростопчин и идеологема Народная война // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков : сб. статей в честь Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 420–430.
- 22 *Парсамов В. С.* К генезису политического дискурса декабристов : идеологема «народная война» // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 159–195.
- 23 *Парсамов В. С.* Библейский нарратив войны 1812–1814 годов // История и повествование. М., 2006. С. 100–122.
- 24 *Парсамов В. С.* Ж. де Местр, Ж. де Сталь и Г. Ф. Фабер о характере войны 1812 года // *Revue des études slaves.* Т. 83 (4). Paris, 2012. P. 89–100.
- 25 *Парсамов В. С.* «Россия – Запад» в идеологии заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. (А. С. Шишков и С. С. Уваров) // Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–7 июня 2009 г.). Таллинн, 2011. С. 145–172 ; *Он же.* «Апокалипсис дипломатии» («Акт о Священном союзе» в интерпретации К.-В. Меттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзы) // Освободительное движение в России. Вып. 20. Саратов, 2003. С. 44–66.
- 26 *Епанчин Ю. Л.* Николай Николаевич Раевский (1771–1829) : Жизнь, деятельность, личность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1996; *Он же.* Дым боев, очаг домашний. Жизнь и судьба генерала Н. Н. Раевского. Смоленск, 2008.
- 27 *Степанов Ю. Г.* Закат Французской империи // Сражения, изменившие ход истории: XVI–XIX века. Саратов, 2005. С. 265–375.
- 28 *Плешаков И. Н.* Рать саратовская. Очерки военной истории Саратовского края. Саратов, 2009. С. 46–52 ; см. также: *Он же.* Воинские части и учреждения в рос-

- сийской провинции во второй половине XVIII– начале XIX века (по материалам Саратовского Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.
- ²⁹ Ясакова Г. В. Возвращение памяти... Саратов, 2008.
- ³⁰ Майорова А. С. Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 184–189 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным); Она же. Юбилейные торжества 1912 года в Саратове // Эпоха наполеоновских войн : люди, события, идеи. М., 2003 С. 79–89 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным); Она же. Воспоминания военнопленных как источник для изучения культурного пространства Саратовской губернии // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2012. С. 164–170.
- ³¹ Мезин С. А. «Завещание Петра Великого» : европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2010. № 5. С. 18–27; Он же. Наполеон и Петр I // Н. А. Троицкому – к юбилею. С. 61–67.
- ³² Рабинович Я. Н. Неизвестное сражение при Прейсиш-Эйлау 26 января 1807 г. // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 28–33; Он же. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии в современных названиях населенных пунктов Челябинской области // История в подробностях: научно-популярный исторический журнал. 2012. № 5. С. 82–87.
- ³³ Максимов Е. К. Памятники Отечественной войне 1812 года на территории Саратовского края // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 79–88 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным).
- ³⁴ Захаров В. М. Судьба декабриста // Годы и люди. Саратов, 1983. Вып. 1. С. 7–21.
- ³⁵ Лёвин С. В. Жизнь и деятельность Кайсарова // Четыре века. Саратов, 1991. С. 190–208 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным); Он же. Очевидец и деятель величайших событий // Годы и люди. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 20–33; Он же. В. С. Норов – «декабрист без декабря» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 47–51.
- ³⁶ Малов Н. М. Масоны среди саратовцев-участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года. С. 198–206.
- ³⁷ Маковцева Л. В. Материалы по Отечественной войне 1812 года в собрании Саратовского областного музея краеведения // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года. С. 191–197.
- ³⁸ Самохвалова Н. В. Обзор документов по Отечественной войне 1812 года из фондов ГАСО // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года. С. 217–222.
- ³⁹ Бутенко В. А. Страница из истории наполеоновской администрации // Известия Академии наук СССР. Отд. гуманитар. наук. 1929. № 1. С. 71–83.
- ⁴⁰ См., например: Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года; Галямичев А. Н. «Я стремился служить как можно лучше...» Барклай де Толли – жене : письма из 1812 года // Родина. 2012. № 6. С. 51–53 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным).
- ⁴¹ Авторы : А. Н. Галямичев, А. В. Гладышев, Ю. Л. Епанчин, М. В. Калашников, М. В. Ковалев, С. Е. Летчфорд, А. С. Майорова, В. С. Парсамов, Ю. Г. Степанов, В. П. Тотфалушин, Н. А. Троицкий.
- ⁴² См.: Троицкий Н. А. Книга о любви (Записки историка). С. 270–275.
- ⁴³ Ливен Д. Право одержать победу // Родина. 2012. № 6. С. 31.

УДК [94 + 316. 7] (470. 44) |17/18|

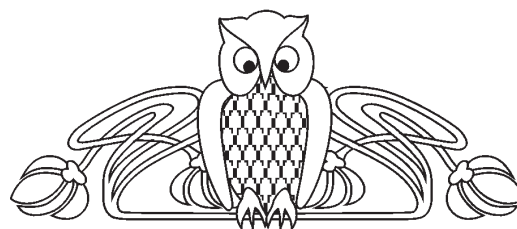
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ГОРОДАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. С. Майорова

Саратовский государственный университет
E-mail: majorova-as@mail.ru

В статье показаны причины, которые определяли значительную роль народной культуры русского этноса в общественно-культурной среде городов Саратовской губернии. На основании письменных источников освещены ее проявления в различных сферах городской жизни, в том числе и в облике самих городов. В большинстве уездных городов ее влияние в культурном процессе было преобладающим. В губернском центре ее черты ярко проявлялись в духовно-обрядовой сфере жизни основной массы населения.

Ключевые слова: Саратовская губерния, города, общественно-культурная среда, народная культура, старообрядчество, купечество, мещанство.

Folk Culture in the Cities of Saratov Province in the Late XVIII – First Half of the XIX cc.

A. S. Mayorova

The article describes the reasons that determined the significant role of Russian ethnic culture in the urban socio-cultural environment of Saratov province. Its manifestations in various spheres of city life and, in particular, in the look of these cities are based on written sources. For most county-level cities its influence on the cultural process was dominant. In the main city of the province its features were evident in spiritual and ceremonial life of the general population.

Key words: Saratov province, cities, social and cultural environment, folk culture, Old Belief, merchant class, petty bourgeoisie.

Один из аспектов истории русского города – характеристика культурной среды на разных этапах существования. Эта проблема нашла отражение в монографиях М. Г. Рабиновича. Вопрос о взаимодействии крестьянской и городской культуры в России изучен им по хронологическому и географическому материалу. По его мнению, «почти каждое явление материальной культуры, общественного и семейного быта горожан коренилось в крестьянском быту, но серьезно перерабатывалось в городах и снова возвращалось в сельскую местность значительно измененным...»¹. Вывод Рабиновича вполне обоснован. Однако региональный аспект данной проблемы требует дополнительного изучения. Кроме того, в последние десятилетия историки большое внимание стали уделять социологическому анализу культурного процесса. Если Рабинович подчеркивает то, что «формирование общих явлений культуры» происходило непрерывно в результате взаимосвязей городского и сельского населения², то авторы коллективной монографии «Очерки русской культуры XIX века» делают акцент на существовании особых страт в области культуры. По их наблюдениям, русская культура XIX в. представляла собой сложнейшее сочетание культур, порожденных деятельностью различных социальных групп³. При изучении формирования культурной среды городов Саратовского Поволжья следует учитывать это обстоятельство.

Культурный процесс в Саратовской губернии в XIX в. протекал достаточно динамично. Л. В. Кошман в своей монографии, посвященной русским городам XIX века, приводит мнения о Саратове, которые встречались в периодической печати в конце этого столетия. Его называли «культурно-просветительским центром на Волге», городом, в котором «пульс общественной жизни бился сильнее, чем в других губернских городах»⁴. Истоки успешного развития культуры Саратова были заложены в первый период его существования в статусе губернского центра, с 1780 г. до конца 50-х гг. XIX века, в связи с чем данный период представляет немалый интерес. Культурный процесс в губернском городе был тесно связан с однородными процессами в уездных городах. Поэтому объектом внимания исследователя должна быть культурная среда как губернского, так и уездных городов. Основное внимание в рамках поставленной проблемы, привлекает вопрос – какие социальные слои этих городов являлись носителями традиций народной культуры.

Общие оценки социокультурной среды провинциальных городов России в XIX в. даны в первом томе коллективной монографии «Очерки русской культуры XIX века»⁵. По мнению Л. В. Кошман, культура провинциального города – это культура разночинская⁶. С этой точки зрения

она рассматривает городскую культуру и в специальном труде, посвященном русскому городу XIX века⁷. Авторы коллективной монографии «Очерки городского быта дореволюционного Поволжья» дают анализ городской культуры в период с конца XVIII до конца XIX в. в ее этнографическом аспекте⁸. Объектом исследования здесь являются города Казанского Поволжья, т. е. территории современного Татарстана, Чувашии и Республики Марий-Эл.

Саратовские историки не пытались дать общей характеристики культурной среды Саратова в XIX веке. Так, в главе первого тома «Очерков истории Саратовского Поволжья», которая посвящена истории культуры Саратовского края первой половины XIX века, губернский город выделен при изложении сведений об одной из отраслей художественной культуры – архитектуре⁹. Социальный аспект культурного процесса в Саратове учтен только в одном из подразделов второго издания «Энциклопедии Саратовского края». Е. К. Максимов и С. А. Мезин при изложении сведений о культуре Саратовской губернии XVIII в. указывают элементы общественно-культурной среды губернского города¹⁰. К сожалению, данный подход не нашел отражения в подразделах, посвященных более поздним периодам в истории культуры Саратовского Поволжья. Уездные города губернии конца XVIII–первой половины XIX в. пока еще не стали объектами специальных исследований саратовских историков.

При изучении вопроса о влиянии народной культуры на общественно-культурную среду городов Саратовской губернии необходимо учитывать особенности бытования в них старообрядчества. По мнению современных историков, оно является особой ветвью народной культуры. В этом отношении интерес представляет монография Н. С. Соколова, опубликованная в последней четверти XIX века¹¹. В статьях А. А. Лебедева приведены ценные сведения о церковной и правительственной политике по отношению к старообрядцам¹².

Следует обратить внимание на то, что представляет собой феномен народной культуры. Основным хранителем ее традиций, как считают этнографы, является крестьянство. По этой причине термины крестьянство и народ они используют в качестве синонимов¹³. В статье саратовского философа Н. П. Лысиковой народная культура определяется как «устойчивая совокупность обычаев, верований, миропониманий, мировоззрений, правовых, этических и эстетических норм, сложившихся в ходе исторического развития человеческих отношений, начиная от первобытно-общинного уровня до формирования наций и национальной культуры и востребованного в своих образцах до настоящего времени»¹⁴. Развитие народной культуры закрепляет традиционное наследование как способ практически духовного существования народной памяти, коллективной

автокоммуникации и индивидуального использования коллективного опыта. При этом его использование не исключает творческого прочтения и переработки.

В любой народной культуре достаточно легко выявить устойчивые элементы культурного наследия – традиции, придающие ей целостность, системность, завершенность, устойчивость. Они воплощаются в идеях, ценностях, обычаях, обрядах, способах мировосприятия, нормах поведения, передаваемых от поколения к поколению¹⁵. В то же время народная культура, постоянно развиваясь, отражает изменения, которые претерпевает сам человек, общество, в котором он существует, а также международные культурные контакты. В каждой народной культуре возникают неустойчивые (инновационные) элементы культурного обновления¹⁶.

Состав крестьянского населения Саратовской губернии конца XVIII–первой половины XIX в. был неоднородным в этническом отношении, однако преобладающим большинством к середине XIX в. были русские. Саратовский историк М. В. Булычев приводит сведения, относящиеся к 1846 г., о количественном соотношении крестьянского населения разных национальностей на территории губернии. Они показывают, что русские составляли к тому времени 74,7 % населения всех уездов¹⁷. Поэтому, рассматривая народную культуру Саратовской губернии, мы будем, в первую очередь, иметь в виду культуру русского этноса на ее территории.

О ее проявлениях в конце XVIII–первой половине XIX в. можно судить на основании материалов, представленных в монографии А. Н. Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии». Она является первым крупным исследованием в этой области и одновременно – источником для изучения народной культуры нескольких этносов в Саратовской губернии в XIX веке¹⁸. Материалы для нее автор собирал с начала 60-х и до конца 80-х годов позапрошлого столетия. Если учитывать устойчивость народной культуры, монография позволяет рассматривать явления этнической культуры русского населения и за предшествующий период, т. е. за первую половину XIX века.

Численные данные об основных сословных группах населения Саратова и уездных городов содержатся в «Статистическом описании Саратовской губернии» А. Ф. Леопольдова¹⁹. Для изучения бытования старообрядчества в городах губернии представляет интерес очерк Леопольдова «О расколе в Саратовской епархии»²⁰. (В заголовке при публикации допущена ошибка – неверно указаны инициалы автора – А. А. Леопольдов.) Возможно, эта работа была составлена в 1839–1840 гг. как доклад в целях информирования высокопоставленных чиновников о последствиях бытования раскола в Саратовском Поволжье и о тех мерах, которые принимались для его «искоренения».

Сведения о культурном облике городов Саратовской губернии можно почерпнуть из мемуаров современников. Период 20–50-е гг. XIX в. освещен в «Записках о Саратове» К. И. Попова²¹. В них имеются сведения об особенностях культуры разных слоев населения города. В отличие от саратовского жителя Попова Г. В. Гераков и В. И. Беккер побывали в Саратове во время своих путешествий и оценивали его «со стороны»²². Беккер посетил также некоторые уездные города губернии и оставил заметки, которые позволяют судить об особенностях их социокультурного облика. Сведения такого характера содержатся и в воспоминаниях военнопленных французской армии, находившихся на территории губернии в 1812–1814 годах²³.

В изучаемый период культура русского крестьянства в значительной степени определяла жизненные устои городского населения. Причины этого явления – в источниках формирования основного контингента городских жителей. В. В. Кузнецов подчеркивает, что при открытии новых городов (оно произошло после создания Саратовской губернии в 1780 г.) купечество составлялось преимущественно из крестьян тех селений, которые получали статус городов²⁴. Булычев указывает на то, что и в первой половине XIX в. крестьяне массами переселялись в города губернии²⁵. Здесь они либо записывались в мещанское сословие, либо продолжали заниматься крестьянским трудом и вести свое хозяйство на землях, принадлежавших городу²⁶. В губернии были города, в которых к середине XIX в. большая часть жителей занималась хлебопашеством, – Аткарск, Петровск, Сердобск²⁷. Наблюдения Булычева и Кузнецова позволяют утверждать, что основу культуры мещанства, а также купечества в Саратовской губернии в изучаемый период составляла именно народная культура.

Данные о численном составе населения губернского центра по сословиям, которые приводит А. Ф. Леопольдов в «Статистическом описании Саратовской губернии», свидетельствуют о том, что самыми многочисленными группами в Саратове были мещане и «неслужащие разночинцы». (К неслужащим разночинцам, вероятно, относились выходцы из разных сословий, у которых источником средств к существованию была работа по найму.) К сожалению, точной хронологической привязки сведения Леопольдова не имеют. Он пишет, что использовал данные седьмой ревизии, а убыль населения от эпидемии холеры 1830 г. не учитывал²⁸. Названная ревизия была завершена в 1817 г., следовательно, показатели о составе населения Саратова можно отнести ко второму десятилетию XIX века. Леопольдов не указывает количества крестьян, проживавших в Саратове (так же, как и в уездных городах). Однако существование прослойки крестьянского населения было заметным явлением в социальной структуре губернского города.

Сведения о том, что большинство его жителей в изучаемый период занимались земледелием, приводит в мемуарах Попов. Он пишет, что в «страдную пору» «все живущее в Саратове простонародье выезжало из города в поля для работы»²⁹. Попов запечатлел также картины праздников, в которых принимали участие едва ли не все жители Саратова. В Пасхальную неделю на Театральной площади, как было «исстари заведено», ставили палатки, «столики для распродажи разных закусок, сластей и балаганы для фигляров». В соответствии с народной традицией на площади устраивали качели. Посмотреть на народный праздник приезжали семьями купцы, чиновники и «почетные дворяне» с нарядными женами и дочерьми. Все праздничные увеселения в пасхальную субботу переезжали на площадь перед домом губернатора А. Д. Панчулидзева, а в воскресенье – на Соколову гору³⁰. Пасхальные увеселения в Саратове имели характер массового народного гулянья, многие элементы которого были сходны с сельским праздником. Отличия между ними были значительны – участие «фигляров» (профессиональных артистов) в увеселениях горожан и присутствие богатых дворян, купцов, чиновников, масштабы самого праздника.

В Саратове существовала также традиция, которая была связана с народным масленичным катанием на лошадях. Как пишет Попов, в нем принимали участие только купеческие семейства. Они выезжали в праздничные дни (т. е. по воскресеньям) от Рождества до последнего дня масленицы на катанье по городским улицам – Московской и Никольской. Зрелище праздничного катанья поразило иностранца – военнопленного К. Хр. Л. Шенка, который находился в Саратове зимой 1812/13 г. В своих мемуарах он так описывает катанье: «...Все русские купцы вместе со своими женами и дочерьми с большой пышностью разъезжали по городу процессией из саней. Как и всегда, бабы были сильно накрашены и носили дорогие шубы, много жемчугов, даже бриллиантов. Лошади были увешаны богатыми персидскими покрывалами, украшены султанами. Все сани проезжали медленно, их собралось от пятидесяти до шестидесяти, следовавших друг за другом»³¹. По словам Попова, это праздничное катанье оставалось неизменным в Саратове на протяжении всего описанного им времени, т. е. до 50-х гг. XIX века³².

Сведения о народных традициях, которые наблюдались у населения губернского города, можно встретить в монографии Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии». Автор пишет о том, как христианские праздники отмечались в Саратове. По поводу дня Параскевы-Пятницы он сообщает, что в этот «бабий» праздник в Саратове бывало массовое стечение народа. Центром праздника считался Крестовоздвиженский женский монастырь, в котором существовал придел Параскевы-Пятницы. Сюда съезжался народ на

церковную службу из окрестных сел и деревень, монастырское подворье и все соседние улицы бывали запружены людьми³³. Можно думать, что и жители Саратова, а не только крестьяне соседних сел, отмечали этот почитаемый в народе праздник.

Массовый характер участие саратовцев в поминовении усопших на Фоминой неделе, после Пасхи. Минх отмечает, что в Саратове ко времени написания им своей книги сохранился обычай справлять поминки на могилах, на кладбище, а в деревнях и селах таких поминок уже не бывало – умерших поминали дома. Во вторник на Фоминой неделе саратовцы после обедни ехали и шли из города на Пичугинское кладбище, где служили панихиды по усопшим. Автор отмечает массовое стечение народа и участие в поминальных службах всех саратовских священников. На могилах при этом ставили всякую снедь – блины (они считались обязательной пищей при таком обряде), булки или крендели, стаканы или чашки с медом, обязательно – одно-два крашеных яйца, некоторые люди ставили и кутью. Во время панихиды зажигались свечи, воткнутые в могилы. Участники обряда «вопили» (т. е. исполняли ритуальные «вопли») и плакали. Минх поясняет, что это обычно исполняли женщины. Использование спиртного миряне заменяли чаепитием, принося с собой самовары и всякие закуски³⁴.

Подробности, описанные знаменитым саратовским краеведом, рисуют картину развернутого массового обряда, в котором черты древней языческой тризны дополнены христианской панихидой. Интересно упоминание о том, что «прежде» (т. е. в первой половине XIX в. и ранее) при исполнении этого обряда употребляли много вина, как и полагалось по традиции. Еще одна подробность, которая связывает его с древностью – использование меда в качестве жертвенной пищи (скорее, напитка). Минх не уточняет, представители каких городских сословий принимали участие в массовом поминовении усопших. Скорее всего, здесь бывали люди самого разного происхождения, кроме состоятельных дворян. Саратовцам были свойственны и предрассудки, распространенные среди крестьян. Минх упоминает о поверье, которое бытовало у саратовских мещан, о том, каким образом и где можно увидеть домового³⁵. Собранные им материалы, а также воспоминания мемуаристов свидетельствуют о том, что народная культура русского этноса занимала очень важное место в культурном пространстве Саратова.

О преобладающем влиянии народной культуры в уездных городах мы можем судить на основании сведений о составе их населения и об их внешнем облике. Большинство уездных городов Саратовской губернии приобрели городской статус в ходе областной реформы 1775–1780 г. В изучаемый период менялся их состав. Наиболее неустойчивым в этом отношении в истории губернии был период до 1801 г. В конце 1796 г. сама губерния была упразднена, а в 1797 г. снова восста-

новлена³⁶. После 1802 г. наступила стабилизация в отношении состава уездных городов Саратовской губернии. С этого времени к числу ее уездных городов принадлежали: Царицын, Камышин, Петровск, Вольск, Хвалынский, Кузнецк, Аткарск, Балашов, Сердобск³⁷. В 1836 г. их состав пополнился еще тремя городами, которые были образованы на территории Заволжья – Николаевск, Новоузенск и Царев³⁸. В 1851 г. Николаевский, Новоузенский и Царевский уезды были присоединены к Самарской и Астраханской губерниям³⁹. В настоящей статье рассматривается социокультурный облик уездных городов Саратовской губернии, которые принадлежали к ее территории с 1802 до 1851 г.

На основании статистических сведений, представленных Леопольдовым, видно, что влияние чиновников и дворян на культурную среду уездных городов не могло быть значительным. К концу 30-х гг. XIX в. количество чиновников в уездных городах губернии колебалось от 10 до 48 человек⁴⁰. Количество дворян в труде Леопольдова указано по городам таким образом, что очень трудно определить принципы группировки сведений. Поэтому возникают затруднения в подсчете их численности в каждом городе. И все же некоторые выводы на основании данных Леопольдова сделать можно. Минимальное количество дворян в уездном городе – примерно 10 мужчин (в Хвалынске)⁴¹, максимальное – около 100 человек (в Сердобске)⁴². Судя по сословному составу населения, в уездных городах губернии преобладали мещане. Однако о существовании мещанской культуры для первой половины XIX в. говорить преждевременно. Сословная культура купечества в России в изучаемый период также не имела самостоятельного характера, что давно отмечено исследователями⁴³.

Судя по сохранившимся отзывам современников о внешнем облике уездных городов Саратовской губернии, присутствие дворянства в них в первой половине XIX в. не отражалось на характере застройки. Краткая характеристика Сердобска, в котором дворян было больше, чем в любом другом уездном городе губернии, данная Беккером, не блещет яркостью красок. Он побывал в нем в 1842 г. и впоследствии писал: «Городок незавидный, построенный на равнине, при речке Сердобе, с двумя тысячами жителей, тремя церквями и скромными домиками, между которыми только один каменный, занимаемый ответственными местами»⁴⁴.

В то же время в Вольске уже в начале XIX в. были сооружены частные дома в стиле классицизма⁴⁵. Беккер писал о городской застройке Вольска: «Передо мною масса домов, в числе которых много огромных» и далее: «... фасады многих домов носят на себе печать оригинальности»⁴⁶. В этом городе в конце 30-х гг. XIX в. на одиннадцать с лишним тысяч душ населения было 36 дворян и 150 душ купцов⁴⁷. Здания оригинальной архитектуры (т. е. особняки в стиле классицизма),

как отмечали современники, были выстроены на деньги купцов. В такой форме в Вольске нашла воплощение ориентация купечества на культурные ценности дворянского сословия, которая была характерна для той эпохи⁴⁸.

Особенности народной культуры в Саратовском Поволжье накладывали неизгладимый отпечаток на культурный процесс в уездных городах. Речь идет о широком распространении старообрядчества. Эта особенность была присуща и культурной среде губернского города⁴⁹. Если верить замечаниям Леопольдова, именно горожане являлись в первой половине XIX в. его основными пропагандистами. Он пишет, что «промышленный народ» (т. е. занимающийся промыслами и торговлей) «расторопен, смел, нередко начитан книг и резок в разговорах по делам церкви». «Таковым речистым людям, – с досадой замечает он, – нетрудно смять и расстроить добродушного христианина, пришедшего из скромных селений»⁵⁰. Расторопный и начитанный горожанин у Леопольдова выступает в качестве «совратителя в раскол». Конечно, не все уездные города Саратовской губернии были источниками распространения старообрядчества. Однако в некоторых из них были даже культовые сооружения старообрядцев. Леопольдов называет «раскольничью часовню» в Хвалынске, которая по внешнему виду была «наподобие церкви, с алтарем»⁵¹. В Вольске было две «раскольничьи церкви» (и три – «грекороссийских»)⁵². «Раскольничья часовня» отмечена в Кузнецке⁵³.

В жизни трех уездных городов – Аткарска, Сердобска и Балашова – земледелие определяло и характер экономики, и жизненный уклад их населения. На основании описания Леопольдова, составленного в 1839 г., видим, что в Аткарске и в Сердобске «большая часть жителей занимается земледелием», за исключением служащих (т. е. чиновников и военных) и дворян⁵⁴. Земледелием занимались жители, числившиеся мещанами. В Балашове, в отличие от этих двух городов, было «10 разных заводов», но и здесь основным занятием населения являлось земледелие. О Сердобске у Леопольдова не было всех сведений, которые он обычно приводит обо всех уездных городах, поэтому у него ничего не сказано о количестве домов в нем и наличии каменных построек. В Балашове каменные здания не отмечены, в Аткарске, по данным Леопольдова, в 1839 г. тоже не было ни одного каменного дома⁵⁵. Благоустройство и внешний облик этих трех уездных городов в то время не соответствовали их городскому статусу. Интересно, что иностранный наблюдатель – военнопленный С. Б. Пешке – побывавший в Балашове в 1813 г., с большей симпатией писал о нем: «Небольшое, но основательно выстроенное местечко, расположенное в очаровательной местности». Аткарск, согласно его характеристике, имел «чисто деревенский облик», но и здесь отмечены «живописные окрестности»⁵⁶.

О преобразовании трех завожских сельских поселений в города Беккер сообщает: «Новый Узень основан из деревни Чертановой, Николаевск из Мечетной, Царев из Царевки, жителей велено обратить в мещане, с оставлением некоторых из них в первобытном звании, но только с подчинением городскому управлению»⁵⁷. Эта подробность очень интересна – часть жителей вновь образованных городов оставалась в сословии крестьян.

В период с начала создания уездных городов губернии и до середины XIX в. для их культурного пространства было характерно преобладание народной культуры. Тем не менее их культурная среда носила черты своеобразия. В Царицыне, Камышине и Петровске отмечено существование преданий и реликвий, которые поддерживали память о «военном прошлом» городов-крепостей⁵⁸. В Вольске, Хвалынске и Кузнецке было распространено старообрядчество. Наличием торгово-экономических связей можно объяснить распространение старообрядчества из Вольска и Хвалынска в Камышин⁵⁹.

Соседство и общение с кочевниками-калмыками определенным образом повлияло на культурную среду Царицына. В этом городе в 30–40-е гг. XIX в. существовала миссия для распространения христианства среди калмыков⁶⁰. В некоторых городах существовали мусульманские общины. В статистическом описании указано, что в Хвалынске была мечеть⁶¹. Относительно Николаевска Беккер пишет, что его население «издавна» составляли мусульмане, отсюда и первоначальное название его – Мечетная слобода. В начале 40-х гг. XIX в. мусульмане Николаевска жили за городом отдельной слободой⁶². Этнический и конфессиональный состав населения уездных городов Саратовской губернии не был однородным. Проживание в определенном городе представителей других, кроме русской, этнических традиций придавало особые черты его культурной среде.

Носителями традиций народной культуры в городах Саратовской губернии были проживавшие в них крестьяне, мещане и купцы. И только в Вольске богатые купцы отчасти ориентировались на культурные предпочтения дворянства – здесь в первой половине XIX в. были построены представительные особняки в стиле классицизма. В губернском центре черты народной культуры ярко проявлялись в духовно-обрядовой сфере жизни основной массы населения.

Примечания

- ¹ Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 266.
- ² Там же.
- ³ Очерки русской культуры XIX века : в 6 т. Т. 1 : Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 7.

- ⁴ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия : социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 164–165.
- ⁵ Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 125–202 ; Кошман Л. В. Город в общественно-культурной жизни // Там же. С. 12–72.
- ⁶ Там же. С. 16.
- ⁷ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия...
- ⁸ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А. Н. Зорин, Н. В. Зорин, А. П. Каплуновский [и др.]. Ульяновск, 2000.
- ⁹ Очерки истории Саратовского Поволжья : в 2 т. Т. 1. Саратовское Поволжье с древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1997. С. 217–259.
- ¹⁰ Максимов Е. К., Мезин С. А. Культура XVIII века // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). 2-е изд., перераб. Саратов, 2011. С. 323–324.
- ¹¹ Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам : Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888.
- ¹² Лебедев А. А. Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1907. Т. 2, вып. 1 ; Он же. Рукописи Братства Святого Креста в Саратове. Саратов, 1910.
- ¹³ Листова Т. А. Предисловие // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков : Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 3.
- ¹⁴ Лыскова Н. П. Народная культура : генезис и традиции // Народы Саратовского Поволжья : Этнология, этнография, духовная и материальная культура : материалы региональной науч.-практ. конф. 20 дек. 2006 г. (Труды СОМК, вып. 10). Саратов, 2006. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 7–9.
- ¹⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷ Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 27–28.
- ¹⁸ Архангельская В. Памятник традиционной культуры народов Саратовского Поволжья // Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии : Собраны в 1861–1888 годах. Саратов, 1994. Репринтное воспроизведение издания 1890 года. [С. 7.].
- ¹⁹ [Леопольдов А. Ф.]. Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. СПб., 1839. Часть вторая. С. 12–14.
- ²⁰ [Леопольдов А. Ф.]. О расколе в Саратовской епархии, по рукописи А. А. Леопольдова // Труды СУАК. Саратов, 1903. В. 23. С. 35–166.
- ²¹ [Понов К. И.]. Записки о Саратове К. И. Попова // Саратовский край : Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 155–236.
- ²² [Гераков Г. В.]. Путевые записки по многим российским губерниям. 1820. Статского советника Гавриила Геракова. Пд., 1828. ; [Беккер В. И.] Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1852.

- ²³ См.: *Тотфалушин В. П.* Волжские пленники (Саратовский край глазами ветеранов Великой армии). Саратов, 2012.
- ²⁴ *Кузнецов В. В.* Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 78.
- ²⁵ Очерки истории Саратовского Поволжья ... С. 154.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ [*Леопольдов А. Ф.*]. Статистическое описание Саратовской губернии ... С. 12–14.
- ²⁹ [*Попов К. И.*]. Указ. соч. С. 163.
- ³⁰ Там же. С. 170.
- ³¹ *Шенк К. Хр. Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7 сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // *Тотфалушин В. П.* Волжские пленники... С. 196.
- ³² [*Попов К. И.*]. Указ. соч. С. 179.
- ³³ *Минх А. Н.* Указ. соч. С. 107.
- ³⁴ Там же. С. 132–133.
- ³⁵ Там же. С. 23.
- ³⁶ См.: *Топографическое и историческое описание Саратовской губернии.* Волгоград, 2011. С. 19.
- ³⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1... С. 154
- ³⁸ Там же. С. 152.
- ³⁹ *Мордовцев Д. Л.* Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отдел 3. С. 58.
- ⁴⁰ [*Леопольдов А. Ф.*]. Статистическое описание Саратовской губернии ... С. 60–109.
- ⁴¹ Там же. С. 85.
- ⁴² Там же. С. 104.
- ⁴³ См.: *Кириченко Е. И.* Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII– начала XX века. М., 1997. С. 149.
- ⁴⁴ [*Беккер В. И.*]. Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁵ *Терехин С. О.* Века и камни : (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 18.
- ⁴⁶ Там же. С. 42, 44.
- ⁴⁷ [*Леопольдов А. Ф.*]. Указ соч. С. 79.
- ⁴⁸ *Кириченко Е. И.* Указ. соч. С. 149.
- ⁴⁹ [*Леопольдов А. Ф.*]. О расколе в Саратовской епархии... С. 54.
- ⁵⁰ [*Леопольдов А. Ф.*]. О расколе в Саратовской епархии... С. 46.
- ⁵¹ Там же. С. 89.
- ⁵² Там же. С. 79.
- ⁵³ [*Леопольдов А. Ф.*]. Статистическое описание ... С. 95.
- ⁵⁴ [*Леопольдов А. Ф.*]. Указ. соч. С. 101, 103.
- ⁵⁵ Там же. С. 100.
- ⁵⁶ *Пешке С. Б.* Мое пребывание в российском плену в 1812 году // *Тотфалушин В. П.* Волжские пленники ... С. 149–150.
- ⁵⁷ [*Беккер В. И.*]. Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁸ *Майорова А. С.* Общественно-культурная среда уездных городов Саратовской губернии : города-крепости в конце XVIII– первой половине XIX века. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 33.
- ⁵⁹ [*Леопольдов А. Ф.*]. О расколе в Саратовской епархии ... С. 37.
- ⁶⁰ Саратовская летопись // Саратовский край : исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 69.
- ⁶¹ Там же. С. 86.
- ⁶² [*Беккер В. И.*]. Указ. соч. С. 28.

УДК 502/504+631/635+9(G)1

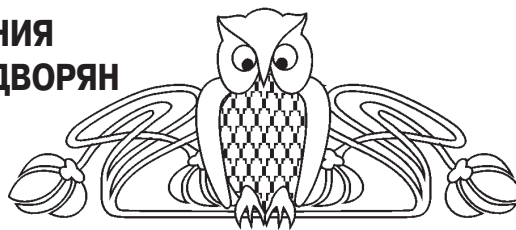
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ЕЛАТОМСКИХ ИМЕНИЯХ ТАМБОВСКИХ ДВОРЯН ДАВЫДОВЫХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Д. А. Шуваев

Первый Тамбовский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
E-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

Статья посвящена известному тамбовскому дворянскому роду Давыдовых. Автором исследованы мероприятия по рационализации производства в елатомских экономах дворян Давыдовых в конце XIX – начале XX столетия.

Ключевые слова: модернизация, аграрное общество, тамбовское дворянство.

**Nature Management Rationalization in Elatomsky
Estates of the Tambov Gentry Davydovs at the End
of the XIX – the Beginning of the XX Century**

D. A. Shuvaev

The paper is devoted to the famous of the Tambov noble family of Davydovs. The author is studied actions for rationalization of manufacture in Elatomsky estates of gentry Davydovs at the end of the XIX – the beginning of the XX century.

Key words: modernization, agrarian society, Tambov nobility.

Экономика крупных дворянских имений исследована широко. Значительно меньше изучена рационализация природопользования в хозяйствах дворян¹. Наша цель – на примере елатомских экономий тамбовских помещиков Давыдовых рассмотреть рационализацию производства в имениях крупных земельных собственников конца XIX – начала XX в.

Источниками для написания данной работы послужили справочно-статистические материалы и делопроизводственная документация Тамбовского отделения государственного дворянского земельного банка.

В нашем поле зрения оказались три имения дворян Давыдовых, расположенные в Елатомском уезде Тамбовской губернии, – экономии Елизаветы Александровны при с. Подостровное, Марии Петровны при с. Мокрое с хутором Екатерининским и хозяйство Николая Андреевича хутор Петровский.

В конце XIX – начале XX в. господствующей отраслью производства в имениях помещиков Давыдовых являлось земледелие, рационализация в котором проявлялась в применении многопольного севооборота. Так, благодаря деятельности Николая Андреевича в 1899 г. на смену практиковавшейся в имении его жены при с. Мокрое традиционной системе земледелия пришёл 8-польный севооборот. Более того, во входившем в состав экономии хуторе Екатерининском стала применяться 11-польная система земледелия². В дальнейшем как в самом имении, так и в ведшем с ним совместное хозяйство хуторе Петровском утвердился 9-польный севооборот³. 8-польная система земледелия «с травосеянием, посевами картофеля и свекловицы» практиковалась и в крупной экономии матери Н. А. Давыдова Елизаветы Александровны при с. Подостровное⁴.

Введение в хозяйствах многопольного севооборота потребовало обновления орудий труда. В частности, владельцами имения при с. Мокрое приобретались усовершенствованные плуги, рала, бороны, сеялки, молотилки, веялки и сортировки, а также свекольный распашник и жатвенная машина «Ласточка»⁵. Широко применялись удобрения. Так, в Мокринской экономии с хутором Екатерининским удобрялось более половины парового поля навозом от собственного скота («на 1 дес. 100–120 возов»), а в хуторе Петровском ежегодно унаваживали 12 дес. «с вывозом по 2400 п. на каждую десятину»⁶. Причём обработка пахотной земли и уборка урожая осуществлялась в этих хозяйствах как постоянными рабочими, так и нанятыми местными крестьянами, труд которых оплачивался по дням (поденно) или по объёму выполненных работ (подесятинно)⁷.

Мокринская экономия с хутором Екатерининским производила вместе с культурами, характерными для северных уездов Тамбовской губернии конца XIX – начала XX столетий (рожью, просом, овсом, картофелем и др.), лён, кормовые травы

(клевер и тимopheевку), свёклу, яровую и даже озимую пшеницу⁸.

В хозяйстве Н. А. Давыдова хутор Петровский, наряду с традиционными рожью, овсом и картофелем, выращивался клевер⁹.

Владельцы Мокринской экономии с хутором Екатерининским заботились об улучшении качества сенокосных земель. С этой целью на лугах практиковались посевы клевера и тимopheевки¹⁰. Применялись луговая борона, сенокосилки и конные грабли «Тигр»¹¹. Это позволяло получать с лугов сено хорошего качества¹². Однако только введенный многопольный севооборот с систематическими посевами клевера обеспечил с избытком сеном как само имение, так и ведший с ним совместное хозяйство хутор Петровский¹³.

В имении Давыдовых при с. Мокрое не отводилось значительного количества земли под пастбища, что объяснялось использованием в качестве выгонов других угодий, которыми наряду с парами, жнивьями и отавами, служили лесные порубки, клеверные поля и луга после уборки. Кроме того, экономия вплоть до начала XX в. снимала «у соседей» землю под пастбища¹⁴.

Необходимость рационального использования лесов и их сохранения начала осознаваться Давыдовыми с конца XIX столетия. В частности, хозяйство Подостровное, принадлежавшее Елизавете Александровне, ежегодно сводило по 0,75 десятин леса. Рубка производилась выборочная: «берёза и дуб остаются на корню, а вырубается только осина, которая разрабатывается на дрова»¹⁵. Практиковалась посадка сосны. Имело место сенокосение на лесных полянах¹⁶.

С 1896 по 1901 г. лес в Мокринской экономии с хутором Екатерининским не эксплуатировался, очень берегся, вырубался лишь сухостой¹⁷. В дальнейшем стали ежегодно сводить по 3 десятины «спелого» леса, который разрабатывался на дрова¹⁸. С одной десятины в среднем получали «30 кб. саж. швырка и 60 возов сучьев»¹⁹. Все дрова расходовались на нужды собственного хозяйства²⁰. Практиковалось сенокосение на лесных полянах²¹. Однако по лесным порубкам имел место приведший к порче поросли выпас скота (в т. ч. и крестьянского за отработки)²². В то время как лесные угодья, ведшего совместное хозяйство с имением хутора Петровского, не эксплуатировались²³.

Дворяне Давыдовы уделяли особое внимание садоводству. Так, благодаря деятельности Николая Андреевича в экономии при с. Мокрое с хутором Екатерининским был разбит новый «промышленный плодовый» сад на 21 десятину²⁴. Старый фруктовый сад и огороды сдавались в аренду. В новом саду находились оранжереи и теплицы. Выращивались персики. Для осуществления тщательного ухода за садом содержался садовник с двумя помощниками²⁵.

Вся усадебная земля хутора Петровского, за исключением занятой постройками и винокурным заводом, сдавалась в аренду под огороды²⁶.

Рационализация в животноводстве елатомских имений Давыдовых проявилась, прежде всего, в стремлениях поднять породистость домашних животных и улучшить условия их содержания. В частности, Николаем Андреевичем в имении его жены при с. Мокрое был устроен конный завод, в котором выращивались лошади рысистых пород. Потребности экономии в тягловой силе обеспечивались за счёт комплекта рабочих лошадей²⁷.

Вместе с тем благодаря Н. А. Давыдову в Мокринской экономии с хутором Екатерининским и на хуторе Петровском, которые вели совместное хозяйство, появилось стадо КРС симментальской породы. Велось молочное хозяйство. Пополнение стада происходило «хозяйственным образом»²⁸.

Николай Андреевич в экономии при с. Мокрое возобновил обширное овцеводство. В хозяйстве появился завод тонкорунных овец французской породы рамбулье-негретти²⁹.

Н. А. Давыдовым в имении также были завезены племенные свиньи йоркширской породы³⁰.

Все домашние животные содержались в хороших условиях³¹.

Улучшенное животноводство имело место также в экономии Елизаветы Александровны при с. Подостровное. Хозяйство разводило метисов тяжеловозной породы лошадей арденов, метисов швицкой породы КРС, чистокровных овец бухарской породы³².

В елатомских имениях Давыдовых было налажено перерабатывающее производство сельскохозяйственной продукции. Так, для переработки зерна в муку в Мокринской экономии с хутором Екатерининским применялись специальные мукомольные машины. Предпринимались попытки устроить маслоделие³³.

На хуторе Петровском Николай Андреевич организовал винокурное производство, которое даже после его смерти (1913 г.) продолжали вдова и дети. В имении был возведён винокурный завод, вырабатывавший в год до 60 тысяч вёдер спирта. Причём производственный процесс на заводе тщательно контролировался. Сырьём для производства выступал выращивавшийся на хуторе картофель³⁴.

Проводившиеся мероприятия по рационализации хозяйства в елатомских имениях Давыдовых требовали значительных денежных средств, для получения которых владельцы неоднократно прибегали к займам. Масштабные инвестиции приводили к увеличению доходности имений. Так, по оценке 1902 г. чистая прибыль Мокринской экономии с хутором Екатерининским (9739 руб.) выросла более чем на 8% по сравнению с 1898 г. (8933 руб.)³⁵.

Итак, в пореформенный период в елатомских имениях дворян Давыдовых стала проводиться комплексная рационализация производства. Она нашла выражение в освоении многопольных севооборотов, использовании улучшенных орудий труда и применении удобрений, выращивании

новых культур, выборочной рубке лесов и посадке ценных пород деревьев. Рационализация в животноводстве проявилась в стремлениях Давыдовых поднять породистость животных и улучшить их содержание. Создание дворянами на территории своих имений перерабатывающих предприятий позволяло им выпускать не только сырьё, но и готовую продукцию, способствовало развитию различных отраслей сельского хозяйства. Однако повышение доходности таких имений временами удавалось достичь лишь за счёт крупных инвестиционных вложений в развитие хозяйства.

Примечания

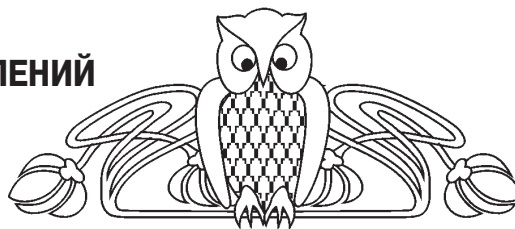
- ¹ Бунеева Е. Н. Крупное помещичье хозяйство России в конце XVIII – начале XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002 ; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982 ; Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969 ; Хмель Е. В. Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004.
- ² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 15, 20, 20 об. ; Д. 3934. Л. 17 ; Д. 4857. Л. 6, 16, 16 об., 21.
- ³ Там же. Д. 7090. Л. 4, 11, 15.
- ⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 2. Среднерусская чернозёмная область / под ред. П. П. Семёнова и В. И. Ламанского. СПб., 1902. С. 336.
- ⁵ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 14 об., 19 об. ; Д. 3934. Л. 17 ; Д. 4857. Л. 5 об., 15 об., 21 ; Д. 7090. Л. 10 об.
- ⁶ Там же. Д. 3933. Л. 20 об. ; Д. 3934. Л. 17 ; Д. 4857. Л. 16 об. ; Д. 7090. Л. 11 об.
- ⁷ Там же. Д. 3933. Л. 20 об., 21 ; Д. 3934. Л. 17 ; Д. 4857. Л. 16, 16 об. ; Д. 7090. Л. 11, 11 об.
- ⁸ Там же. Д. 3933. Л. 20 об., 25 ; Д. 4857. Л. 16 об., 17.
- ⁹ Там же. Д. 7090. Л. 11, 12.
- ¹⁰ Там же. Д. 3933. Л. 21 ; Д. 4857. Л. 18.
- ¹¹ Там же. Д. 3933. Л. 19 об. ; Д. 4857. Л. 15 об., 18.
- ¹² Там же. Д. 3933. Л. 21 ; Д. 4857. Л. 18.
- ¹³ Там же. Д. 4857. Л. 18 ; Д. 7090. Л. 12.
- ¹⁴ Там же. Д. 3933. Л. 21 об. ; Д. 4857. Л. 18 об.
- ¹⁵ Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии по закону 8-го июня 1893 года. Вып. 8. Елатомский уезд / под ред. Н. Романова. Тамбов, 1903. С. 127.
- ¹⁶ Там же. С. 126, 127.
- ¹⁷ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 22 ; Д. 4857. Л. 18 об.
- ¹⁸ Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии... Вып. 8. С. 127.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 22.

- 22 ГАТО. Д. 4857. Л. 18 об. ; Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии... Вып. 8. С. 128.
- 23 ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 7090. Л. 12 об.
- 24 Там же. Д. 3933. Л. 20; Д. 4857. Л. 6, 16, 22.
- 25 Там же. Д. 3933. Л. 14 об., 20, 26 об. ; Д. 4857. Л. 5 об., 10 об., 15 об., 16; Д. 5165. Л. 106 об.
- 26 Там же. Д. 7090. Л. 11.
- 27 Там же. Д. 3933. Л. 14 об., 15, 19, 22 об., 26 об. ; Д. 4857. Л. 5 об., 6, 10 об., 15 об., 19.
- 28 Там же. Д. 3933. Л. 14 об., 15, 19, 22 об., 26 об., 28 об. ; Д. 4857. Л. 5 об., 6, 10 об., 12 об., 15 об., 19 ; Д. 7090. Л. 10 об., 13.
- 29 Там же. Д. 3933. Л. 14 об., 15, 19, 22 об. ; Д. 4857. Л. 5 об., 6, 15 об., 19.
- 30 ГАТО. Д. 3933. Л. 14 об., 15, 19, 22 об., 26 об. ; Д. 4857. Л. 5 об., 6, 10 об., 15 об., 19.
- 31 Там же. Д. 3933. Л. 14 об., 15, 19, 22 об., 26 об., 28 об. ; Д. 4857. Л. 5 об., 6, 10 об., 12 об., 15 об., 19; Д. 7090. Л. 10 об., 13.
- 32 Россия. Полное географическое описание нашего отечества... Т. 2. С. 336.
- 33 ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 14 об., 19 об., 22 об., 26 об. ; Д. 4857. Л. 5 об., 6, 10 об., 15 об.
- 34 Там же. Д. 7090. Л. 3 об., 4, 9 об., 10 об., 13.
- 35 Там же. Д. 3933. Л. 24, 30, 34, 34 об., 35, 35 об. ; Д. 3934. Л. 17, 17 об. ; Д. 4857. Л. 20, 21 об., 23 об., 25, 26 об., 32 ; Д. 7090. Л. 17 об., 20 об., 21, 21 об., 28, 28 об., 29.

УДК 94(470.44).07

СЕМЕЙНАЯ СТРУКТУРА НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ВОЛГЕ В СЕРЕДИНЕ XIX В.: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛОНИИ ГНИЛУШКА (ПФАЙФЕР)

Ю. С. Гальперина

Саратовский государственный университет
E-mail: galperinajulia@mail.ru

В статье рассматривается семейная структура немецких поселений на Волге в середине XIX в. на примере исследования колонии Гнилушки Камышинского уезда Саратовской губернии. Модель семейных отношений в исследуемой колонии изучается на основе источниковой базы ревизских сказок с позиции демографического анализа и теории Дж. Ханджнала о существовании уникального европейского типа брачности. Сравнив существовавшую модель семейного поведения русского населения в Поволжье и немецкого в западной Европе, позволило установить, к какому типу семьи относились жители колонии Гнилушка.

Ключевые слова: демография, семья, семейная организация, немцы Поволжья, колония.

The Research of Family Structure of German Settlements on the Volga River in the Middle of XIX-th Century: Based on «Gnilushka» Colony (Pfeifer)

J. S. Galperina

The article is devoted to the research of family structure of German settlements in the Volga Region in the middle of XIX-th century, based on the analysis of «Gnilushka» colony in the Kamyshin district of Saratov province. Family structure model of the colony is being studied by the enumeration lists from the point of view of demographic analysis and J. Handzhnal's theory of existence of a unique European-type marriage. Comparing models of family behavior of Russian population in the Volga Region and Germans in western Europe, allowed to establish which marriage type was closer to the family structure of residents of «Gnilushka» colony.

Key words: demography, family, family organization, Volga Germans, colony.

Изучение демографических процессов является одной из важных задач современных

исследований по социальной истории. Актуализация подобного рода проблем обусловлена также популяризацией в последние годы микроисторических подходов в изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных сообществ, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом. Хороший материал для демографического изучения локальных сообществ, в том числе структуры их семей, дают немецкие колонии на Волге, представлявшие собой компактные поселения, обособленные не только от прежней родины, но и от других групп немецкого населения России. Характерной чертой жизни поволжских немцев стала консервация языковых и культурных традиций германских земель середины XVIII в.¹

В данной статье публикуются результаты историко-демографического исследования по выявлению модели семейных отношений поволжского немецкого населения в середине XIX в. на примере одной колонии Гнилушка (Пфайфер) Камышинского уезда Саратовской губернии, а также сравнительные данные по анализу модели семейного поведения русского населения в Поволжье и немецкого населения в Западной Европе. Источниковой базой исследования послужили ревизские сказки за 1835 и 1857 гг., посемейные списки населения по деревням, волостям и уездам Саратовской губернии.

В течение длительного времени дискуссии о типах семьи и демографическом поведении в Европе были сосредоточены в основном на проблеме проведения границ и на поиске различий между зоной господства якобы «уникального» европейского типа семьи и остальными территориями. В

середине XX в. Джон Ханджнал² установил, что «европейский тип брачности»³ был характерен для стран, расположенных западнее воображаемой линии «Санкт-Петербург – Триест». К отличительным особенностям европейского типа брачности относятся во-первых, позднее вступление в брак (средний возраст – 25 лет для женщин и 29 лет для мужчин⁴) и, во-вторых, значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке, следствием этого было абсолютное превосходство малых семей над составными. Этот тип брачности был характерен для Европы, за исключением ее восточных и юго-восточных районов⁵.

Понятия *семья* или *семейство* и *двор* или *домохозяйство* применительно к России XVIII – начала XX в. были тождественными: они означали совокупность близких родственников, живших вместе и ведущих одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином. Домохозяйство могло состоять из одной брачной пары, включавшей родителей и неженатых детей, или из двух или более брачных пар, члены которых находились в родственных отношениях, например, женатые дети, жившие вместе с родителями, женатые братья, жившие вместе одним хозяйством, и т. д. Главными критериями единства нескольких брачных пар в одном домохозяйстве или семействе являлись наличие общего нераздельного имущества и одного главы, который управлял этим имуществом и вообще всеми делами в хозяйстве. Согласно типологии, предложенной в России Б. Н. Мироновым и принятой в зарубежных историко-демографических исследованиях, различают **5 форм семейной организации**⁶:

- 1) семья, состоящая из одного человека;
- 2) группа родственников или не родственников, не образующих семьи, но ведущих общее хозяйство;
- 3) простая малая или нуклеарная семья;
- 4) расширенная семья;
- 5) составная семья:
 - а) большая патриархальная отцовская семья;
 - б) большая патриархальная братская семья⁷.

Согласно пятой форме семейной организации в семье могли проживать вместе несколько поколений одного предка, образующих 3–5 и более супружеских пар, объединяющих 15, 20, 30 и более человек. Эта форма организации в Новое время в Западной Европе уже не встречалась, и поэтому там в специальный тип не выделена.

Что касается типологии семей, то распределение по типам производится на основании анализа каждой семьи с точки зрения родственных отношений. Из-за недостатка соответствующих источников Б. Н. Миронов предлагает также приблизительный метод – построение типологии семей на основании величины семьи, поскольку между типом и величиной семьи существовала довольно тесная связь. Для этого необходимо знать, сколько человек в среднем включали малые,

расширенные и составные семьи⁸. Семьи численностью до 5 человек включительно чаще всего являлись малыми, в 6 человек – расширенными и в 7 и более – составными. Среди последних с числом членов 11 и более человек значительная часть относилась к большим семьям⁹.

Для получения более точных результатов воспользуемся двумя методами определения типологии семьи, предложенными Б. Н. Мироновым (приблизительным методом и на основе анализа родственных отношений), и построим следующую динамическую табл. № 1 количественного состава семей в немецкой колонии Гнилушка на основе наших подсчетов по ревизиям 1835 и 1857 гг.

Анализируя данные табл. № 1, можно видеть, что средняя наполняемость семьи, т. е. количество человек в одной семье в 1835 г., составляла 7,8 душ обоюбого пола и в 1857 г. – 10 душ обоюбого пола. Отсюда, опираясь на *приблизительный метод*, следует достаточно определенный вывод: семьи в основном были составными и даже большими. Так, максимальное количество членов семьи на момент проведения X ревизии доходило даже до 34 человек. Данный факт может свидетельствовать о том, что немецкие семьи в течение своего жизненного цикла не только не дробились, но и даже перерастали в своеобразные крупные семейные кланы, состоявшие из большого количества родственников, живущих вместе и ведущих одно хозяйство.

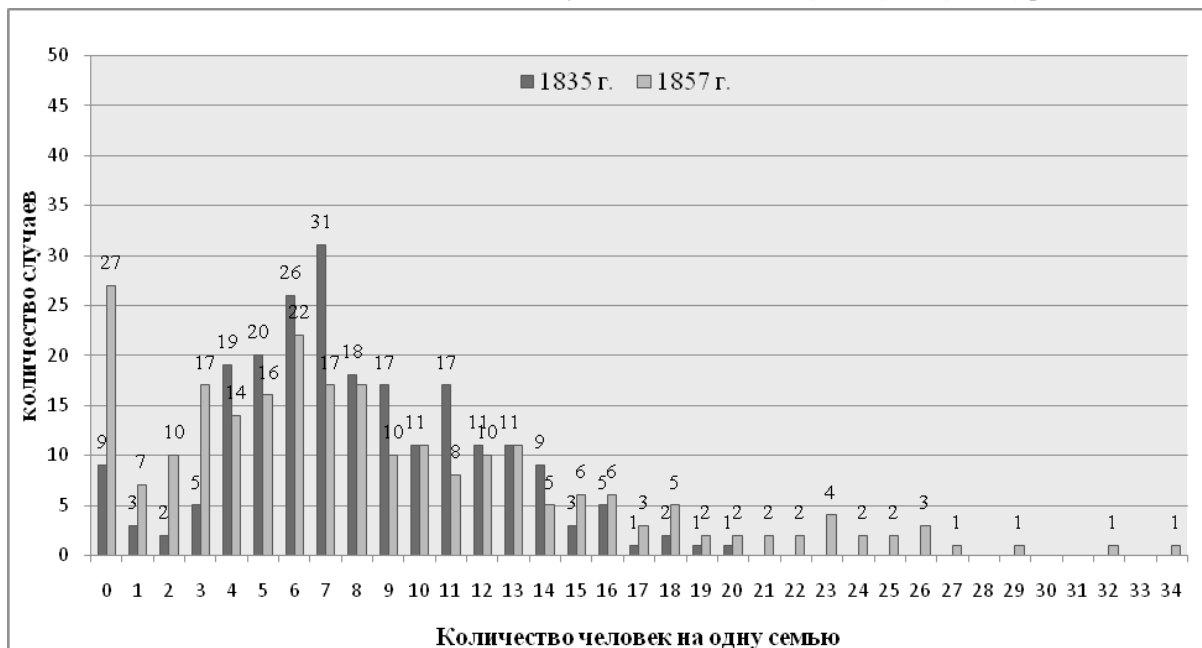
Используемая методика позволяет выявить и проследить тот примечательный факт для семейной демографии немецких колоний на Волге, когда со временем от семьи фактически оставался только ее порядковый номер (в 1835 г. таких случаев было 9, в 1857 г. – уже 27). Другими словами, на момент проведения ревизии по какой-либо причине (смерть всех членов семьи, например, была простая малая семья из пожилой супружеской пары, которая умерла, но порядковый номер продолжал числиться за этой семьей; отделение взрослых сыновей от своих родителей; переход или переселение как отдельных членов семьи, так и целой семьи в другие недавно образованные дочерние колонии с разрешения Конторы опекунов иностранных поселенцев) в семье отсутствовали все ее члены. Переселение в дочерние колонии было, пожалуй, основной причиной в резком увеличении случаев отсутствия членов семьи по данным X ревизии 1857 г. Такой поток переселенцев из Гнилушки (Пфайфер) в колонию Йозефсталь был в 1852 г. и в 1857 г., в колонию Мариенфельд массовое переселение наблюдалось в 1852 г. (в эти колонии переходили просто с дозволения Конторы).

Материал табл. 1 также свидетельствует об увеличении семей, состоящих из одного, двух и трех членов семьи. Такие семьи скорее всего являлись остатками от некогда больших семей, раздробившихся после ухода взрослых детей со своими женами на новые земли, выделенные для

Таблица 1

Количество человек в семье колонии Гнилушка по данным VIII (1835 г.) и X (1857 г.) ревизий

Примечание. Сост. по: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 28. Оп. 1. Д. 839. Л. 171–239; Д. 2185. Л. 184–283.

основания дочерних колоний. Основание и обустройство новых колоний требовало много сил, поэтому туда в основном переселялись молодые семьи, способные выдержать все тяготы и лишения, выпадавшие на их долю в первое время.

Дочерние колонии основывались из-за нехватки земли. Эта проблема возникала перед колонистами еще в конце XVIII в., о чем свидетельствовали многочисленные жалобы немцев в Экспедицию государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства в последующие десятилетия¹⁰. Юридическим основанием для образования новых колоний послужило высочайше утвержденное положение Комитета министров от 12 марта 1840 г., гласившее: «Утвердить предположение комиссии, которая была составлена для рассмотрения поданных колонистами просьб о наделении их землями по числу душ VIII ревизии, качество же земли колонисты бы определяли сами, а также выдать недоданное число десятин в 20-десятинную пропорцию на душу V ревизии и причитающиеся затем 15 десятин на душу по VIII ревизии; отмежевать наделы преимущественно из смежных с колониями или близких к ним земель; в отдаленности же избрать такие места и столь пространные участки, чтобы можно было основать несколько колоний, которые составили бы особый округ»¹¹.

Недостающую землю колонистам отвели из свободных казенных участков Новоузенского уезда в смежности с колонистскими дачами и из земель Эльтонского солевозного тракта¹². Однако распределение дополнительного надела представлялось крайне затруднительным: участки

оказались на значительном расстоянии от коренных водворений – от 50 до 250 верст и за рекою Волгою, через которую переправа не всегда была возможна и сопряжена для сельского населения со значительными затруднениями и расходами, а нередко и с опасностью для жизни. Ввиду этого представлялось невозможным взять угодья дополнительного надела в непосредственное пользование, следствием чего явилось заселение данных угодий выходцами из коренных колоний, как это и рекомендовалось указом 12 марта 1840 г.¹³

Для образования новых колоний потребовались десятки лет и громадные средства. Так проходили систематические выселения нескольких тысяч семейств на отводы Камышинского уезда и дополнительные наделы Новоузенского уезда в почти сотню колоний на обширной территории, составлявшей свыше 15 волостей¹⁴. При этом следует отметить, что колонистам нагорной (правобережной) стороны пришлось ждать дольше всех: они получили свои наделы в 1854–1859 гг., тогда как колонисты луговой (левобережной) стороны уже закончили переселение и устроили своих выходцев на новые места. По поводу организации переселений колонистов Д. Шмидт писал следующее: «Со стороны министерства государственных имуществ не было предоставлено никакой помощи. Саратовская контора тоже фактически осталась стоять в стороне. Организация переселения проводилась силами местного и окружного управлений»¹⁵.

Принимая во внимание, что образование дочерних колоний для немцев нагорной стороны проходило до момента проведения X ревизии, то

произошедшее переселение какой-то части жителей колонии Гнилушка отразилось на семейной организации, что как раз и прослеживается на материале табл. 1 и последующих данных, полученных при обработке ревизских сказок. Как было сказано выше, средняя численность семьи немецкой колонии Гнилушка составляла 7,8 душ обоюбого пола по VIII ревизии 1835 г. и 10 душ по X ревизии 1857 г., что соответствует принадлежности к составным семьям.

Для подтверждения достоверности полученных результатов рассмотрим структуру семей колонии Гнилушка, руководствуясь *вторым методом* Б. Н. Миронова, основанным на анализе родственных отношений (подробнее см. выше), для чего построим следующую табл. № 2.

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что пятый тип, соответствующий составной семье, превалировал в колонии Гнилушка над другими: 48,2% и 48,8% в 1835 и 1857 гг. Соответственно некоторые исследователи, среди которых М. Шолтычек, при рассмотрении сложных составных семей, не выносят в отдельный тип расширенную семью. С учетом данных четвертого типа превосходство составных семей станет неоспоримым: по 1835 г. – 59,4 %, по 1857 г. – 64,8 %. К такому же выводу мы пришли, используя приблизительный метод, что является неудивительным для изучаемого периода времени. Наличие большой семьи давало возможность заниматься земледелием и жить в основном за его счет. Процент малой семьи в среднем, по данным VIII и X ревизий, достигал 34,6 %, скорее всего с течением времени и эти семьи перерастали в составные. Лишь со второй

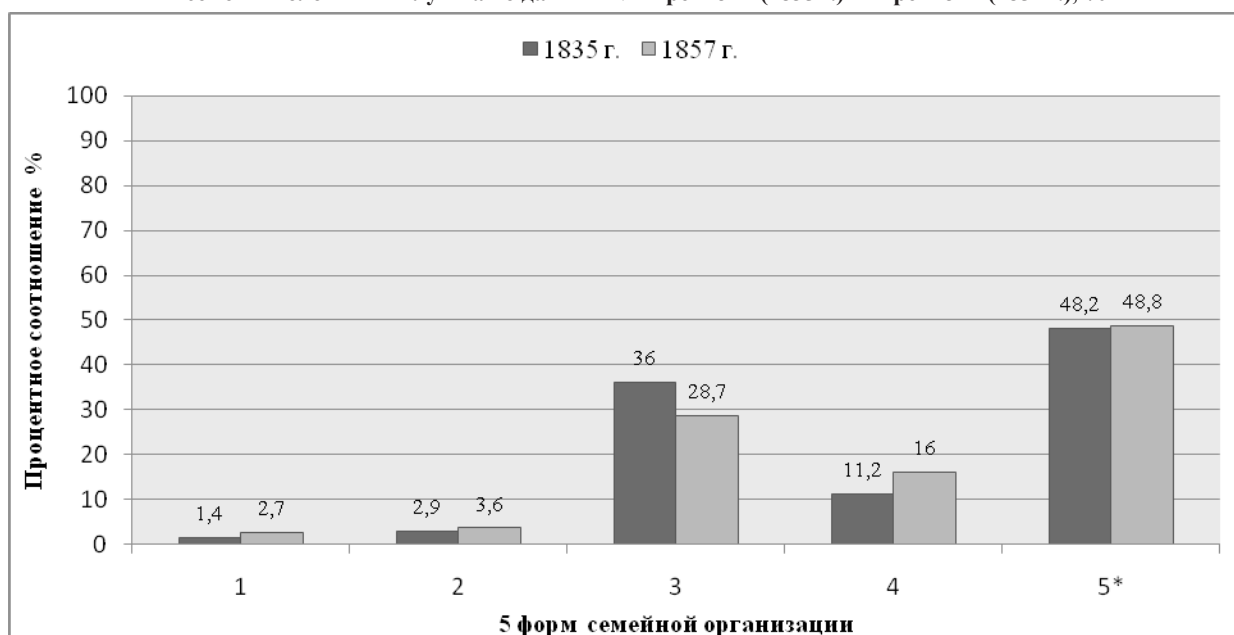
половины XIX в., т. е. с началом индустриализации, семьи начинали размельчаться. В целом же по Европейской России в 1850-е гг. средняя людность крестьянского двора составляла 8,4 человека, по неземледельческим Ярославской, Нижегородской и Пермской губерниям – 6,8. Таким образом, на основании этих данных можно предположить, что до эмансипации в русской деревне и в немецкой колонии преобладала составная крестьянская семья¹⁶.

Все приведенные группировки семей по типам дают представление о семейной организации крестьянства и колонистов на момент проведения ревизий. К тому же каждая семья была живым организмом, в течение своего существования она переживала жизненный цикл, испытывала рост, упадок и другие хозяйственно-морфологические процессы. При нормальных условиях малая, составная или большая семьи представляли собой отдельные стадии в этом цикле, ибо малая семья становилась составной, а составная семья после раздела превращалась в малые.

Как отмечалось ранее, Дж. Ханджнал утверждал о наличии уникального европейского типа, опираясь на данные ревизских сказок за 1835 и 1857 гг. Нами было установлено, что в изучаемой немецкой колонии на этот период времени значительно преобладало число составных семей. Это соответствовало восточно-европейскому или традиционному типу семейной организации. Вместе с тем, следует проверить данное заключение в сравнении и другими районами, где проживали немцы: в самих германских землях и в примыкавших к ним территориях Восточной Европы,

Таблица 2

Типы семей в колонии Гнилушка по данным VIII ревизии (1835 г.) и X ревизии (1857 г.), %

Примечание. Сост. по: ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 839. Л. 171–239; Там же. Д. 2185. Л. 184–283. * – Для удобства работы с данными таблицы пятый тип (составная семья) не разделяется на большую патриархальную отцовскую и братскую семьи.

которые располагались на стыке европейского и традиционного типа.

Для этой цели вначале воспользуемся материалами демографического исследования Михаила Шолтычка, который провел анализ структуры семей на начало XIX в. в церковном приходе Буяков в Верхней Силезии, состоявшем из нескольких деревень. Данный приход был избран автором не-случайно, так как находился в переходной зоне линии «Санкт-Петербург – Триест», что позволяло подтвердить или опровергнуть теорию Ханджнала. Приход Буяков являлся преимущественно аграрным, и формирование домохозяйств в его селениях происходило под строгим контролем помещика. По сути дела, как подчеркивает М. Шолтычек, в Буякове существовал один из вариантов системы так называемого «вторичного крестьянского владения собственностью, в основе которой было бессрочное право использования помещичьих земель, построек и инвентаря, но без права владения и передачи»¹⁷.

Особый интерес для компаративного анализа представляют данные по деревне Буяков, в которой проживали поляки, и деревне Кляйн-Панев, населенной немцами. На основе этих данных, используя типологию семей Б. Н. Миронова, была составлена табл. 3.

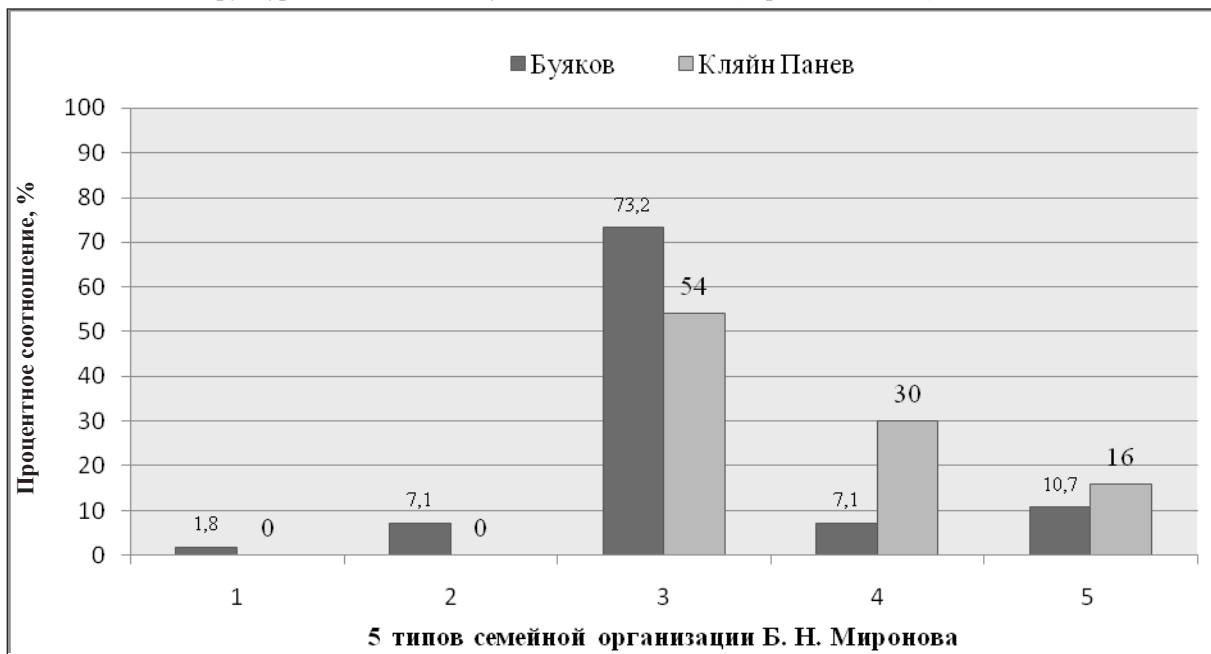
Из табл. 3 видно, что в силезских деревнях Буяков и Кляйн-Панев, в отличие от немецкой колонии Гнилушка, преобладал третий тип нуклеарной семьи: 73,2 % – в селе Буяков и 54 % – в

Кляйн-Паневе. Между тем данные по численному превосходству нуклеарных семей этих селений заметно отличались (почти на 20%). Именно это показывает принадлежность семей данного церковного прихода к промежуточному типу. М. Шолтычек не указал причины такой большой разницы в семейной организации, исследуемой польской и немецкой деревней в Верхней Силезии. Однако, как писал Дж. Ханджнал, «в некоторых районах «модернизация» могла вызвать некоторые сдвиги от традиционного типа в сторону европейского типа»¹⁸. В среднем же по церковному приходу Буяков нуклеарному типу соответствуют 69 % и только 27 % семей причисляются к составному типу. Структура семей данного церковного прихода, который находится в переходной зоне «Санкт-Петербург – Триест», соответствовала европейскому типу, тем не менее, доля составных семей в деревне Кляйн-Паневе достигала 30 %.

Рассмотрим теперь типологию семей прежней родины большинства колонистов на примере деревни Хюкер-Ашен в Вестфалии, относящейся к западноевропейскому типу. Необходимо отметить, что данная в целом аграрно ориентированная деревня характеризовалась большим включением крестьян в кустарное производство. По данным на 1843 г., здесь наблюдалось следующее соотношение по всему населению: 79,8 % нуклеарных семей против 7,3 % составных семей¹⁹. Несколько выше процент составных семей был у зажиточных крестьян: 73,3% нуклеарных семей и уже 20 % больших составных семей²⁰.

Таблица 3

Структура семьи селений Буяков и Кляйн-Панев (Верхняя Силезия) на 1803 г.

Примечание. Сост. по: Шолтычек М. Семья и домохозяйство в центральной Европе (на примере прихода Буяков в 18–19 вв. // Историческая демография: сб. ст. ; Демографические исследования / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. М., 2008. Вып. 14. Табл. 1, 2. С. 248–249.

Таким образом, на основе предоставленных сведений можно сделать вывод о том, что немецкие колонисты на Волге отказались от своей привычной западной модели семейной организации, т. е. от «европейского типа» к середине XIX в., а возможно, уже и в конце XVIII в. При этом поволжские немцы не развили нового типа семейной организации, а стали ориентироваться на существовавший пример большой составной семьи своих русских соседей, приспособившись к условиям сельского хозяйства и деревенской организации, перейдя таким образом полностью на восточно-европейский или традиционный тип, по Дж. Ханджналу. Очевидно, колонистам было удобнее проживать в большой составной семье, что облегчало ведение хозяйства и способствовало экономическому росту всей колонии. Проблема же острой нехватки земли, которая ощущалась еще в конце XVIII в., постепенно разрешалась переселением жителей колонии Гнилушка в новые дочерние колонии за Волгой на отведенные ей дополнительные земли. После чего удельный вес нуклеарных семей снижается к 1857 г. по сравнению с 1835 г. на 7,3 %, так как покидали родную колонию в основном молодые семьи, искавшие лучшую долю на новых землях. Они способны были выдержать все невзгоды первых лет при основании колонии и устройства привычного уклада, существовавшего в прежней колонии Гнилушка.

Примечания

- ¹ Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008. С. 8.
- ² Здесь приводится наиболее привычная для российской литературы версия фамилии автора Ханджнал вместо Хайнал, именно так звучит его фамилия – John Hajnal.
- ³ Дж. Ханджнал ввел этот термин «европейский тип» для обозначения территории Западной Европы, исключая Восточную Европу, хотя более точным было бы употребление термина «западно-европейский тип». Но из-за частного употребления данных формулировок и соображения краткости, автором были использованы данные термины. «Европа», как отмечал Ханджнал, – территория по сути историческая, нежели географическая (см.: Ханджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе (пер. с англ. В. Л. Гопмана) // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979).
- ⁴ В этот период, в возрасте от 20 до 30 лет, человек может работать с максимальным напряжением. Он здоров и не обременен заботой о детях. Таким образом, это наиболее благоприятный период, когда можно делать денежные накопления и карьеру, что отвечает потребностям индустриально развитых регионов.
- ⁵ Ханджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе (пер. с англ. В. Л. Гопмана) // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 14.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Питер Ласлетт, работая с поименными списками Англии, выделяет такую же типологию домохозяйств (под этим словом понимается местожительство, родство и совместная жизнедеятельность – household), возможно, Б. Н. Миронов при составлении данной классификации опирался на работу П. Ласлетта, которая вышла в 1972 г., на русский была издана несколько позднее (см.: Семья и домохозяйство : исторический подход. М., 1979. С. 136–139).
- ⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 223.
- ⁹ Там же. С. 225.
- ¹⁰ Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 220.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ-2). Т. XVIII, № 13255.
- ¹² Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 224.
- ¹³ Там же. С. 225.
- ¹⁴ Там же. С. 230.
- ¹⁵ Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Teil 1. Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkrieg. Pokrowsk, 1930. S. 215.
- ¹⁶ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 225.
- ¹⁷ Там же. С. 244–245.
- ¹⁸ Ханджнал Дж. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁹ Familie zwischen Tradition und Moderne. Göttingen, 1981. Tabl. 16. S. 174.
- ²⁰ Там же.

УДК [947+957]

ПОЛИТИКА «КОРЕНИЗАЦИИ» В АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИКАХ РСФСР В 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья)

А. А. Герман

Саратовский государственный университет
E-mail: a.a.german@mail.ru

В статье на примере АССР немцев Поволжья освещается проведение «коренизации» как элемента национальной политики Советского государства 1920-х гг., осуществлявшейся во всех союзных и автономных национально-государственных образованиях СССР. «Коренизация» должна была укрепить роль «титულიной» нации, но породила целый ряд новых проблем в межнациональных отношениях.

Ключевые слова: национальная политика, «коренизация», межнациональные отношения, 1920-е годы, национальный язык.

The Policy of «Indigenization» in the Autonomous Republics of RSFSR during the 1920s (Based on the Materials of Autonomous Republic of the Volga Germans)

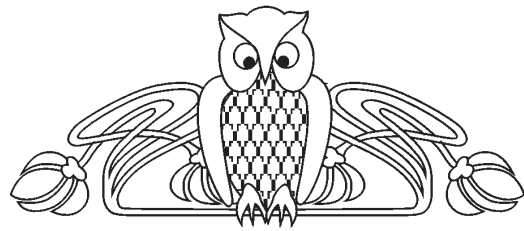
A. A. German

The article highlights the process of «indigenization» as an element of Soviet national policy. The research has been conducted on the example of Autonomous Republic of the Volga Germans. The «indigenization» was an element of Soviet national policy in 1920s, accomplished in all the nation-state formations of the USSR both Union and autonomous. The «indigenization» was supposed to consolidate the position of «titular» nation, but also caused a whole new set of problems in interethnic relations.

Key words: national policy, «indigenization», interethnic relations, 1920s, national language.

Политическая система, сложившаяся в АССР немцев Поволжья к концу 1920-х гг. ничем не отличалась от политической системы всего советского общества, сформировавшейся в результате победы сталинского направления в ВКП(б)¹. Сделанный вывод относится и к особенностям, связанным со статусом АССР НП как национально-территориального образования.

Прежде всего речь идет о так называемой «коренизации» – политико-культурной кампании, проводившейся с 1924 г. и направленной на усиление роли «титულიных» наций в соответствующих союзных и автономных образованиях. Кампания проходила по основным принципам «ленинской национальной политики», основывалась на Декларации прав народов России (1917 г.) и была призвана сгладить противоречия между политикой руководства Коммунистической партии, Советского государства и интересами национальных меньшинств, составлявших более половины населения стран, а также была призвана

укрепить большевистскую власть в нерусских районах страны путем формирования кадрового состава партийных, советских и хозяйственных учреждений из лиц коренной национальности,

В АССР немцев Поволжья политика «коренизации» началась весной 1924 г., т. е. спустя несколько месяцев после ее создания на основе существовавшей ранее Автономной области немцев Поволжья. 19 мая 1924 г. 2-я сессия ЦИК АССР НП приняла «Инструкцию по введению национального языка в АССР НП»². Инструкция вводилась «в целях приспособления аппарата АССР НП к быту населения и привлечения последнего к активному строительству и в целях популярности и доступности населению декретов и кодексов, издаваемых советской властью»³.

«Инструкция» предписывала проведение следующих мероприятий:

– все сёла и кантоны, имевшие двойное – русское и немецкое наименование, должны были до 1 августа 1924 г. перейти на «национальное» наименование, то есть если большинство населения села или кантона составляли немцы – за этими сёлами и кантонами закреплялись немецкие наименования. Кроме того, в этот же срок разрешалось ходатайствовать о переименовании сёл на новые «революционные» названия;

– все печати, штампы и вывески в немецких и смешанных русско-немецких кантонах и сёлах должны были иметь надписи на двух языках: немецком и русском, в украинских сёлах – на украинском и русском языках, в русских кантонах и сёлах – только на одном русском языке;

– на двух языках – немецком и русском – надлежало изготовлять все удостоверения, мандаты, дипломы, аттестаты и другие документы, имевшие республиканское значение, а также объявлять устно или в печати официальные приказы, постановления, инструкции, объявления и т. п., исходящие от республиканских органов власти;

– ведение делопроизводства в кантонах и сёлах предполагалось осуществлять на языке народа, составлявшего там большинство, если этот язык являлся одним из государственных языков АССР НП (немецкий, русский и украинский). В сёлах с местным языком, не являвшимся одним из государственных (татарский, казахский, эстонский и др.), делопроизводство на местном языке разрешалось вести только для «внутреннего употребления». Для общения таких сёл с кантонными

и республиканскими органами власти, а также с другими селами необходимо было пользоваться каким-либо государственным языком. Разнонациональные кантоны и сёла общались между собой на русском языке. Кантонным учреждениям разрешалось вести переписку с республиканскими учреждениями на языке, применяемом в кантоне. Центральные учреждения АССР НП своё внутреннее делопроизводство могли вести на русском языке, однако ответы на запросы мест и частных лиц должны были давать на языке запроса. Переписка с немецкоязычными кантонами велась только на немецком языке. Документы и дела ЦИК и Совнаркома АССР НП оформлялись на немецком и русском языках;

– государственные органы АССР НП должны были «стремиться к наибольшему привлечению на службу лиц, владеющих немецким, а там, где следует, – и украинским языками». С этой целью надлежало командировать «трудящуюся молодёжь» из немцев и украинцев в учебные заведения, при всех республиканских и кантонных учреждениях организовать «курсы-кружки» по обучению немецкому и украинскому языкам;

– во всех школах Немреспублики преподавание надлежало вести на языке «соответствующей национальности», причём в немецких и украинских школах русский язык должен был стать обязательной дисциплиной, в русских и украинских школах повышенного типа обязательным предметом становился немецкий язык;

– всем учреждениям государственного аппарата Республики немцев Поволжья предписывалось «немедленно обеспечить широким массам населения возможность переговоров... на местных языках (немецком, украинском и русском)».

Для реализации «Инструкции по введению национального языка в АССР НП» создавались соответствующие комиссии в республиканском центре Покровске и кантонных административных центрах в составе соответственно председателя ЦИКа и председателей кантисполкомов, наркома просвещения и заведующих кантонными отделами народного образования, представителей республиканских и кантонных партийных и профсоюзных органов. На комиссии возлагались функции по контролю за проведением в жизнь «Инструкции» государственными учреждениями всех уровней. Кроме того, вводилась система регулярных отчётов нижестоящих госучреждений перед вышестоящими о выполнении политики «коренизации». При необходимости предполагалось проводить «очистку учреждений Республики от элемента, затрудняющего проведение настоящей «Инструкции» и вообще шовинистически настроенного (без различия национальностей)». Все мероприятия по «коренизации» намечалось выполнить к 1 января 1926 года⁴.

Как показала практика, реализовать политику «коренизации» в Немреспублике, как это предписывалось «Инструкцией», оказалось делом

весьма сложным, а подчас и невыполнимым. Причём наибольшее противодействие политике «коренизации» оказывалось в верхних эшелонах управленческого аппарата.

Спустя два с лишним года, 13 июля 1926 г., то есть на 6 месяцев позже срока окончания «коренизации», намечавшегося в приведенной выше «Инструкции», состоялось заседание бюро обкома ВКП (б) АССР НП, рассмотревшее вопрос «Об итогах национализации соваппарата». Отмечались очень скромные успехи «коренизации»: на немецкий язык делопроизводство было переведено только в 4 кантонах, в орготделе ЦИКа и частично в ведомстве юстиции. Бюро вынуждено было констатировать «невнимательное отношение большинства центральных учреждений к проведению немецкого языка, вследствие чего в значительной степени ослабляется темп коренизации нижестоящих органов»⁵. Отметив «политическое значение» коренизации, «обуславливающей привлечение широких масс к непосредственному участию в политической и общественной жизни», бюро обкома потребовало принять «энергичные меры» к выполнению намеченных ранее планов «коренизации».

Однако в серьёзную проблему превратился и процесс «коренизации» самого партийного аппарата, поскольку в нём значительное количество партийных функционеров всех уровней не являлись немцами, не знали немецкого языка и, в силу своей малограмотности, невысоких способностей, а подчас и отсутствия желания, эти люди не смогли в указанные сроки изучить немецкого языка. Это отмечалось в ноябре 1926 г. на одном из очередных заседаний бюро обкома ВКП (б)⁶.

Довольно основательно итоги «коренизации» были проанализированы на майском (1927 г.) пленуме обкома ВКП (б) АССР НП. Не называя вещи своими именами, Пленум вынужден был всё же констатировать провал политики «коренизации». Даже за три с лишним года не удалось сделать и половины того, что намечалось сделать за два года. Достижения «коренизации» были весьма незначительны. Удалось осуществить преподавание на немецком языке в немецких сёлах во всех начальных школах, всего в девяти 7- и 9-летних школах, в нескольких техникумах, изготовить и внедрить в делопроизводство бланки, штампы, печати с немецкими и русскими надписями, издать несколько раз на немецком языке начиная с 1926 г. постановления сессий ЦИКа и съездов Советов, некоторые другие руководящие документы, полностью «оформить» немецкие наименования населённых пунктов.

В то же время практически ни один из кантонов, где это положено было сделать, не смог перевести на немецкий язык делопроизводство своих партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, хозяйственных и других учреждений. А в таких кантонах, как Зельманский, Бальцерский, Палласовский, Фёдоровский, Краснокутский,

отмечалось «почти полное отсутствие перехода к немецкому языку в делопроизводстве»⁷.

Резкой критике был подвергнут Наркомпрос АССР НП за «полное отсутствие организации» курсов по подготовке и переподготовке работников по немецкому делопроизводству и изучению немецкого языка вообще. Отмечались также большой недостаток немецкой литературы и «нежизненность комиссий по введению национального языка».

Оценивая причины неудач в «коренизации», обком ВКП (б) Немреспублики сослался на ряд объективных трудностей и собственные ошибки. В качестве объективных трудностей были названы: неурожай 1924 г. и его последствия, потребовавшие отвлечения многих сил; отсутствие необходимого количества финансовых средств, ввиду неутверждения Центром представленной ему сметы на проведение «коренизации». Своими ошибками обком назвал: отсутствие достаточной плановости, системы и решительности в работе; слишком одностороннюю установку на госаппарат, при этом оставлены почти без внимания хозяйственные, кооперативные и общественные организации; непринятие мер к тому, чтобы преодолеть безынициативность со стороны только что названных организаций, «частично явное нежелание и сопротивление не только всего аппарата того или иного учреждения, но и самого руководителя последнего всяким начинаниям по проведению инструкции»⁸.

Последнее, наряду с объективными трудностями, нам представляется одной из основных причин провала «коренизации». Сформировавшийся к концу 1920-х гг. интернациональный бюрократический аппарат в партийных, советских и других органах, ведомствах и учреждениях был вполне доволен своим положением, создав себе определённый комфорт. Требования «коренизации» заставляли его предпринимать усилия в направлении, не сулившем никаких конкретных выгод и, следовательно, создавали дискомфортное положение. Поэтому и существовало скрытое сопротивление «коренизации» не только со стороны русскоязычных бюрократов, но и чиновников-немцев.

Майский пленум немобкома ВКП (б) потребовал «впредь более решительно и планомерно проводить коренизацию учреждений и организаций нашей республики, обращая при этом особое внимание на подтягивание отстающих...»⁹. Пленум принял постановление, в котором уточнил и развил в сторону ужесточения ряд положений инструкции по «коренизации» 1924 г.

В частности, в постановлении содержались требования, вроде следующих: «считать знание немецкого языка сотрудниками учреждений обязательным», «обязать партийцев-активистов русской национальности, работающих в центральных учреждениях и в немецких и смешанных кантонах, в течение полутора лет изучить немецкий язык» и т. п.¹⁰

После майского пленума обкома ВКЛ (б) АССР НП при проведении политики «коренизации» существенно усилились элементы администрирования, так называемые «перегибы». Это привело к обострению отношений между немцами и русскими в некоторых республиканских и кантонных организациях и учреждениях. Так, например, бюро обкома партии вынуждено было рассматривать вопрос о проявлении национального антагонизма между немцами и русскими в Старо-Полтавской кантонной парторганизации. В этом практически на сто процентов русском кантоне пытались заставить силой изучать немецкий язык. Серьёзный конфликт на национальной почве в связи с «коренизацией» произошёл в Наркомате земледелия¹¹.

Ужесточение политики «коренизации», как видим, вело к обострению межнациональных отношений и в то же время каких-то ощутимых результатов не давало. В 1927 г. ЦИК АССР НП дважды (27 мая и 10 октября) принимал суровые постановления, требовавшие составлять во всех госучреждениях специальные календарные планы по выполнению мероприятий «коренизации», однако и это не помогало. В марте 1928 г. бюро немобкома в очередной раз, произведя проверку выполнения директив по «коренизации» в наркоматах АССР НП, вновь пришло к неутешительным выводам: несмотря на некоторый сдвиг, в целом программа «коренизации» выполняется с большими отставаниями и крайне неорганизованно. Отмечались равнодушие, пассивность сотрудников наркоматов, непосещение ими кружков по изучению и совершенствованию немецкого языка, «отсутствие достаточно серьёзной постановки вопроса как со стороны партячеек, профсоюзных органов, так и со стороны самих руководителей наркоматов...» Бюро обкома потребовало выполнения постановлений ЦИКа АССР НП 1927 г. и решило «в целях наилучшего обслуживания населения на национальном языке держать курс на замену инспекторов, не знающих немецкого языка, – работниками, знающими и немецкий, и русский язык»¹². Однако в условиях острейшего дефицита подготовленных кадров это решение оставалось практически невыполнимым.

В целом политика «коренизации», наряду с хозяйственно-политическими мероприятиями, и прежде всего хлебозаготовками, с политикой усиления командно-административных методов управления во всех сферах общественной жизни, к концу 1920-х гг. привела к определённому ухудшению межнациональных отношений в Немреспублике. На бытовом уровне значительно вырос русский национализм, явившийся своеобразной реакцией русского населения на проводившиеся в Немреспублике кампании. Представляется, что партийное руководство АССР немцев Поволжья довольно точно увидело его источники в непосредственной и двуличной политике Центра: «Представьте себе, что Москва даёт определённые

директивы, а места выполняют эти директивы. Те, над которыми выполняются эти директивы, рассуждают так: «Калинин писал, что не надо делать нажим в хлебозаготовках, Рыков писал, что не надо насильно распространять облигации, ясно, что Покровск это делает, тут немцы виноваты...» У нас говорят, что «немцы нас насилуют», – это самый простой перевод какого-нибудь политического вопроса на национальный язык»¹³. На практике антинемецкие настроения определённой части русского населения вылились, в частности, в стремление ряда русских сёл Золотовского, Старо-Полтавского, Каменского, Покровского кантонов выйти из Немреспублики и войти в состав соседней Саратовской губернии¹⁴.

Та же политика Центра вызывала антирусские настроения среди некоторой части немецкого населения, особенно в сёлах. Руководство Немреспублики с этой стороны подвергалось критике за то, что слепо идёт на поводу у Москвы и не отстаивает интересов немецких крестьян. Существенная часть немецкого населения выражала своё недовольство и несогласие с решением о вхождении Немреспублики в состав Нижне-Волжского края, не без оснований опасаясь, что этот политико-административный акт приведёт к дальнейшему ущемлению самостоятельности и национальной специфики поволжских немцев во всех сферах общественной жизни¹⁵.

Серьёзно обеспокоенное положением дел, сложившимся в сфере межнациональных отношений, партийно-советское руководство АССР НП требовало от местных партийных организаций «подняться над уровнем обывательщины», превратить празднование предстоящего 10-летнего юбилея Немреспублики в «торжество националь-

ной политики всей нашей партии». Однако пока существовали источники, порождавшие бытовой национализм, невозможно было добиться полной межнациональной гармонии. «Торжества» национальной политики ВКП (б) в АССР НП так и не получилось.

С началом «развернутого наступления социализма по всему фронту» в начале 1930-х гг. «коренизация» не только сошла на нет, но вектор национальной политики был повернут в прямо противоположную сторону. Всякие попытки развития национально-культурных особенностей как правило, становились фактором обвинения в «буржуазном национализме».

Примечание

- ¹ Подробнее см.: Герман А. А. Немцкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007. С. 163–247.
- ² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 771. Л. 40–41, 45.
- ³ Там же. Л. 40.
- ⁴ Там же. Л. 41 об.
- ⁵ Там же. Д. 891. Л. 160.
- ⁶ Там же. Л. 227.
- ⁷ Там же. Д. 1340. Л. 248 об.
- ⁸ Там же. Л. 247.
- ⁹ Там же. Л. 249.
- ¹⁰ Там же. Л. 250.
- ¹¹ Там же. Д. 1323. Л. 64, 120.
- ¹² Там же. Л. 65.
- ¹³ Там же. Д. 179. Л. 157.
- ¹⁴ Там же. Д. 1323. Л. 157, 158.
- ¹⁵ Там же. Л. 158.

УДК [373+377].091] (470.44–25) [1920/1930]

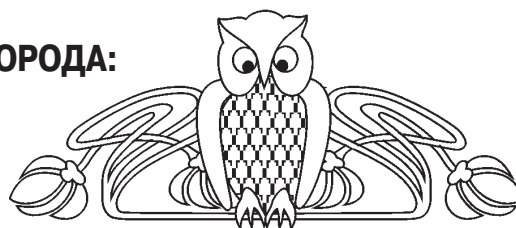
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ГОРОДА: ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920–1930-е гг. (на примере г. Саратова)

Т. А. Соловьева

Саратовский государственный университет
E-mail: civilrus@mail.ru

Статья посвящена вопросам школьного и профессионально-технического обучения в 1920–1930-е гг. На базе архивных материалов и периодики автор показывает один из важных аспектов повседневной жизни – изменения в системе образования.

Ключевые слова: система образования, школа, техникум, курсы, профессиональная школа, идеологизация образования.

The Daily Life of a Soviet Provincial City: Changes in a School and Vocational Education in 1920-1930-ies (by the Example of Saratov)

T. A. Soloviova

The article is devoted to the problems of school and vocational education in 1920–1930-ies. On the basis of archival material and periodicals the author shows one of serious aspects of a daily life – changes in an education system.

Key words: educational system, school, technical school, courses, professional school, ideologization of education.

Образование является важным аспектом повседневности, поскольку представляет процесс развития личности, связанный с овладением накопленным человечеством социального опыта. Большевики придавали особое значение организации новой системы народного образования, необходимой для общеобразовательной и профессиональной подготовки населения. Школа должна была стать проводником коммунистических идей.

Школьная система дореволюционной России была крайне сложной. Начальная общеобразовательная школа включала в себя различные типы и ступени учебных заведений: одноклассные начальные училища с трёх- или четырёхлетним курсом обучения, двухклассные училища с пятилетним (реже шестилетним) сроком обучения, четырёхклассные высшие начальные училища. Наиболее распространёнными типами средних школ являлись мужские и женские гимназии, реальные и коммерческие училища. Кроме них существовали такие учебные заведения, как Институт благородных девиц, кадетские корпуса, духовные училища и семинарии, акушерско-фельдшерские курсы, художественные и ремесленные училища и т.д. К высшей школе относились университеты, институты, высшие курсы, консерватория и др.¹

Сеть учебных заведений г. Саратова в 1916 г. выглядела следующим образом: 18 мужских, 16 женских и 16 смешанных начальных школ, 6 приходских городских училищ, 31 учебное заведение духовного ведомства (из них 24 женских заведения). К неполным средним общеобразовательным учреждениям относились 5 высших начальных училищ, 2 двухклассных училища общества РУЖД. Систему среднего образования представляли 12 гимназий, 2 реальных и 1 коммерческое училища, Институт благородных девиц. Кроме того, в городе имелись 4 воскресные школы и одни вечерние курсы для взрослых, а также 11 специальных училищ и школ (например, торговая школа, училище рисования и т. д.)².

Положение о единой трудовой школе от 5 сентября 1918 г. нанесло сокрушительный удар по дореволюционной системе образования. Существовавшие образовательные учреждения ликвидировались, вместо них создавалась советская единая трудовая школа с разделением на I и II ступени³. Осенью 1918 г. в Саратове имелось 60 школ первой ступени и 10 – второй. Обучение становилось совместным и бесплатным⁴. В 1919 г. в Саратове открылись одногодичные курсы для подготовки преподавателей школы первой ступени⁵. Возглавляла Саратовский отдел народного образования С. К. Минина⁶.

Школа первой ступени предназначалась для детей в возрасте 8–12 лет и состояла из 4 возрастных групп, представлявших первый концентр. По сути, I ступень представляла собой начальную школу по усвоению навыков грамотности и элементарных сведений в области научных знаний. Школа второй ступени обучала детей 12–17 лет и

содержала 5 возрастных групп, из которых первые три являлись вторым концентром, а последние две – третьим концентром. Фактически, школа второй ступени являлась средней школой с 5 по 7 или с 5 по 9 класс, давала элементы общего образования и готовила к поступлению в высшие учебные заведения⁷.

На протяжении 1920-х гг. отмечалось сокращение числа школ первой и второй ступени. Так, если в 1922 г. в Саратове имелась 51 школа первой и 14 второй ступени, то в 1927–1928 гг. их уже осталось 30 и 9 соответственно⁸. Тяжёлое материальное положение и недостаточность государственных средств, выделяемых на школьное образование, обусловили уменьшение ряда учебных заведений. Кроме того, школы первой и второй ступени, по существу, вытеснялись новым типом учебных заведений: школами-семилетками и девятилетками. Семилетние школы, появившиеся в начале 1920-х гг., рассматривались Наркомпросом РСФСР как соединение первой ступени с первым концентром второй ступени. В Саратове первая семилетняя школа открылась в октябре 1922 г.⁹

Большое распространение с 1925 по 1934 г. получила фабрично-заводская семилетка (далее – ФЗС) – общеобразовательная семилетняя школа, дававшая учащимся общее и политехническое образование и готовившая их к поступлению в ФЗУ (школу фабрично-заводского ученичества) или 8 класс средней школы. Потребность в такой школе испытывали промышленные районы страны. ФЗС базировалась на предприятиях, с помощью которых оборудовала свои мастерские и лаборатории и осуществляла всю хозяйственную и учебно-воспитательную работу. С 1931 г. ФЗС стала основным типом общеобразовательных школ в городах и промышленных центрах. По данным 1932 г. в Саратове имелось 22 школы ФЗС¹⁰.

К началу 1930/31 учебного года в Саратове в соответствии с постановлением СНК РСФСР «О реорганизации трудовых школ второй ступени» местными органами власти было предпринято преобразование старших групп в техникумы. Так, школа № 5 первой ступени стала промышленно-экономическим техникумом, школа № 7 второй ступени – техникумом радио и кино, школа № 1 второй ступени – русским педтехникумом, школа-девятилетка № 11 – техникумом общественного питания и т. д.¹¹

Таким образом, сеть школьных учреждений по-прежнему, как и до революции, представляла запутанную систему: наряду со школами первой и второй ступени существовали семи- и девятилетние школы и школы ФЗС. Фактически, школьные заведения дублировали друг друга. Преобразование старших классов и групп в техникумы ещё больше осложнило ситуацию в сфере народного образования.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О структуре начальной и средней школы в СССР», принятое в 1934 г., установило более чёткую

структуру. Отныне основными типами учебных заведений стали начальная (1–4 класса), неполная средняя (1–7 класс) и средняя школа (1–10 класс). Существовавшие в школах группы окончательно переименовывались в классы¹². С 1934 г. ФЗС превратилась в неполную среднюю или среднюю школу, а учебные заведения первой и второй ступени исчезли окончательно¹³.

В 1933 г. в Саратове насчитывалось 20 начальных, 16 семилетних и 13 средних школ, а в 1938 г. их количество возросло до 29, 24 и 32 соответственно. Число учащихся в 1938 г. составило 61,27 тыс. чел. против 31,4 тыс. чел. в 1933 г.¹⁴

В 1934 г. в городских школах работало 993 учителя, в 1938–1939 гг. – 1884 чел.¹⁵ Таким образом, в конце 1930-х гг. в среднем на одного учителя приходилось 32,5 ученика, что вполне соответствовало общепринятой норме¹⁶. В то же время многие молодые люди, окончившие среднюю школу, не подавали документы в Педагогический институт «из-за низкой оплаты преподавательского труда и сложности педагогической работы»¹⁷. Этими же причинами объяснялся и большой отсев учащихся из института. Следует отметить, что руководство данного вуза учло сложившуюся ситуацию и попыталось её исправить. В 1939 г. преподаватели Пединститута посетили все средние школы г. Саратова и 40 школ области, «рассказывали об условиях учёбы в институте, звали молодёжь к благородной профессии народного учителя»¹⁸. Кроме того, в школы и отделы народного образования соседних областей рассылались специальные плакаты-газеты, объяснявшие условия приёма и учёбы в институте¹⁹. Результат такой агитационной кампании не заставил себя ждать: в 1939 г. было подано 1200 заявлений на 600 мест. Пединститут, наряду с Медицинским институтом и Госуниверситетом, стал популярным учебным заведением в области²⁰. Кроме Пединститута, подготовку школьных работников в Саратове осуществлял и педагогический техникум. К этой же группе учебных заведений относились также и техникумы физической культуры, иностранных языков, художественный и музыкальный²¹.

Финансовое положение школ в первые годы советской власти признавалось тяжёлым. Голод и экономическая разруха начала 1920-х гг. негативно сказались на системе народного образования, и «грандиозная сеть просвещения оказалась без материальной базы и денежных средств»²². К материальному содержанию учебных заведений привлекались общественные организации, фабрично-заводские предприятия, советские учреждения.

С 1926 г. в Саратове вводилась оплата учёбы школ второй ступени с учётом классового принципа и материальной обеспеченности родителей. Учащиеся первой ступени от платы освобождались²³. Аналогичные процессы происходили и в других регионах. Например, Ярославский губисполком в начале 1920-х гг. признал возможным допустить введение платного обучения в школах

I и II ступеней. В Тюмени на содержании государства в 1922 г. осталось лишь 275 школ I ступени, а остальные 725 переводились на содержание населения. Однако введение платы за школьное обучение было вынужденной и временной мерой, обусловленной больше экономической необходимостью, чем классовым характером социальной политики. В тех регионах, где местный бюджет позволял финансировать работу школ, начальное обучение оставалось бесплатным²⁴.

Кроме того, широкое распространение по стране получила помощь «личным трудом» родителей учащихся, которые ремонтировали помещение и мебель, убирали территорию, привозили дрова, солому для вытирания обуви. Практиковались взносы родителей на закупку школьного оборудования и канцелярских товаров. Однако, по мнению учителей, родительские взносы были каплей в море, поскольку на закупку школьных принадлежностей требовались такие огромные средства, какие нельзя было достать ни у родителей, ни в отделах образования²⁵.

Снабжение школ инвентарём и мебелью не всегда находилось на должном уровне. В 1922 г. школы второй ступени были обеспечены партами на 40%, кроме того, в них почти не имелось классных досок и учительских столов. Наблюдался огромный недостаток в учебных заведениях перьев, чернил, бумаги²⁶. На Саратовском губернском съезде Советов в 1922 г. отмечалось, что в 1921 г. «нельзя было заниматься хотя бы только потому, что нечем было писать – ни карандашей, ни ручек, ни чернил, ни перьев – нечем было писать, нечего было читать»²⁷. Впрочем, низкий процент обеспеченности школ канцтоварами (тетрадами, альбомами и чернильницами) сохранялся и в 1930-е гг.²⁸

В то же время к началу 1930-х гг. в саратовских школах значительно улучшилось снабжение детей горячими завтраками. Так, в 1931 г. их получали 68,5% учащихся, а в 1934 г. – 97 %²⁹.

Большое внимание в учебных заведениях уделялось антирелигиозному аспекту в обучении. Советская школа воспитывала «трудящуюся молодёжь в духе выработки в ней правильного марксистского мировоззрения, лишённой всякой религиозности, в духе создания активных безбожников-атеистов»³⁰. Кроме того, педагоги должны были прививать учащимся чувство пролетарского интернационализма путём организации праздников, художественных мероприятий, переписки с национальными республиками, проведения политчасов³¹. Большое распространение в школах получил принцип пролетарского коллективизма, заключавшийся в создании «действительного коллектива детей, спаянного общностью цели, борьбы и переживаний»³². Подчинение личных интересов интересам коллектива и «рабочего класса в целом» внушалось детям ещё со школьной скамьи³³. Таким образом, школа являлась «орудием внедрения в народную толщу совре-

менной науки, искусства, классовой морали и философии эпохи»³⁴.

На рубеже 1920–1930-х гг. в городских школах между классами развёртывались социалистические соревнования под лозунгами борьбы за качество учёбы и укрепления дисциплины³⁵. Метод соревнований, ставший достаточно популярным, имел тесную связь с процессами индустриальной модернизации страны и часто формально копировал традиционные обязательства передовиков производства.

Приведём в качестве примера обязательство ударника-учащегося одной из саратовских школ: «1) выполнять производственный план на 100%, 2) 100% посещаемость школы, 3) 100% дисциплина в школе, 4) 100% выполнения уроков на дому, 5) 100% санминимум, 6) 100% займ»³⁶. Первый и шестой пункты этого договора сразу вызывают сомнения: в учебных заведениях не могло быть никакого производственного плана или подписки на займы среди учеников. Зачастую соревнование превращалось в пустую формальность, отписку. Доказательством этого может служить записка о соревновании, написанная одним из учеников 2 класса: «Я, ученик 2 гр. А, вызвал своего соседа на соревнование. Мы соревновались так. Кто будет тихо сидеть»³⁷.

В столовых некоторых школ, как и на предприятиях, выделялись отдельные столы для ударников. По свидетельству одной из учительниц школы № 9, введение ударного стола «вызвало зависть, сыпались насмешки, и за столом сидело обычно 2–3 человека, стесняясь перед товарищами»³⁸.

Социалистические соревнования проводились не только между школами или классами, но и между самими учащимися. В местных газетах часто публиковались вызовы от отдельных учеников своим товарищам, а также их обещания исправить оценки и улучшить дисциплину³⁹.

Большое развитие получила политехнизация учебного процесса. Так, 1931 г. 42 саратовские школы из 53 были прикреплены к предприятиям, в 1933 г. – уже 49 из 58 школ, а в 1934–1935 гг. все 60 городских школ базировались при фабриках и заводах⁴⁰.

Систему профессионально-технического образования представляли техникумы, профессиональные школы, курсы, школы ФЗУ. Школы ФЗУ занимались подготовкой квалифицированных рабочих. Первые школы ФЗУ появились в 1920–1921 гг. Обычно они устраивались при крупных предприятиях. В Саратове в начале 1920-х гг. школы ФЗУ существовали при Гвоздильном заводе (им. Ленина), при Главпочтамте и телеграфе, заводе «Сотрудник», мебельной фабрике, Полиграфе и др.⁴¹ К концу 1930-х гг. в Саратове имелось 15 школ ФЗУ с охватом 12900 учащихся⁴².

Профессиональная школа представляла низшее профессионально-техническое учебное заведение, имевшее целью подготовку квалифи-

цированных рабочих и низшего административно-технического персонала для различных отраслей народного хозяйства⁴³. На 1 января 1923 г. в Саратове имелось 7 профессиональных школ: полиграфическая, первая механическая, вторая механическая, столярная, текстильного производства, деревообделочников, акушерско-сестринская⁴⁴. Кроме того, к началу 1923 г. работали Автокурсы и курсы Нарсвязи⁴⁵. С целью вовлечения в систему профтехобразования женщин к 1930 г. открылись чулочно-трикотажные курсы, I и II государственные школы кройки и шитья и т. п.⁴⁶

Техникум был профессиональным учебным заведением, готовившим специалистов средней квалификации для всех отраслей производства. Объём общеобразовательных знаний учащихся техникума первоначально соответствовал второму концентру школ второй ступени⁴⁷ (позже – уровню 8–10 класса средней общеобразовательной школы). Количество техникумов быстро увеличивалось. Так, если к началу 1920-х гг. их насчитывалось 4, то в 1933 г. уже 21, а в 1938 г. – 23. В конце 1930-х гг. в техникумах обучалось 5107 человек⁴⁸.

Многие техникумы находились в тяжёлом положении, поскольку не имели собственного помещения. Студенты библиотечного техникума учились с 3 до 8 часов вечера в здании педагогического техникума⁴⁹. Техникум иностранных языков проводил занятия в классах татарской школы во второй половине дня⁵⁰. Физкультурный техникум совершенно не имел учебного корпуса, спортивного зала и общежития⁵¹.

Таким образом, большевики уничтожили систему образования дореволюционной России, установив единую советскую трудовую школу. В 1920-е гг. существовали различные типы учебных заведений: школы первой и второй ступени, семи- и девятилетки, ФЗС. Положение 1934 г. определило более чёткую структуру, и основными типами учебных заведений стали начальная, неполная средняя и средняя школы. В связи с тяжёлой социально-экономической ситуацией в начале 1920-х гг. в школах недоставало учебников, канцелярских товаров, оборудования. Слабая материальная база учебных заведений вынудила их руководство даже установить платность обучения в 1920-е гг. Однако необходимо отметить, что серьёзным достижением молодого советского государства к концу 1930-х гг. стал охват практически всех детей школьным образованием.

Школа рассматривалась как орудие государственной политики, а преподаватели уделяли много внимания воспитанию нового советского человека. Активная антирелигиозная работа, политчасы проводились в школах зачастую в ущерб основным занятиям. В детях воспитывалось чувство пролетарского интернационализма, коллективизма, коммунистическое отношение к труду, изживалось чувство собственности, велась борьба с религиозными предрассудками.

Система профессионально-технического образования включала техникумы, профессиональные школы, курсы и школы ФЗУ. Организацию учебного процесса осложняли недостаток учебников, отсутствие помещений. Однако, несмотря на тяжёлые условия, количество учащихся ежегодно увеличивалось, что можно объяснить энтузиазмом молодёжи, стремившейся получить профессию и принести пользу родной стране.

Примечание

- 1 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 12а. Л. 2.
- 2 Там же. Л. 23об.-25об.
- 3 См.: Об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) // СУ РСФСР. 1918. №74. С. 812.
- 4 См.: Пять лет пролетарской борьбы. Саратов, 1922. С. 87–88.
- 5 Там же. С. 88.
- 6 См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 2523. Л. 5 ; Там же. Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 12а. Л. 26об.
- 7 Там же. Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 12а. Л. 30 ; Денисова М. А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы : на материалах города Курска : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010. С. 37–38.
- 8 См.: Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1923. С. 100, 101 ; Статистический ежегодник (справочник) на 1928 г. Саратов, 1928. С. 39, 43.
- 9 См.: ГАСО. Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 12а. Л. 34 об.
- 10 Там же. Л. 37, 39.
- 11 См.: О реорганизации трудовых школ II ступени // СУ РСФСР. 1930. №36. С. 464 ; ГАСО. Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 12 а. Л. 38.
- 12 См.: О структуре начальной и средней школы в СССР // СУ РСФСР. 1934. №26. С.205.
- 13 См.: ГАСО. Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 12а. Л. 39об.
- 14 Там же. Ф. Р-2650. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.
- 15 См.: Материалы к отчёту Саратовского городского совета РК и КД с 1934 по 1 июля 1939. Саратов, 1939. С. 36.
- 16 См.: Корноухова Г. Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 119.
- 17 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 749. Л. 131 об–132.
- 18 Коммунист. 1939. 18 июля. № 163. С. 4.
- 19 Там же. С. 4.
- 20 Коммунист. 1939. 18 июля. № 163. С. 4.
- 21 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 3. Л. 7.
- 22 Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 2523. Л. 12.
- 23 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 40. Л. 154.
- 24 См.: Смирнова Т. М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 31.
- 25 См.: Смирнова Т. М. Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1917–1930 гг. для современной России // Социальная история : ежегодник. 2009. СПб., 2010. С. 317–318.
- 26 См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 801. Л. 154.
- 27 XII Саратовский губернский съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 15–18 декабря 1922 г. Стенографический отчёт. Саратов, 1922. С. 120.
- 28 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 764. Л. 67.
- 29 См.: Материалы к отчёту Саратовского горсовета XIX созыва 1931–1934. Саратов, 1934. С. 21.
- 30 Антирелигиозное воспитание в школе // На культурном фронте. 1930. № 3. С. 29.
- 31 См.: Лир В. Основные вопросы коммунистического воспитания // На культурном фронте. 1930. № 14. С. 8–9.
- 32 Там же. С. 7.
- 33 Там же.
- 34 Егер В. Ю. Школьный работник и антирелигиозное воспитание в школе // Нижне-Волжский просвещенец. 1928. № 1–2. С. 73.
- 35 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.
- 36 Там же. Л. 3.
- 37 Там же. Л. 6об.
- 38 Там же. Л. 4–5.
- 39 См.: например: Саратовский рабочий. 1933. 3 сентября. № 202. С. 3.
- 40 См.: Материалы к отчёту Саратовского горсовета XIX созыва 1931–1934. Саратов, 1934. С. 21.
- 41 См.: ГАСО. Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 12а. Л. 34об.
- 42 Там же. Ф. Р-2650. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.
- 43 См.: Об утверждении положения о профессионально-технических школах // СУ РСФСР. 1926. № 18. С. 139.
- 44 См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 435. Л. 9 об.
- 45 Там же.
- 46 См.: ГАСО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 44.
- 47 См.: Положение о техникумах // СУ РСФСР. 1926. № 1. С. 4.
- 48 См.: ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.
- 49 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 771. Л. 47.
- 50 Там же. Д. 749. Л. 134 об.
- 51 Там же. Д. 1814. Л. 6.

УДК 94(47)

ВЛАСТЬ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1953): РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Л. А. Моисейченко

Саратовский государственный университет
E-mail: moiseichenkoLA@mail.ru

В статье на основе архивных документов и местной периодической печати анализируются духовно-нравственное состояние общества, возросшее самосознание народа-победителя, идеологические кампании и государственно-церковные отношения в регионе, приверженность партийно-государственного руководства прежним методам управления.

Ключевые слова: власть, общество, интеллигенция, духовная сфера, религия, выборы, патриотизм, демократия.

**Authority and Moral State of Society in Post-war Period
(1946–1953): Regional Aspect**

L. A. Moiseichenko

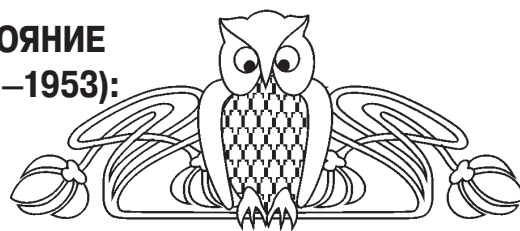
The article gives the analysis of moral state of society, increased self-consciousness of the nation-winner, ideological campaigns and relations between the state and the church in the region, commitment of the party and public administration to former methods of government on the basis of archive documents and local periodicals.

Key words: authority, society, intelligentsia, moral values, religion, elections, patriotism, democracy.

С победой в Великой Отечественной войне произошли изменения в общественно-политических настроениях в обществе, духовной сфере, создавался нравственно-психологический настрой на будущую мирную жизнь. В самосознании народа отчетливо проявились ожидания большой свободы, демократизации режима, несмотря на приверженность партийно-государственного руководства страны прежним методам управления.

9 мая 1945 г. Саратов ликовал. На общегородском митинге горожане праздновали разгром «поверженной в прах гитлеровской Германии»¹. Массовые митинги прошли во всех районных центрах, предприятиях, колхозах, совхозах. Звучали единодушные обязательства залечить нанесенные войной раны. В Вольске рабочие завода «Большевик» обещали дать в мае 1,5 тыс. сверхпланового цемента². Областная газета «Коммунист» в рубрике «Вахта Победы» систематически публиковала стахановские достижения рабочих и колхозников³.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы явился «боевой программой жизни, борьбы и труда саратовской партийной организации»⁴. Лозунг военного времени «Все для победы!» был заменен лозунгом «Все для восстановления народного хозяйства!», а к началу

1948 г. – «Пятилетку в четыре года!». Со второй половины 1948 г. «Коммунист» свои традиционные «среды», начатые в военном 1944 г. выступлениями деятелей науки, культуры, искусства, заменил «стахановскими пятницами»⁵. К 1950 г. 95 процентов рабочих и служащих области участвовали в соцсоревновании.

Диагностикой политической активности общества явились первые после войны выборы в Верховный Совет СССР. Трудовые коллективы, как и прежде, принимали повышенные обязательства. Так, ремонтники Баландинского свиноводческого совхоза уже к новому году решили закончить ремонт тракторов и прицепных сельскохозяйственных машин⁶. Выборы носили безальтернативный характер. Обсуждение кандидатов в депутаты проходило формально. Всюду по области работали агитаторы. В Ровенском районе их было 260. На Новопривольненском избирательном участке консультации проводились ежедневно, совещания с агитаторами еженедельно, как и беседы о Конституции СССР, правах и обязанностях граждан, государственном устройстве⁷. Агитаторам задавались вопросы не только о выборах в СССР, но и механизме их осуществления в других странах. Но главное, в вопросах отражались злободневные проблемы, свидетельствующие об отношении к политике власти: почему СССР оказывает экономическую помощь другим странам, сокращая потребление у себя? когда и будет ли в продаже керосин?⁸

Выборы 1946 г. были первой крупной политической кампанией, во время которой систематически отслеживалось общественное мнение. Большинство граждан приняли выборы как праздник, дав тем самым мандат доверия власти, что и предопределило дальнейшую политику. Критические мнения в адрес власти не публиковались, но были и отслеживались. Так, в Ровенском районе Е. И. Елхимова, явившись в нетрезвом состоянии на избирательный участок, «...произвела явно неправдоподобные высказывания по адресу кандидатов в депутаты»⁹. Об этом в докладной записке секретарю обкома ВКП (б) сообщил начальник районного отдела милиции Жакин. Требование «проявления высокой бдительности» возвращалось в общественное сознание. «Коммунист» еще в 1945 г. предупреждал о «заблаговременном» создании фашистами «шпионской сети ... чтобы

развязать третью мировую войну»¹⁰. В целом власть демонстрировала единение с народом. В первые год – два после войны проявлялась тенденция демократизации общественно-политической и внутрипартийной жизни. Народ был готов поддерживать власть и проводимые ею политические кампании.

Руководство страны стремилось к консолидации общества, укреплению единомыслия. В первую очередь усилилось давление на интеллигенцию, которая познала некоторую свободу от идеологии в годы войны и определяла духовно-нравственное состояние общества. Средством пропагандистского и административного давления на художественную интеллигенцию стали постановления ЦК ВКП (б)¹¹, считавшие главным достоинством произведений их идеологическое соответствие постулатам и вкусам вождей.

Театральные коллективы Саратова критиковались за увлечение произведениями буржуазных, а не советских авторов. В театре им. К. Маркса современной жизни было посвящено 3 спектакля из 11, в ТЮЗе – 3 из 10, а в театре оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского остался только один «художественно неполноценный спектакль “Свадьба в Малиновке”¹². Сочинения композиторов “формалистического” направления воспринимались как “набор режущих ухо звуков” “разлагающейся буржуазной идеологии”¹³. Формируя новый репертуар, 6 городских театров выпустили 10 новых спектаклей, из которых 7 – на современные темы¹⁴.

Но деятели культуры по-разному воспринимали партийные указания. Случалось и неповиновение. Мастера художественного слова областной филармонии продолжали читать рассказы Зошенко вплоть до расформирования концертных бригад и запрещения всех текстовых выступлений артистов¹⁵. Но и год спустя некоторые артисты хоровой капеллы участвовали в церковном хоре, другие выступали с запрещенными частушками¹⁶ и при этом апеллировали к зрителю, предлагив ему решать, кто прав. Преподаватель консерватории С. С. Бендитский публично защищал музыку Шостаковича, Прокофьева и других известных композиторов, заявив, что ее народ поймет через 50–100 лет¹⁷. Чтобы окончательно изжить такого рода проявления инакомыслия, усилилась цензура. Главному управлению по контролю за зрелищами и репертуаром предоставлялось право «разрешать и запрещать для постановки и публичного исполнения драматические, музыкальные, хореографические, цирковые и эстрадные произведения, демонстрацию и распространение произведений изобразительного искусства»¹⁸.

Театральные коллективы работали творчески. В репертуаре театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского сохранились основные произведения мировой оперной классики – «Борис Годунов» Мусоргского (1935), «Иван Сусанин» Глинки (1939), «Отелло» Верди (1951). Государственной премии СССР были удостоены «Золотой

петушок» Римского-Корсакова (1947), «От всего сердца» Жуковского (1951). Государственной премии СССР также был удостоен в 1952 г. и Саратовский ТЮЗ за спектакль «Алеша Пешков» (пьеса И. Груздева и О. Форш)¹⁹.

С конца 1948 г. критику «формалистических» тенденций затмила борьба с «космополитизмом». Впрочем «формализм» и «космополитизм» считались двумя сторонами одного и того же «низкопоклонства перед Западом». Борьба с «космополитизмом» приняла оттенок антисемитизма. В Саратове критике подверглись рецензии Ю. Лейтес, Л. Жак, Э. Гуковской, лекции преподавателя консерватории О. Горской. Несмотря на то что Ю. Лейтес и Л. Жак наряду с другими присутствовавшими на общегородском собрании художественной интеллигенции в марте 1949 г. присоединились к официальной оценке «космополитизма», они к тому же были уволены с работы²⁰. В консерватории отстранены были от работы О. Горская, А. Гюббенет, Е. Каменоградский²¹.

Кампания по борьбе с «низкопоклонством» и «космополитизмом» охватила все области науки и культуры. Начальным ее этапом были так называемые «суды чести», попытка «судить» интеллигенцию, опираясь на саму интеллигенцию. Закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина» активно обсуждалось среди научной и художественной интеллигенции Саратова. Осуждалось получение советскими учеными степеней и званий за границей, публикации в иностранных изданиях, использование иностранных источников. Резкой критике подвергся профессор СГУ Я. Я. Додонов, который, получив степень доктора философии в Берлинском университете, отказался представить к защите диссертацию в СССР²².

В науке стандартной моделью борьбы с инакомыслием становились «дискуссии». «Объекту» предоставлялась известная свобода действий, видимость которой позволяла придать кампании идеологического давления внешне привлекательную форму. Одновременно профессиональные дискуссии являлись трибуной для обсуждения интеллигенцией наболевших послевоенных проблем. Философские «дискуссии» 1947 г. мало затронули научную интеллигенцию Саратова, поскольку в вузах не было философских факультетов. Кафедры общественных наук руководствовались постановлением ЦК ВКП (б) 1945 г. «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского».

Логическим продолжением давления на научную интеллигенцию явилась борьба «между передовым мичуринским направлением и реакционным менделеевско-моргановским». В Саратове действовали 13 высших учебных заведений, 10 научно-исследовательских учреждений, из которых НИИ «Микроб» и Институт зернового хозяйства Юго-Востока СССР имели союзное значение. В

вузах и НИИ работало свыше 350 научных работников – биологов. Наиболее активно против «мичуринской биологии» в СГУ выступал заведующий кафедрой генетики и дарвинизма профессор В. Е. Альтшулер. Для продвижения идей Т. Д. Лысенко обком и горком ВКП (б) четырежды организовывали заседания партбюро, дважды – совещание актива, Ученый совет университета и три раза – Совет биофака²³.

Не менее драматично развивались события в НИИ зернового хозяйства Юго-Востока СССР. Итоги сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) обсуждались в течение трех дней. Из 37 присутствовавших на заседании выступило 23 и все, включая А. П. Шехурдина, вынуждены были, узнав об одобрении доклада Т. Д. Лысенко ЦК ВКП (б), согласиться с его концепцией. Несмотря на это директор НИИ Л. И. Рязанов был освобожден от занимаемой должности, А. П. Шехурдин потерял возможность заниматься работой в течение трех лет²⁴. Кадровые перестановки произошли и в других НИИ и вузах Саратова. Пересмотрены были учебные программы по биологическим наукам, внесены изменения в тематические исследования, расширена сеть партийно-политического просвещения в вузах и НИИ.

По обычному сценарию проходила «дискуссия» по вопросам языкознания. На собрании актива областной парторганизации 20 октября 1950 г. было отмечено «широкое хождение» в стенах филологического факультета СГУ «антимарксистских взглядов Марра». Наибольшая критика прозвучала в адрес профессора А. М. Лукьяненко. Работы, помещенные в «Ученых записках» о «древней старине», были названы «словесным хламом». В защиту А. М. Лукьяненко выступил декан филфака Е. И. Покусаев. Но говорить ему не позволили, в зале стоял шум, раздавались грубые возгласы с мест²⁵. Неуважительное отношение, категорический, безапелляционный тон, становились характерной чертой времени. В 1952 г. «дискуссия» с новой силой разгорелась на филфаке Педагогического института. Критиковались работы профессора А. Ф. Ефремова²⁶.

Борьба с «космополитизмом» затронула и историческую науку. Историков обвиняли в искажении истории советского общества, принижении роли Советского государства на мировой арене. На историческом факультете СГУ в 1951 г. на одном из партсобраний И. В. Сеницын с горечью отреагировал на упрек в адрес ученых, специализировавшихся по древней истории, в том, что они мало занимались современными проблемами²⁷. В начале 1950-х гг. необходимость в партийных постановлениях отпала, а «творческие дискуссии» продолжались.

Идеологические кампании второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. оказали глубокое влияние на духовно-нравственное состояние общества, препятствовали творческому поиску, способствовали конформизму интеллигенции.

Интеллигенция Саратова долго «вписывалась» в жесткие рамки официальной догматики. Но ей удалось сохранить дух творчества, традиции, мировые позиции в науке и культуре.

Духовно-нравственное состояние общества во многом определялось и изменениями в государственно-религиозных отношениях, начавшихся еще в годы Великой Отечественной войны. Власть санкционировала созыв Поместного собора, на котором 8 сентября 1943 г. был избран патриарх и образован Священный синод. Роль посредника между государством и церковью выполнял созданный при правительстве в качестве контрольного органа Совет по делам Русской православной церкви.

Изменение политики государства по отношению к религии было продиктовано как стремлением власти использовать церковь в качестве дополнительной мобилизационной силы в сложный военный период, так и необходимостью укрепления своего влияния и авторитета в народе в условиях стихийного оживления религиозного движения и религиозных настроений в обществе. Согласно принятому в 1945 г. Положению об управлении РПЦ церковь становилась сплоченной иерархически на всех уровнях соподчиненной организацией, были расширены её имущественные права. Московская патриархия была наделена государством ограниченным правом юридического лица.

На местах органам власти запрещалось «враждебно относиться к верующим гражданам и ... религиозным общинам». Это подтвердило принятое 5 декабря 1946 г. постановление Саратовского обкома ВКП (б)²⁸. Изменения в церковной политике благоприятно отразились на религиозной активности, которая, как свидетельствуют архивные документы, заметно возросла «не только в каждом отдельно взятом районе, но и в каждом населенном пункте»²⁹. Граждане интересовались, когда начнут восстанавливать храмы, открывать духовные учебные заведения, будет ли разрешен колокольный звон? Коммунисты задавали более серьезные вопросы: останутся ли в силе прежние оценки религии как реакционной силы, будут ли в соответствии с новыми подходами внесены изменения в Конституцию СССР и Программу ВКП (б)?

В Саратовской области в 1944 г. было 4 действующих церкви в Саратове, Вольске, Петровске, Ртищеве. С конца 1943 г. по 1944 г. верующими было подано 25 ходатайств об открытии церквей. В 1945 г. была открыта церковь в Пугачеве, через год – в Балашове, Ершове, Аркадаке. В 1947 г. СДРПЦ разрешил открытие сразу четырех приходов – в Балакове, с. Дурникине Романовского района, с. Дергачи, с. Никольском Духовницкого района. В этом же году окончательно был возвращен православной церкви Свято-Троицкий кафедральный собор. В 1948 г. открыт Духосошественский собор, в 1955 г. – молитвенный

дом в Энгельсе. Общее число открытых церквей достигло 15³⁰.

Возросли доходы церквей. В 1947 г. они составили около 7 миллионов рублей³¹. Значительная часть средств предназначалась на благотворительную деятельность. С 1943 г. по 1947 г. верующими и духовенством Саратовской епархии было собрано 10731776 рублей³². Вскоре благотворительность была прекращена по требованию советского правительства.

Активизация проповеднической деятельности церкви зависела от количества священнослужителей и качества их подготовки. В условиях, когда работа духовных учебных заведений была запрещена (в 1918 г. в Саратове прекратила существование духовная семинария), а значительная часть духовенства прошла через горнило репрессий 1930-х гг., разрешение правительства открыть духовные учебные заведения было заметным шагом на пути укрепления влияния церкви в обществе. Духовная семинария была открыта и в Саратове. В 1949/50 учебном году там обучалось 45 человек³³. Учебные планы и программы согласовывались с СДРПЦ и включали не только богословские и церковно-исторические дисциплины, но и изучение Конституции СССР, документов, регулирующих отношения государства и церкви. В уклад жизни духовных учебных заведений влетали советские праздники. На таких вечерах учащиеся семинарий слушали доклады преподавателей СДРПЦ и других гостей о пятилетнем плане развития народного хозяйства, выборах в Верховный Совет СССР, Конституции страны, развитии советской демократии. Торжества сопровождалось исполнением гимна Советского Союза³⁴.

Наметившиеся в первые послевоенные годы перемены в государственно-церковных отношениях протекали в рамках жесткого контроля РПЦ со стороны правящего режима. Большая часть партийно-советского актива сохраняла приверженность в идеологической работе антирелигиозным стереотипам и догмам. И хотя государственная антирелигиозная пропаганда утратила свою воинственность 1930-х гг., созданное Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний было призвано на научной основе, но вести борьбу с «чуждыми» взглядами, в том числе и религией. Начиная с 1948 г. руководство страны перешло от жесткого контроля за РПЦ к повсеместному вытеснению её на периферию общественной жизни, что было обусловлено общим ужесточением курса против всякого инакомыслия.

Нагнетание антирелигиозных настроений усилилось после опубликования в «Правде» фельетона И. Рябова «Саратовская купель»³⁵, в критическом тоне описавшего Великое Водосвятие на Волге с купанием в Иордани на Крещение. 10 февраля 1949 г. бюро Саратовского горкома ВКП (б) обратило внимание на «притупление

большевистской бдительности со стороны отдельных партийных и советских работников города». Были сняты с работы и получили выговоры ряд должностных лиц, в том числе начальник милиции и ОСВОДа. Епископ Борис, возглавлявший крещенскую процессию, указом патриарха также был снят с поста управляющего Саратовской епархией и отправлен в Чкалов³⁶.

Ряд периодических изданий с энтузиазмом подхватили почин «Правды» и публиковали отрывки писем рабочих, колхозников, студентов, выражавших «чувство глубокого негодования против диких религиозных обрядов, насаждаемых церковниками и их прислужниками». Но были и другие мнения. Так, мастер завода № 180 Саратова К. П. Марков утверждал, что «нынешний год показал как никогда, что влияние церкви усилилось... церковь полна... много молодежи и военных». Появились предположения, что «ставка в отношении религии стала меняться» и даже утверждения, что фельетон «Саратовская купель» означает «гонения против религии»³⁷. Начиная с 1949 г. были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы, кроме пасхальных, ликвидированы возможности дальнейшего роста числа приходов.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. выросли масштабы репрессий священнослужителей и верующих. 1947 г. был периодом наибольшего числа освобожденных (тех, кто арестован в 1937 г., получив 10 лет) и одновременно репрессированных. Святитель Вениамин, епископ Саратовский и Балашовский, 1887 г.р., с июня 1949 г. по 1954 г. находился в третьей ссылке в Казахстане как «повторник», т. е. поводом для ареста было предыдущее заключение³⁸. Основным обвинением оставалось «участие в антисоветской организации церковников». Так, по данному обвинению были арестованы Н. Г. Бапков, 1913 г.р., из Балакова и приговорен к 10 годам лишения свободы; С. Ф. Бочкарева, 1880 г.р., из Новых Бурас, получившая 6 лет лагерей³⁹.

Таким образом, репрессированные акции продолжали оставаться составной частью сталинского механизма контроля и устрашения РПЦ. Но масштабы и характер их по сравнению с 1930 гг. заметно изменился. Многократно снизилось количество арестованных и приговоренных к смертной казни. Всего в Саратовском Поволжье за годы советской власти было репрессировано по религиозным мотивам 921 человек, из них 340 приговорены к высшей мере наказания⁴⁰.

Таким образом, послевоенная жизнь в Саратове была слепком с общегосударственных реалий. Духовная сфера контролировалась, общественное мнение отслеживалось, политическая активность оставалась высокой. С волной идеологических проработок столкнулась интеллигенция, рассчитывавшая на смягчение давления на науку, культуру, искусство в мирное время. Перемены в государственно-церковных отношениях, наметив-

шиеся в годы войны, завершились нагнетанием антирелигиозных настроений и вытеснением церкви на периферию общественной жизни. Возросшее самосознание народа-победителя и приверженность партийно-государственного аппарата прежним методом руководства стали обыденной реальностью.

Примечание

- 1 Коммунист. 1945. 9 мая.
- 2 Там же. 11 мая.
- 3 Там же. 29 мая.
- 4 Коммунист. 1946. 26 апр.; ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). Ф. 594. Оп. 1. Д. 4672. Л. 1.
- 5 Коммунист. 1946. 17 февр., 1 и 15 марта, 26 апр.; 1948. 14 янв., 8 окт. и др.
- 6 Там же. 3 и 9 янв.
- 7 ГАНИСО. Ф. 4816. Оп. 5. Д. 1. Л. 7.
- 8 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4787. Л. 13–15.
- 9 Там же. Ф. 4816. Оп. 8. Д. 7. Л. 23.
- 10 Коммунист. 1945. 24 июля.
- 11 Власть и художественная интеллигенция : Документы ЦК РКП (б), ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1999. С. 588–596.
- 12 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4921. Л. 383.
- 13 Коммунист. 1948. 18 февр.
- 14 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 250. Л. 36, 169–171.
- 15 Там же. Оп. 7. Д. 4921. Л. 423.
- 16 Там же. Д. 1083. Л. 32.
- 17 Там же. Д. 619. Л. 185.
- 18 ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. Р-2864. Оп. 1. Д. 194. Л. 2–5.
- 19 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 534–535.
- 20 В июле 1949 г. Министерство образования СССР

УДК 94(47).08 + 929 Аврус

ПОЧЕМУ И КАК Я СТАЛ ИСТОРИКОМ?

А. И. Аврус

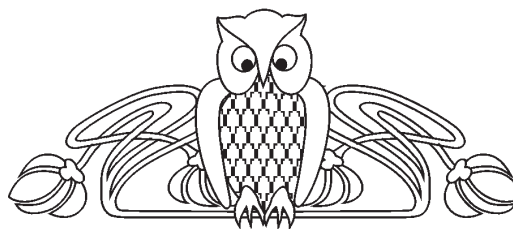
Саратовский государственный университет
E-mail: a.avrus@mail.ru

В статье представлены воспоминания профессора А. И. Авруса, его путь в историческую науку. Рассказывается, как у него появился интерес к истории, почему он поступил на исторический факультет СГУ, как выбирал темы для исследований, писал диссертации, работал в архивах. На основе собственного опыта автор даёт некоторые советы молодым исследователям, начинающим свой путь в науку.

Ключевые слова: история, Саратовский государственный университет, исторический факультет, научная деятельность, выбор темы, диссертация, архивы.

восстановило Л. Жак на работе в СПИ, подтвердив увольнение из СГУ.

- 21 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1109. Л. 5, 14, 17, 41, 45, 47, 246–249, 266–275, 349 об, 429.
- 22 Кузнецова Н. В. Кампания против «космополитизма» в вузах и НИИ Саратова в 1947–1949 гг. // Историк и историография : материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова, 5–6 окт. 1999 года. Саратов, 1999. С. 236–243 ; ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 187. Л. 26 ; Ф. 594. Оп. 2. Д. 209. Л. 120–122.
- 23 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 715. Л. 16, 240, 261, 325–329 ; Д. 716. Л. 1–8.
- 24 Там же. Д. 476. Л. 43 ; Д. 715. Л. 35–36, 40, 52, 78–81 об, 331, 334.
- 25 Там же. Д. 1323. Л. 17, 23, 87–93, 155.
- 26 Там же. Д. 2175. Л. 176–184.
- 27 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 52 об.
- 28 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4774. Л. 32.
- 29 Там же. Л. 91.
- 30 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 658–659.
- 31 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1089. Л. 8.
- 32 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 659.
- 33 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1380. Л. 74.
- 34 Там же. Л. 9 ; ГАСО. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 431. Л. 10–12, 60–62, 79, 79 об.
- 35 Правда. 1949. 19 февр.
- 36 Там же. ; Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 659.
- 37 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 963. Л. 21.
- 38 См.: Яковлев А. А., Теплов В. В., Плякин М. Е. Саратовские подвижники. Саратов, 2000. С. 76.
- 39 См.: За Христа пострадавшие : Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956 : библиогр. справочник. Кн. 1. М., 1997. С. 137.
- 40 Саратовские вести. 1992. 13 нояб. ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1131. Л. 15–30.

Why and How I Became the Historian?

A. I. Avrus

Memories of Professor Anatoly Avrus are devoted his way in historical science. He tells how he became interested in history and why did he join the history department of Saratov State University. He shares his own experience of choosing topics for research, writing dissertations and working in archives. The author gives some advice to young researchers who start their way in historical science.

Key words: history, Saratov State University, department of history, scientific activity, choice of research topic, dissertation, archives.

Родился я в 1930 г., а сейчас уже идёт 2013 г. Так что моя жизнь вместила несколько эпох: сталинскую, послесталинскую, перестройку, постсоветскую, внутри каждой из них можно выделить еще отдельные периоды. Другими словами, две трети XX века и первое десятилетие XXI прошли перед моими глазами, я был свидетелем, в какой-то степени участником событий этих эпох. И конечно, интерес к истории возник не случайно.

Отец мне рассказывал, но я этого совершенно не помню, что в четыре года у меня проявились какие-то математические способности: мог в уме складывать числа до миллиона (хотя не умел ни читать, ни писать) и об этом даже была заметка в районной газете на Украине, где мы тогда жили. Но родители не придали этому значения и избавили меня от всякого вундеркинства, за что я им благодарен.

Когда мне исполнилось 6 лет, отец показал мне буквы, научил складывать слоги и слова, а затем он уехал устраиваться на работу в Саратов. Через несколько месяцев отец приехал за нами, и я уже читал к тому времени газеты и до сих пор помню, что в числе первых мною прочитанных были посвящённые процессу над троцкистско-зиновьевским блоком в августе 1936 г. Так с первых шагов своего обучения чтению я оказался вовлеченным в политическую жизнь. Чтение по газетам способствовало быстрому освоению определённой лексики и возникновению интереса к политическим, а затем и историческим сюжетам.

В одном доме с нашей семьёй в Саратове жила Франциска Ксаверьевна Ботяновская, пожилая женщина, потомок сосланных после восстания 1863 г. в Саратов поляков. У неё было некоторое количество исторических книг, в том числе дореволюционных изданий, которые она мне давала читать. Большой интерес вызвала тогда у меня «Хрестоматия по истории средних веков» под редакцией П. Виноградова. А в теплое время года, сидя на крыльце, я читал ей последнюю информацию из газет (у неё было плохо со зрением). Вот полученные от неё книги, очевидно, также способствовали моему интересу к истории. При этом особенно меня интересовали книги по истории войн и о жизни полководцев. Здесь определяющую роль сыграли труды Евгения Викторовича Тарле, особенно о Наполеоне.

К окончанию начальной школы мой интерес к истории обозначился достаточно ясно, об этом свидетельствует сохранившаяся у меня книга К. Клаузевица «Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 г.», подаренная мне отцом в июне 1941 г с надписью «будущему историку».

Особое влияние на формирование моих интересов оказал первый том «Истории ди-

пломатии», который отец передал мне 21 июня 1941 г., когда мы с мамой уезжали из Пензы, где проходила военная служба отца, в Саратов. Поезд из Пензы в Саратов шёл тогда почти сутки, так как саратовский вагон отцепляли в Ртищево, где много часов ждали московского поезда, к которому его прицепляли. И вот я, забравшись на вторую полку, всю дорогу читал первый том «Истории дипломатии» и закончил его при подъезде в Саратов утром 22 июня 1941 г.

Помню, как мама послала меня дать телеграмму отцу, что мы благополучно доехали, и я шёл мимо Липок к ближайшему почтовому отделению. Подходил к ул. Радищева, и вдруг из репродуктора раздался голос Молотова, сообщавший о начавшейся Великой Отечественной войне. Со всех сторон к репродуктору собирались люди и в полном молчании слушали это сообщение. Конечно, предчувствие войны висело в воздухе, но никто не ожидал её начала в этот воскресный день, особенно после сообщения ТАСС от 14 июня.

«История дипломатии» так повлияла на меня, что я долгие годы мечтал стать дипломатом и даже собирался поступать в Институт международных отношений, но близкие знакомые нашей семьи разъяснили мне в 1946 г., что прием евреев в это учебное заведение фактически закрыт.

В годы Великой Отечественной войны мною было прочтено большое количество исторической литературы. После призыва отца в ряды РККА в 1939 г. меня записали в библиотеку Дома Красной Армии, которая находилась в 200 метрах от нашего дома. Там был довольно хороший подбор исторической литературы. Помню, как мне удалось найти там воспоминания офицера наполеоновской армии, изданные в 1844 г.

В 5 классе, в связи с тем, что помещение нашей школы использовали под госпиталь, нас перевели учиться в здание во дворе напротив цирка, в котором занимались учащиеся сразу нескольких школ. Поэтому у нас уроки были всего 4 раза в неделю, по 4 урока в день, фактически, без перемен, длились они по 30 минут. Так что школа занимала всего 2 часа и не каждый день, а остальное время я посвящал в основном чтению. Часто было так, что утром брал в библиотеке книгу, к вечеру её прочитывал и бежал менять на следующую.

В те же годы мною было прочитано много художественной литературы: классической, в основном русской, а также приключенческой, фантастической и детективной. Читал я очень быстро, художественную литературу одолевал до 80 страниц в час (Дюма, Жюль Верна и т. п.), серьёзную научную или научно-популярную – до 40 страниц. Поэтому мог прочитать роман Жюль Верна или Дюма за один день. Думаю, что никогда больше я так много не читал. Сутками был один дома (отец на фронте, мама – хирург в госпитале), уроки выполнял быстро, и всё

остальное время отдавал чтению, особенно осенью и зимой, когда не особенно тянуло на улицу.

Учился я неплохо, из школьных предметов мне нравились история, география и математика. Но нужно сказать, что в старших классах у нас историю и географию вели, по моему мнению, не лучшие преподаватели школы. По этим предметам не приходилось готовиться, так как знал больше школьной программы. А вот математику у нас все годы преподавали прекрасные педагоги: Елизавета Никоновна Банковская в 31 нсш, Мирра Самуиловна Лёвина и Николай Сергеевич Ушаков в 19 мсш. Последний из них преподавал математику еще в дореволюционной гимназии, обладал огромным опытом, умел заинтересовать своим предметом большинство класса. Я был одним из тех, кто любил математику, особенно алгебру, планиметрию, тригонометрию, готов был сидеть часами, чтобы решить какую-нибудь заковыристую задачу. И когда я поступил на исторический факультет, Николай Сергеевич это не очень одобрил, наверное, он думал, что я пойду на мехмат. Но тяга к истории победила.

Когда мы закончили школу, то целой кампанией ходили по факультетам университета, выбирая, куда поступать. Помню, что нас особенно тепло встретили на биолого-почвенном факультете (на него тогда поступали почти одни девушки, особенно на биологическое отделение) и рисовали перед нами блестящие перспективы в будущем.

Не знаю, почему я тогда не поехал поступать в МГУ (у меня была золотая медаль). Вероятнее всего потому, что я был домашним ребёнком и не представлял себе жизнь без родителей (как раз в тот год отец демобилизовался из рядов Советской Армии и после 8-летнего отсутствия вернулся в Саратов). Трудно однозначно сделать вывод: хорошо было, что я не поехал в МГУ или плохо. Во всяком случае, для меня СГУ стал родным, настоящей *alma mater*, там я встретил тех людей, с которыми подружился на всю жизнь, там у меня были учителя, которым я обязан всеми моими результатами на поприще истории.

Учиться на историческом факультете СГУ мне было интересно, хотя, должен признаться, не все лекции я посещал, особенно на 2-х и 3-х курсах. Особое впечатление на меня произвели лекции Л. А. Дербова, Ю. Г. Оксмана (выдающегося профессора-филолога, которого приходили слушать с разных курсов и разных факультетов), И. С. Кашкина, А. И. Озолина, М. С. Персова; интересно проходили семинарские занятия, которые проводили А. В. Курсанова, Э. К. Путный, В. М. Гохлернер. Но были лекции не очень привлекательные, мало что дававшие студентам, были преподаватели, не умевшие интересно и с пользой для студентов проводить семинарские занятия.

Несмотря на то что часть лекций я пропускал, к семинарским и практическим занятиям всегда

готовился и старался их аккуратно посещать. При этом на семинарах обязательно выступал. У меня со студенческих лет сложилось убеждение, что на семинарах, конференциях, симпозиумах не хорошо быть только слушателем или свадебным генералом (это когда уже стал доктором наук, профессором), надо в них активно участвовать. Поэтому если я присутствую на научной конференции, защите диссертации, то, даже не являясь докладчиком или официальным оппонентом, считаю для себя обязательным задавать вопросы, выступать, высказывать своё мнение и т. п. Это не всегда воспринимается присутствующими позитивно, может кого-то и раздражает, но здесь у меня твёрдое убеждение, что, например, защита диссертации – определённая проверка уровня подготовки диссертанта и что нельзя присваивать учёную степень слабо подготовленному человеку. Иногда на этой почве происходили конфликты. Так, я отказался быть членом диссертационного совета по философским наукам в нашем университете в начале 1990-х гг., когда там стали защищать откровенно халтурные диссертации по научному коммунизму, а диссертанты не могли ответить на элементарные вопросы по той науке, по которой они защищали свою работу. В середине 1990-х гг. я покинул диссертационный совет по политическим наукам в СГУ, сославшись на то, что я не специалист по этим наукам, хотя почти все оставшиеся члены совета были такими же специалистами, как и я. Ведь диссертационные советы по политическим наукам только начали тогда создаваться, и учёных, имевших степени по политическим наукам, были единицы. Истинной причиной моего ухода было то, что Диссертационный совет, руководимый проф. В. М. Долговым, пошёл по пути снижения требований к диссертантам. Наверное, по причине моей требовательности к уровню диссертаций не включил меня в состав Диссертационного совета, созданного при СЭИ (СГСЭУ), его председатель проф. В. А. Динес, считая, что в совете достаточно и одного требовательного человека – проф. В. Д. Полищука.

Я немного отвлекся от последовательного рассказа о своем пути в историческую науку. Хочу отметить, что очень большую роль в моём становлении сыграла доцент Эстер Эммануиловна Герштейн, которая была моим научным руководителем три года. Именно она научила меня серьёзной работе с источниками, помогала выработать стиль написания исторических текстов, объективно оценивала написанное мною, сурово отчитывала за ошибки. Зная о моём интересе к проблемам внешней политики, Эстер Эммануиловна направляла меня на подготовку докладов и дипломной работы именно по этой проблематике. Так, на 3 курсе я выступал с докладом в научном кружке о советской политике по германскому вопросу после Великой Отечественной войны, на 4-м курсе написал курсовую работу о помощи СССР республиканской Испании в годы

гражданской войны, а на 5-м курсе дипломную работу о помощи Советского Союза Китаю в борьбе против японской агрессии. Конечно, все эти работы были крайне тенденциозны, так как источники были ограничены и однотипны (в основном материалы советской периодики). Но даже на такой источниковой базе под руководством Э. Э. Герштейн я научился обобщать фактический материал, делать какие-то свои выводы, грамотно писать. Всё это пригодилось в дальнейшем.

К сожалению, я не получил возможности поступить в аспирантуру сразу после окончания университета. Шёл 1952 г., антиеврейская кампания набирала силы, близилась к своему апогею. В такой обстановке, хотя я был одним из двух именных стипендиатов на факультете, имел в зачётке только «пятерки», мне не дали рекомендацию в аспирантуру, а при распределении вызвали в кабинет ректора одним из последних, когда все приличные места уже были разобраны. Мне досталось место учителя в школе на ст. Озинки, на самом краю Саратовской области. Но и туда я не попал, хотя строил планы, как я попрошу в школе, чтобы не ставили уроки на субботу, и я буду в пятницу вечером уезжать в Саратов, чтобы в субботу и воскресенье позаниматься в библиотеках.

В это время Министерству высшего образования РСФСР было дано указание направить в союзные республики выпускников российских вузов для усиления русского влияния в связи с проявлениями местного национализма. По этой причине нескольким выпускникам с нашего курса не утвердили распределение в Саратовскую область и определили новое место работы – Казахстан. Нас снова вызвали в ректорат и предложили выбирать, куда мы теперь поедем работать. Я был очень расстроен, рушились все мои планы. Поэтому выбрал самую дальнюю школу в Восточно-Казахстанской области, куда надо было добираться поездом более 5 суток (четверо до Алма-Аты и свыше суток от Алма-Аты).

Незадолго до отъезда я прочитал в «Правде», что в Казахской ССР открывалось несколько новых пединститутов, и решил попытаться устроиться туда. Поэтому я пораньше выехал в Алма-Ату и там пошёл в Министерство образования, где выяснил две вещи: первую – на казахский вуз мне нечего рассчитывать; вторую – в Казахстане не очень ждали учителей из России, иногда их присылают на место, которое занимал казах, но без высшего образования. Мне посоветовали послать запрос в школу, куда я должен был ехать. Две недели я ждал ответа, приближалось начало учебного года, и тогда в Министерстве мне посоветовали написать заявление с просьбой освободить меня от назначения в связи с тем, что отец у меня был инвалидом Великой Отечественной войны. На этом заявлении появилась необходимая резолюция, и я мог уезжать в Саратов.

Правда, в последний день моего пребывания в Алма-Ате прислали, наконец, телеграмму из Усть-Каменогорска с предложением приехать; я пошёл в Министерство, но там сказали: приказ о вашем освобождении от назначения уже подписан, езжайте в Саратов, мы здесь разберёмся.

По приезде в Саратов с большим трудом (так как уже начинался учебный год) устроился на работу преподавателем в Областной техникум физической культуры. Там я проработал более двух лет, обучал учащихся истории СССР и истории спорта. Преподавать в таком техникуме было непросто, так как у учащихся там двойная нагрузка: кроме обычных уроков по школьной программе, ежедневные тренировки и постоянное участие в соревнованиях. Поэтому у них не было отдыха и в воскресные дни, некогда было готовиться к урокам. В связи с этим требовать от них хороших ответов было трудно, надо было как можно больше давать им на уроках (они были сдвоенными и позволяли фактически читать лекции), заинтересовывать их.

После двух лет работы в техникуме, где я получил определённый преподавательский опыт, я был избран зам. секретаря комитета комсомола Саратовского университета и три года исполнял эти обязанности.

И во время, работая в техникуме, и на комсомольской работе я старался следить за исторической литературой и продолжал надеяться поступить в аспирантуру. Должен сказать, что в этом направлении на меня оказывали постоянное давление Игорь Васильевич Порох и Владимир Борисович Островский, ставшие уже кандидатами наук и преподававшие в СГУ. Игорь Васильевич узнал, что в 1957 г. будет приём в аспирантуру по истории СССР в Московском городском педагогическом институте им. Потёмкина, и предложил мне заняться историей декабристов. Он консультировал меня, помог определить тему вступительного реферата, посоветовал поработать в фондах архива Государственного исторического музея, в котором были источники, ещё не введённые к тому времени в научный оборот. Мне удалось две недели позаниматься в этом архиве и написать первую научную работу о Московском съезде Союза благоденствия в 1821 г., в которой, в частности, был уточнён состав участников съезда по сравнению с тем, что имелось в публикациях. Я надеялся, что вступительные экзамены в аспирантуру будут, как обычно тогда, в сентябре, и за лето смогу к ним подготовиться. Но их проводили в начале июля. На одно место было 7 претендентов, и лучше всех подготовленным оказался Николай Троицкий, которого и зачислили. У меня был второй результат, обещали добиться второго места, но я его не дождался.

После возвращения в Саратов желание заниматься наукой у меня не прошло, хотя ряд последующих лет оказались самыми трудными,

пришлось переменить несколько мест работы: два года числился ассистентом кафедры истории СССР СГУ, но занимался административной работой с заочниками; затем работал на формирующихся тогда подготовительных курсах для поступающих в университет (будущее подготовительное отделение), преподавал историю в школе рабочей молодёжи № 4. В это время появилась при кафедре истории КПСС СГУ, которую с 1956 г. возглавил Владимир Борисович Островский, аспирантура. Я прикрепился к этой кафедре и приступил к сдаче кандидатских экзаменов. А затем Владимир Борисович определил мне в качестве научного руководителя Якова Андреевича Эльфонда.

После сдачи кандидатского минимума стало возможным попасть работать в вуз. В это время кафедрой истории КПСС диалектического и исторического материализма в Саратовском сельскохозяйственном институте заведовал Владимир Георгиевич Ходаков, которого я хорошо знал ещё по студенческим годам. Он не только согласился принять меня на работу на кафедру в качестве ассистента, но и отстаивал мою кандидатуру в ГК КПСС, где было обязательное утверждение всех преподавателей кафедр общественных наук. Это был 1961 г., когда Н. С. Хрущёв выступил с идеей перенести сельскохозяйственные вузы с городского асфальта на колхозные поля. И в Саратове тогда обсуждался проект объединения трех сельскохозяйственных вузов в одну сельскохозяйственную академию (что осуществили в 1990-е гг.) и строительства для неё городка недалеко от Аткарска. Помню, как на собеседовании в ГК КПСС Фёдор Фёдорович Ливанов (тогда работник Горкома, а позже преподаватель кафедры философии СГУ) меня всё допытывал, поеду ли я в место будущей дислокации вуза.

В 1961–1964 гг. я трудился ассистентом в СХИ, но уже с первого семестра Владимир Георгиевич поручил мне читать лекционный курс. Вообще, Владимир Георгиевич сыграл в моей судьбе и моём становлении в качестве преподавателя большую позитивную роль. Буквально через несколько недель после того, как я приступил к чтению лекций в СХИ, приехала московская комиссия для проверки проведения в вузах занятий по разъяснению студентам материалов XXII съезда КПСС (в те годы после каждого партийного съезда издавалось постановление об изучении его материалов, на что отводилось немало лекционных и семинарских часов за счёт не только истории КПСС, но, нередко, и других предметов). Комиссию возглавлял доцент одного из московских вузов, Герой Советского Союза Каркоценко (не помню имя и отчество). Он побывал на моей лекции и остался недоволен тем, как я трактовал ряд теоретических положений третьей Программы партии. При обсуждении моей лекции завязалась дискуссия, меня поддержали Владимир Георгиевич и присутствовавший на

лекции зав. отделом науки Обкома партии Иван Семёнович Терехов (в будущем проф., доктор исторических наук, зав. каф. истории КПСС Саратовского пединститута). Их поддержка помогла отбить атаку председателя комиссии, в противном случае дело могло кончиться для меня определёнными оргвыводами.

Нужно отметить, что с первых лет работы в вузе при чтении лекций, я не писал их текстов, а завёл для себя карточную систему: на небольших каталожных карточках записывал план лекции, основной фактический материал, особенно цифровой, нужные мне цитаты. Карточная система давала возможность не быть привязанным к кафедре свободно двигаться по аудитории, следить, как работают студенты, импровизировать текст самой лекции (до сих пор не люблю читать готовые тексты, будь то лекция, научная конференция, оппонентское выступление). Конечно, такая методика имеет свои плюсы и минусы. Иногда после лекции вспоминаешь: а вот это я упустил, а вот этот пример не привёл, а вот это высказывание не процитировал.

Когда, наконец, в 1964 г. появилась возможность поступить в аспирантуру на кафедру истории КПСС СГУ, то именно Владимир Георгиевич Ходаков поддержал меня, хотя дирекция института не очень хотела отпускать. Правда, договорились, что в первом семестре я продолжу читать лекции и проводить занятия в институте. И в дальнейшем Владимир Георгиевич мне оказывал помощь, он был одним из официальных оппонентов на защите кандидатской диссертации. Когда же через несколько лет он перешёл работать в СГУ, мы оказались с ним на одной кафедре и постоянно сотрудничали до последних лет его работы в университете. Сын его, Георгий, был моим спецсеминаристом, дипломником и аспирантом, успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории спорта и работал доцентом в Поволжской академии госслужбы.

Поступил я в аспирантуру за несколько месяцев до предельного срока (тогда принимали только до 35 лет). Поскольку кандидатские экзамены были сданы, мне установили сокращённый срок пребывания в аспирантуре – 2,5 года. Но удалось справиться с написанием диссертации за год с небольшим и закончить аспирантуру с защитой фактически за 1,5 года.

Хочу остановиться на двух вопросах: выборе темы диссертации и восприятии решений XX съезда КПСС. Поскольку я прикрепился к кафедре истории КПСС, то мне надо было выбирать в качестве исследовательской проблемы что-то, связанное с историей партии. Но в круг историко-партийной тематики входили и вопросы истории комсомола, профсоюзов, общественных организаций, международного рабочего движения. С моим научным руководителем Яковом Андреевичем Эльфондом мы остановились на актуальной тогда (к сожалению, больше на

словах, чем на деле) проблеме привлечения трудящихся к управлению производством по линии профсоюзов. Ведь в принятой на XXII съезде КПСС Программе партии подчёркивалось, что постепенно часть функций государства будет передаваться по мере приближения к коммунизму общественным организациям. А незадолго до XXII съезда на декабрьском Пленуме ЦК КПСС (1957 г.) было принято Постановление о повышении роли профсоюзов, в котором, в частности, на них была возложена обязанность руководить создававшимися тогда постоянно действующими производственными совещаниями (ПДПС). Эти ПДПС должны были формироваться в основном из представителей рабочего класса, обсуждать важные производственные вопросы, собирать и добиваться претворения в жизнь рационализаторских предложений, вовлекать, таким образом, рядовых работников предприятий в управление ими. Вот задача моего исследования и состояла в том, что бы выявить, как всё это претворялось в жизнь, какие есть успехи и трудности, что можно посоветовать для улучшения работы ПДПС. Писал я эту работу на общесоюзном материале, использовал широко не только архивные источники, но и статистику, побывал на нескольких саратовских предприятиях и познакомился с работой конкретных ПДПС.

Конечно, мне хотелось дать как можно более объективную картину происходившего в ПДПС и вокруг них. Но это было невозможно, и прежде всего потому, что исследователь в те годы не мог получить нужного ему архивного материала. Теперь уже не так много осталось тех, которые помнят, как приходилось работать в партийных архивах. Попытаюсь рассказать об этом. Во-первых, огромная масса партийных документов хранилась под грифом «секретно» или «совершенно секретно», при этом правила такого хранения были приняты Оргбюро ЦК РКП (б) ещё в 1923 г. (вскоре после того, как Сталин стал генеральным секретарём ЦК, и Оргбюро попало под полный его контроль). Какие только документы не попадали под этот гриф! Приведу только один пример. В начале 1990-х гг. я писал очерк о Владимире Борисовиче Островском и изучал документы о нём в бывшем Саратовском партийном архиве. И вот получаю одно из дел о нём с грифом «совершенно секретно», открываю его и нахожу выписку из решения бюро Саратовского обкома ВКП (б) о рекомендации в аспирантуру. Вот, оказывается, какой совершенно секретный документ не мог раньше выдаваться исследователю! Но даже, чтобы получить любой документ в партийном архиве, исследователь должен был иметь допуск, оформлявшийся первым отделом ректората (спецчастью). Допуски были трех степеней (они, кстати, нужны были и для работы в спецхранах библиотек, где находилось огромное количество литературы, изъятой из общего доступа). Кроме допуска, ещё

должна была быть резолюция на вашем заявлении с просьбой допустить работать в партийный архив, подписанная на уровне секретаря обкома партии по идеологии. Я помню, как трудно было попасть на приём к секретарю Саратовского обкома КПСС В. М. Черныху, чтобы получить такую резолюцию, и как быстро решался этот вопрос в Волгограде.

Во-вторых, все формальности преодолены, вы получили допуск и нужную резолюцию, приходите в архив, заказываете дела, начинаете с ними работать. Тут возникают новые проблемы. Вы должны принести в архив пронумерованную постранично тетрадь, в конце которой работник архива подтверждает количество страниц и ставит печать. Каждый день после работы в архиве вы обязаны сдавать эту тетрадь работнику архива, он запирает её в сейф. Получали вы эту тетрадь на руки или когда кончали работу в архиве, или когда закончена тетрадь. Открывали тетрадь и что там видели: половина, а то и более ваших записей вырезана архивными работниками, от некоторых документов остались рожки да ножки. Обращались к работнику архива за разъяснением и получали ответ: у вас слишком много негатива в записях, а часть записей не имеют отношения к вашей теме (конечно, работник архива лучше исследователя знал, что нужно, а что не нужно автору). При работе в Центральном партийном архиве (в Москве) вы вообще не получали своих записей на руки, а они после проверки и такой же обработки ножницами высылались фельдьегерской почтой в адрес первого отдела вашего вуза, где вы их получали под расписку иногда через какое-то время. И тут уже некого было спросить, почему что-то вырезано. Конечно, российский человек при всех режимах научился обходить законы и распоряжения. Поэтому исследователи, работая в партийных архивах, нередко на каких-то клочках записывали особенно для них важное, рассовывали их по карманам и выносили из архивов. Обладавшие хорошей памятью по возвращении домой старались воспроизвести нужные им данные.

Чтобы закончить с темой архивов, хочу вспомнить ещё два момента из того времени, когда я работал над докторской диссертацией. Тема диссертации была связана с историей международного рабочего движения 1920–1930-х гг. Поэтому, естественно, мне надо было работать в Центральном партийном архиве при Институте марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ). Получил разрешение на работу там и пришёл к зав. сектором документов по истории мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений. Прошу её дать мне возможность ознакомиться с материалами Коминтерна. Слышу в ответ, что они не выдаются исследователям. Тогда я говорю, что мой научный руководитель, Я. А. Эльфонд получил доступ и использовал эти материалы в своих публикациях. Зав. сектором

мне отвечает: А вы знаете, что он 10 лет добивался разрешения на это? Так я и не получил в ЦПА материалы Коминтерна, пришлось ограничиваться тем, что было опубликовано коминтерновской периодикой. Благо, что Исполком Коминтерна многие годы выпускал Бюллетень на немецком, французском и английском языках, в котором публиковались не только официальные документы, но и стенографические отчеты конгрессов Коминтерна, Пленумов ИККИ, съездов ряда коммунистических партий, материалы многих организаций коминтерновского фронта (Профинтерна, Крестинтерна, КИМа, Межрабпома, МОПРа, Красного спортивного интернационала и т. д.). К сожалению, многие советские исследователи не добивались до этих бюллетеней, хотя они имелись в некоторых библиотеках. Работать с ними было, конечно, сложно: на иностранном языке, выходили 2–3 раза в неделю объемом в 40–60 и более полос.

Поскольку я решил восстановить историю одной из прокоминтерновских организаций – Международной организации помощи борцам революции (МОПР), мне нужно было изучить её фонд в ЦПА. Обратился к той же зав. сектором ЦПА, она мне сказала, что описи этого фонда не выдаются, а я могу просто писать в заявке, какого типа документы я хочу получить. Тогда работники архива решат, есть ли такие документы и можно ли их мне выдать. (Работавшие в архивах знают, что заказывать дела без описи всё равно, что покупать кота в мешке). Так все десять лет работы в ЦПА я и не увидел описи, а когда в конце 1980-х, уже через 10 лет после защиты докторской, познакомился с ними, то выяснил, что многое из того, что мне было нужно, я не получил. Хорошо ещё, что в ЦПА нашлись люди, ставшие моими друзьями на долгие годы: Г. М. Адиебеков, Л. Г. Бабиченко, М. М. Мухамеджанов, которые подсказывали мне, что заказывать, так как участвовали в формировании некоторых фондов архива. Можно ли было в таких условиях работы написать объективное научное исследование, хотя я по мере возможности, умения и сил старался это сделать.

Когда встал вопрос об использовании в публикациях документов ЦПА, то надо было получить разрешение на это от архива. Вновь иду к зав. сектором, она мне говорит, что может дать разрешение лишь на глухие ссылки (а глухую ссылку невозможно проверить, она наводит на подозрение в отношении автора), что полную ссылку на документы ЦПА нельзя делать. А в это время вышла книга болгарского исследователя Д. Мичева по сходной с моей тематике, в которой были открытые ссылки на ЦПА. Зав. сектором всплеснула руками: он нас обманул, мы разрешили ему делать ссылки на наши документы при условии, что он их переведёт на фонды ЦПА БКП. Но в результате я, наконец, получил разрешение в своих публикациях и диссертации делать

открытые ссылки на фонды ЦПА. Болгарский исследователь оказал мне братскую помощь!

Должен отметить, что меня всегда больше интересовала история XX века, а не античность и средневековье, хотя считаю, что без знания важнейших моментов истории этих эпох нельзя глубоко разобраться в проблемах новейшей истории. Поэтому старался следить за новыми публикациями по различным периодам отечественной и зарубежной истории.

Что касается выбора конкретной темы для исследовательской работы, то я никогда не мог на долгие годы сосредоточиться на какой-то одной проблеме и заниматься только ею. Поэтому у меня получился довольно большой разброс тематики исследований: декабристы, ПДПС, МОПР, история российских университетов, интеллигенция, партия социалистов-революционеров, биографии Мартова и Чернова, история спорта. У меня наступает, по мере вхождения в тему, такой момент, когда я считаю, что в данной проблеме достаточно разобрался, а дальше пойдут только количественные накопления. Поэтому надо завершать работу по этой проблеме и переходить к другой, которая мне ещё мало знакома. При этом возможна иногда одновременная работа по нескольким темам, это может давать даже стимулирующий эффект.

Конечно, желательно, чтобы сделанное тобой не оставалось в ящике письменного стола или в компьютере, а было опубликовано, стало доступным заинтересованным людям. В современных условиях каждый автор имеет возможность, если не напечатает свой труд, то поместить его на сайте. В советские времена таких возможностей не было, отсюда стремление к публикациям. Мне в какой-то степени повезло, так как почти всё, что я писал в те годы, удавалось опубликовать. Но когда я сравниваю количество опубликованного мною за 30 лет советского периода и 20 лет постсоветского, то разница большая: в постсоветский период публикаций намного больше. Появилось большое количество новых журналов, периодических сборников, в которых можно поместить результаты своих исследований. Кроме того, наличие персональных компьютеров позволяет гораздо быстрее и качественнее готовить публикации.

Должен сказать, что у разных представителей исторической науки свой подход к научной работе и, в частности, к методике написания статей и монографий. Одни привыкли работать систематически и считают для себя обязательным писать буквально ежедневно. Другие могут долго обдумывать будущий текст, а потом сесть за стол и быстро записать продуманное. Блестящим примером первого типа является профессор Николай Алексеевич Троицкий, который старается ежедневно написать по 3 страницы текста. Такая систематическая работа обеспечила то, что из-под его пера вышло 40 книг и сотни

статей, способствовала выработке собственного стиля изложения результатов исследований. Я искренне завидую Николаю Алексеевичу, пытаюсь следовать его примеру, но хватает меня всего на несколько дней. Гораздо чаще я долго не могу приступить к работе над текстом, но когда поджимают сроки представления рукописи, могу за несколько дней написать большую статью, а за два-три месяца – солидную по объёму монографию. Мне нужно, чтобы текст почти полностью созрел у меня в голове и наступило такое состояние, когда уже откладывать написание нельзя или некуда.

Подводя некоторые итоги своей жизни, задаю себе вопрос, кем же я все-таки был: учёным, преподавателем, воспитателем, популяризатором? Ответить на этот вопрос не просто. Но я точно знаю, что не могу считать себя учёным. Мне

кажется, что настоящих историков-учёных единицы, не все академики и члены-корреспонденты РАН таковыми являются. Учёный – это человек, создающий в науке что-то новое, опровергающий своими трудами привычные представления. Если брать средневековые сравнения (а университет вырос из средневековой корпорации), то настоящий учёный, прежде всего, Мастер, глава научной школы, а все остальные – только подмастерья, в лучшем случае самостоятельные ремесленники.

Думается, что таким историкам, как я, более всего подошёл бы довольно распространённый в XVIII–XIX вв. термин «просветитель». Свои заслуги я вижу в том, что кого-то заинтересовал историей, кому-то помог определиться с выбором темы исследования, с написанием диссертации.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

**Рецензия на книгу Я. Н. Рабиновича «Порхов в Смутное время»
(Саратов: ИЦ «Наука», 2013. 128 с.)**

История малых городов России на сегодняшний день становится все более привлекательной для профессиональных исследователей, краеведов-любителей и просто тех, кто не равнодушен к истории своего края. Это, фактически, поиск информации о своих предках – восстановив историю семьи, в лучшем случае до 6–7 колена, человек ассоциативно переходит на более раннюю историю родной местности в целом. Уже только это придает особую значимость увидевшей свет в текущем году книги кандидата исторических наук Якова Николаевича Рабиновича «Порхов в Смутное время».

Может показаться удивительным на первый взгляд, почему именно в Саратове было написано и опубликовано исследование, посвященное северному русскому городу? Но объяснение вполне логичное. История малых городов Северо-Запада России (Новгородская и Псковская земля), русско-шведские отношения в конце XVI – первой половине XVII века входят в сферу научных интересов Якова Николаевича, защитившего кандидатскую диссертацию по данной проблематике. «Порхов в Смутное время» – уже третья монография этого кропотливого ученого. Первые две также были посвящены малым городам Севера – Гдову и Старой Руссе (обе книги – В. Новгород, 2011). Помимо этого, автором опубликованы еще 58 статей в научных журналах и сборниках.

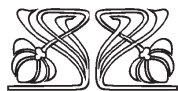
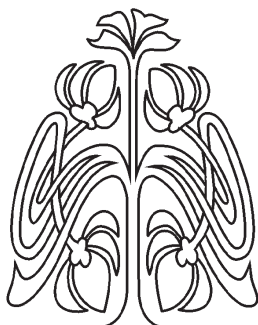
История русского Севера – особо острый вопрос для России в условиях Смуты. В то время, когда польский король Сигизмунд III перешел к открытой интервенции (только наивные бояре в московском правительстве до последнего не могли поверить в лживый характер его обещаний), северные территории попали в сферу интересов шведского короля Карла IX, а затем его сына и преемника Густава II Адольфа.

Обещания прислать на царство одного из своих сыновей, крестить в православную веру и установить мир и порядок в Русском государстве (аналогично Сигизмунду III) способствовали подписанию русско-шведского договора всем Новгородским государством. Однако территориальные притязания шведов на этом не закончились.

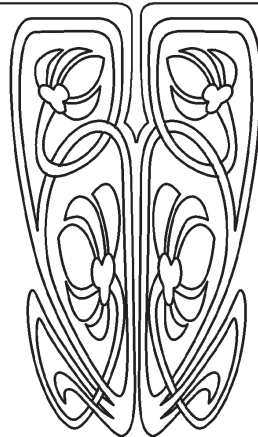
В то же время в период междоусобицы и складывания народных ополчений на севере появился еще один самозванец, известный как Лжедмитрий III, или «Псковский вор», собрал свое войско, что тоже осложнило и без того непростую обстановку в пограничных городах.

О том, как дальше развивались события в 1613–1617 годах в отдельно взятом городе, попавшем в самый эпицентр событий, и повествует в своей книге Я. Н. Рабинович. Собрав по крупицам разрозненные свидетельства, исследователь воссоздал военные действия, связанные с захватом Порхова, государственную политику и характер управления местной властью, обеспеченность и численность гарнизона Порховской крепости. Кроме того, используя биографический метод, автор предложил свой алгоритм изучения биографий второго плана, что помогло воссоздать образ помещиков Порховского уезда.

Обычно в краеведческой литературе мы встречаемся с главной проблемой – сведения о ранней истории городов, к которой относятся и XVII век, весьма отрывочные. Это связано с плохой сохранностью источников в связи с гибелью большого количества документов, а также, возможно, с отсутствием зачастую у краеведов профессионального подхода к оценке информации. Это заключается в буквальном переписывании друг у друга, как считается, «общеизвестной и общепринятой информации», хотя на чем основан данный общепринятый факт и кто его впервые привел, – об этом имеется смутное представление. Часто и ошибки, и опiski получают статус незыблемости.

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

С этим и пришлось столкнуться в процессе своего исследования Я. Н. Рабиновичу. В данной научной монографии перед нами яркий и показательный пример кропотливой, профессиональной работы, тщательного анализа сохранившихся свидетельств, сопоставительной критики. Все это повышает репрезентативность исследования. Для построения своего повествования автор привлек большой массив как опубликованных, так и неопубликованных источников из архива Швеции (ГАШ) и Москвы (РГАДА). Сопоставлены данные разных видов документов: нарративные (летописные памятники, записки иностранцев о России), делопроизводственные (разрядные книги, боярские списки, акты), дипломатическая переписка.

Книга снабжена иллюстрациями – это карты, отображающие военные действия в Смуту, расположение близлежащих населенных пунктов региона, план-реконструкция Порховской крепости, имеется именной указатель и, что особенно ценно, в приложении опубликованы тексты документов, непосредственно относящихся к Порхову. Это как

переиздание уже опубликованных документов, но ставших библиографической редкостью, так и новые источники, публикуемые впервые из состава так называемого «Оккупационного архива», вывезенного шведами из Новгорода после заключения Столбовского мирного договора.

Дискуссионным продолжает оставаться главный принципиальный вопрос современной историографии: как же все-таки следует оценивать события Смуты на Севере страны – как шведскую интервенцию или шведско-новгородский альянс? Яков Николаевич не дает точного ответа, употребляя в тексте оба эти выражения. Да, в изучении Смуты остается еще много «неответченных» вопросов.

*И. О. Тюменцев,
директор Волгоградского филиала РАНХиГС,
доктор исторических наук, профессор,
Н. В. Рыбалко,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Волгоградского государственного университета*

Рецензия на книгу С. В. Лёвина «Судьба земского статистика» / под ред. Н. А. Троицкого (Саратов : Изд-во «Новый проект», 2012. 220 с.)

Земская статистика – одно из малоизученных направлений хозяйственной деятельности земства. Между тем данными земских статистических работ пользовались как правительственные учреждения, губернские администрации, земские гласные, так и агрономы, экономисты, историки, социологи, публицисты. Материалы земской статистики продолжают оставаться ценным источником по социально-экономической истории России пореформенного периода.

В подавляющем большинстве случаев земскими статистиками становились бывшие участники народнического движения второй половины 1870-х гг. Отойдя, по разным причинам, от революционного движения, они нашли своё призвание в земской службе, в которой видели возможность «служения народу», к чему так стремились. Одним из представителей земской интеллигенции, посвятившим себя земской службе «по статистической части», был С. А. Харизоменов. Его научной биографии нет, поэтому вышедшая монография С. В. Лёвина представляет своевременной и восполняет этот пробел. Автор рецензируемой работы опирается на широкую источниковую базу, состоящую как из опубликованных, так и архивных документов. Целый ряд архивных материалов вводится в научный оборот впервые, в частности, документы Балашовского филиала Государственного архива Саратовской области и личных архивов А. И. Климова и В. Г. Мирнова. Несомненным достоинством проведенного исследования является использование широкого спектра разноплановой научно-исследовательской литературы.

Рассматривая участие С. А. Харизоменова в освободительном движении 1870-х гг., С. В. Лёвин убедительно доказал его авторство первой редакции программы «Земли и воли» и тамбовского землевольческого поселения, осветил, насколько позволили использованные источники и литература, практическое участие С. А. Харизоменова в двух саратовских землевольческих поселениях. Среди своих товарищей он заслуженно пользовался неизменным уважением. «У него, – вспоминал Л. Г. Дейч, – имелись все данные, чтобы стать выдающимся революционером – большая сила воли, глубокая преданность народным интересам, ум, образование, настойчивость, такт»¹. Обращает на себя и тот факт, что С. А. Харизоменов не только ни разу не был арестован или задержан, но даже его настоящая фамилия Департаменту полиции осталась неизвестной (с. 58, примеч., с. 189). По мнению автора, С. А. Харизоменов отошёл от освободительного движения из-за неприятия террора, как средства политической борьбы с правительством. Интересным, хотя отнюдь не бесспорным, представляется вывод С. В. Лёвина об эволюции общественно-политических взглядов С. А. Харизоменова к началу XX столетия на позиции либерализма. Этот вывод автор монографии сделал на основе анализа последних работ С. А. Харизоменова, написанных в начале 1900-х гг. В них открыто осуждалось революционное движение и социал-демократическое учение. Подводя итог участию С. А. Харизоменова в освободительном движении, С. В. Лёвин приходит к выводу, что «он всегда занимал умеренные позиции» (с. 189).

Значительное место в книге отведено анализу экономических взглядов С. А. Харизоменова, его трудам по кустарной промышленности. Изучая кустарные промыслы наиболее развитых в промышленном отношении центральных губерний, он пришёл к выводу, что здесь преобладала такая форма кустарной промышленности, как «домашняя система крупного производства», которая, по его глубокому мнению, представляла собой уже капиталистическое производство. С. А. Харизоменов первым среди исследователей кустарных промыслов предпринял попытку классификации кустарей, взяв за основу их отношение к земледелию. В результате были выделены следующие группы кустарей: богатые промышленники, среднезажиточные и бедные. Представители последней группы часто разорялись и переходили в разряд наёмных рабочих. С данной классификацией соглашалось большинство экономистов, исследователей кустарной промышленности; её использовал в своей работе «Развитие капитализма в России» и В. И. Ленин². Надо заметить, В. И. Ленин часто в своих трудах обращался к статистико-экономическим исследованиям С. А. Харизоменова, давая им высокую оценку, считая их объективными и достоверными. Исследования кустарных промыслов С. А. Харизоменова использовали в своих работах многие видные экономисты, статистики, социологи и общественные деятели того времени.

В монографии показан вклад С. А. Харизоменова в развитие теории и практики земской статистики. Он первым среди земских статистиков охарактеризовал методологию составления комбинационного табличного приёма обработки первичного статистического материала и его последующей группировки. Данный приём широко использовался на практике почти всеми земскими статистическими отделами, существовавшими при губернских земских управах. Он базировался на сочетании (комбинации) разных признаков, наиболее характерных для каждого крестьянского двора, что давало более полную картину экономического состояния крестьянских хозяйств того или иного региона в целом. С. А. Харизоменов совместно с другим земским статистиком К. А. Вернером разработал методологию составления групповых таблиц, в которые сводился цифровой материал при группировке его по однородным в хозяйственном отношении крестьянским хозяйствам, и первым среди земских статистиков выступил с идеей использования в статистике метода математического анализа, которая, однако, не была поддержана его коллегами. Лишь четверть века спустя к ней обратился один из корифеев земской статистики А. А. Кауфман, указавший на настоятельную необходимость применения «математического анализа, как принципиальной основы статистической теории» при обработ-

ке статистического материала³. По мнению З. М. Свавицкой, идея С. А. Харизоменова обогнала своё время⁴.

Несомненный интерес представляет архивная и историко-краеведческая деятельность С. А. Харизоменова в составе Саратовской губернской учёной архивной комиссии, действительным членом которой он являлся с 1887 г. «В этой области – пишет С. В. Лёвин – он также выступил новатором, предложив практическое использование данных по сельскому хозяйству, содержащихся в архивных документах прошлых лет» (с. 194). С. А. Харизоменов один из первых среди саратовских краеведов стал широко использовать устные источники, считая, что при объективном и критическом к ним подходе они «могут оказать большую помощь при изучении исторического прошлого края» (с. 194). Не будет преувеличением назвать изучение историко-краеведческой деятельности С. А. Харизоменова серьёзным вкладом в саратовское краеведение.

Автор монографии, как нам представляется, удачно сочетает анализ статистических трудов С. А. Харизоменова с его работами историко-краеведческой направленности и это не случайно, поскольку свои главные статистические исследования он провёл в Саратовской губернии. Практическая деятельность С. А. Харизоменова в должности заведующего статистическим отделом при Саратовской губернской земской управе оказалась весьма плодотворной: под его руководством завершилось статистическое обследование губернии, начатое его предшественником Л. С. Личковым.

Наряду с несомненными достоинствами работы нельзя не высказать некоторых замечаний. На наш взгляд, эволюция общественно-политических взглядов С. А. Харизоменова представлена недостаточно аргументированно. Нельзя согласиться с утверждением автора, что предложенный С. А. Харизоменовым метод оценки почв по «доходу, выраженному в денежной арендной плате, получаемой с оцениваемой земли...», являлся более продуктивным, чем метод известного почвовед профессора В. В. Докучаева (с. 148–150). Интересным, но спорным, представляется вывод С. В. Лёвина о том, что С. А. Харизоменова, как и других заведующих статистическими отделами при губернских земских управах, «правильнее относить не к “третьему”, а ко “второму” (буржуазно-либеральному) земскому элементу» (с. 176). Данный вывод сделан на основе анализа имущественного положения руководителей земских статистических отделов, но без указания на временные периоды. К сожалению, в работе приводится мало сведений о последних годах жизни С. А. Харизоменова. Думается, книга только бы выиграла от более качественной его фотографии с указанием места и года, когда она была сделана, а также откуда взята.

Высказанные замечания представляют лишь дополнения и пожелания, которые никоим образом не снижают научной значимости проведённого исследования. Монография С. В. Лёвина заслуживает высокой оценки как по основательности использования исторических источников и научно-исследовательской литературы, так и по уровню аналитичности. Все выдвигаемые положения исследователь тщательно аргументирует, опираясь на широкую источниковую базу, что придаёт работе фундаментальный характер. Её с полным основанием можно считать серьёзным научным исследованием, восполняющим некоторые пробелы в изучении социально-экономической истории пореформенной России.

Примечания

- ¹ Дейч Л. Г. Чёрный передел // Историко-революционный сборник : в 2 т. / под ред. В. И. Невского. Л., 1924. Т. 2. С. 301.
- ² См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 3. С. 272–273.
- ³ См.: Кауфман А. А. Теория статистики в её принципиальном обосновании // Русская мысль. 1909. Кн. 10. С. 98–108.
- ⁴ Свавицкая З. М. Московский университет и земская статистика // Очерки по истории статистики СССР : сб. статей. М., 1957. № 4. С. 77.

*А. П. Мякишев,
доктор исторических наук,
профессор кафедры историографии,
региональной истории и археологии
Саратовского государственного университета*

PERSONALIA

И. Д. ПАРФЕНОВ. СУДЬБА ИСТОРИКА

Н. С. Креленко

Саратовский государственный университет
E-mail: krelenko@mail.ru

I. D. Parfenov. Life of Historian

N. S. Krelenko

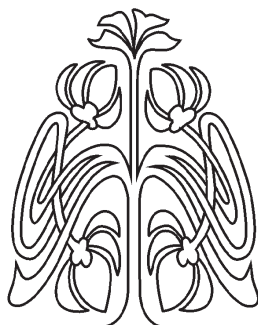
Из памятных событий 2013 года особое значение для кафедры истории нового и новейшего времени имеет юбилей И. Д. Парфенова, заведовавшего кафедрой почти тридцать лет. 24 мая 2013 года в Институте истории и международных отношений СГУ состоялись научные чтения, посвященные памяти И. Д. Парфенова.

Игорь Данилович Парфенов родился 6 мая 1938 года, а значит, в 2013 году ему исполнилось бы 75 лет. Его судьба была прочно связана с истфаком СГУ. После окончания средней школы он поступил на истфак, специализировался по кафедре истории нового и новейшего времени у Алевтины Федоровны Остальцевой¹. Тема его дипломной работы была посвящена британскому колониализму. Стоит отметить, что в те годы сотрудники кафедры занимались преимущественно историей международных отношений. Интерес к колониальной проблематике тогда был повышенный. На дворе стоял 1960 г., год, знаменовавший завершение периода старого, «классического» колониализма, на глазах рушились колониальные империи и среди них самая могущественная Британская.

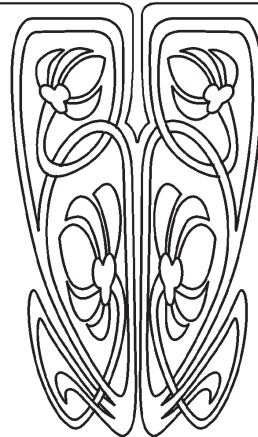
В 1961 г. при кафедре истории нового и новейшего времени открылась аспирантура, и Парфенов прошел по конкурсу в аспирантуру к А. Ф. Остальцевой. Алевтина Федоровна умела выбрать тему, чтобы озадачить учеников всерьез и надолго. По словам Парфенова: «она подобрала мне тему диссертации очень удачно – на всю жизнь я остался специалистом по истории английского колониализма»², только с течением времени охват проблемы становился шире и многограннее. Кандидатская диссертация «Неоколониальная политика лейбористского правительства Англии в 1945–1951 гг.» была защищена в Пермском университете в 1965 г. Содержание работы нашло отражение в монографии³. Первым оппонентом выступил англовед профессор Лев Ефимович Кертман. Игорь Данилович отмечал, что ему везло на наставников, хороший оппонент – это своего рода наставник.

После этого докторская диссертация «выросла сама собой», и когда были написаны две монографии о «третьей Британской империи»⁴, Николай Александрович Ерофеев, крупнейший в то время специалист по истории Великобритании Нового времени, посоветовал защищать докторскую диссертацию. Защита состоялась в марте 1982 г. в Диссовете при Институте всеобщей истории АН СССР. Оппонентами выступили академик С. Л. Тихвинский (востоковед), доктора наук Н. А. Ерофеев (англовед) и К. Б. Виноградов (специалист по историографии и истории международных отношений). Такой состав оппонентов свидетельствует, что диссертация «прошла экспертизу на высшем уровне»⁵.

Разные аспекты проблематики истории английского колониализма были изучены Парфеновым очень основательно. В первой из «предзащитных» монографий «содержалась систематизация и обобщение современного на тот момент состояния имперских и колониальных исследований в зарубежной и советской историографии, что само по себе было делом полезным и более чем нужным»⁶.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В других работах внимание автора было сосредоточено на объяснении причин и мотивации колониальной экспансии, анализе взаимосвязи между процессами, происходившими в метрополии и их проекции на колониально зависимые территории, показаны движущие силы, формы и методы⁷. В ряде монографий и статей дается более широкое, чем принято в литературе, определение понятия «колониальная экспансия». Автор сформулировал собственную точку зрения о мотивах и движущих силах экспансии. С конца 80-х годов профессор Парфенов принимал активное участие в дискуссии об исторической роли колониализма вообще и английского в частности. Он выступил против однозначно негативной оценки этого феномена, восприятия его только в мрачно-темных или лучезарно-цивилизаторских тонах. Такой сложный феномен, как колониализм, невозможно оценить однозначно: его результаты были противоречивы.

Колониальная тематика подвела ученого к новому аспекту – взаимодействие цивилизаций, трансляция культур, образ «другого» в межкультурном диалоге. Новые возможности открывает современный подход к истории колониализма как результата межкультурных контактов, трансляции культур Востока и Запада⁸. Этот новый в отечественной историографии подход оказался очень плодотворным и перспективным. Творческий коллектив во главе с И. Д. Парфеновым дважды получал грант на исследование данной проблемы, отнесенной РАН к наиболее перспективным исследованиям.

Особый интерес историк уделял проблемам методологии истории, а эти проблемы в годы болезненного и иногда неоправданно радикального отказа от всех наработок предшествующих десятилетий стояли очень остро⁹. Неслучайно последнюю свою большую работу он посвятил рассмотрению этих проблем¹⁰. Всего опубликовано им более 60 работ, среди них 5 монографий и 2 учебника, в том числе «Основы исторической библиографии» (М.: Высш. шк., 1990).

Сколько аспирантов и докторантов подготовил Парфенов? Формально – девятнадцать. Однако ответить на этот вопрос однозначно неправильно, потому что не все те, кому помогал он с написанием диссертации, числились его учениками. Как научный руководитель, он постоянно ссылался на то, что продолжает традиции А. Ф. Остальцевой. В частности, любил повторять, что при написании работы надо уметь «резать», и если при взгляде на текст можно безболезненно опустить тот или иной абзац и это не разрушит смысла целого, значит, надо отбросить этот кусок.

Он умел уважать предшественников и учил этому других, к тому же у него выработался собственный почерк. Руководимый им соискатель обречен был на успешную защиту. Если нерадивый аспирант (или докторант) пытался «залечь на дно», Игорь Данилович не давал ему (или

ей) прохода, пока не получал очередной порции текста. Получив искомое, быстро (с точки зрения руководимого слишком быстро) вычитывал текст (причем скрупулезно, внимательно), делал замечания и рекомендации и требовал следующей порции. Обычно очень деликатный, Парфенов становился неотвратимым как рок, возникал внезапно и неожиданно. Самое удивительное заключалось в том, что он не навязывал ни собственного видения проблемы, ни собственной манеры подачи материала. Работа всех его подопечных сохраняла индивидуальность автора, его почерк, его позицию. Он не считал собственную позицию истиной в последней инстанции и умел принять чужую точку зрения (если таковая имелась). А если не имелась, старался достучаться до глубин сознания и подвести автора к тому, что он собственно хотел сказать. Самое интересное, что в последнем случае Игорь Данилович был искренне убежден, что просто помог сориентироваться.

Во всем, что делал Парфенов, проявлялась редкая форма честности, спроецированная не на себя, а тех, кто его окружал. Кафедра, Диссовет, факультет должны были быть в лучшем виде, самыми-самыми, какие позволяли скромные возможности рядового учебного подразделения, никогда не имевшего покровителей и меценатов. «Ему было свойственно непотребительское отношение к людям»¹¹.

Практически всю жизнь работал в университете (ведь год в Научке – это в рамках той же alma mater), а далее на кафедре истории нового и новейшего времени в качестве аспиранта, ассистента, затем старшего преподавателя и доцента. С 1973 года стал заведующим кафедрой, сначала в должности доцента, а с 1983 г. как профессор. Четверть века Парфенов являлся редактором научного сборника «Новая и новейшая история», и девятнадцать выпусков этого научного сборника регулярно выходили в свет в самые сложные, неблагоприятные для издательской деятельности времена. Долгие годы выполнял Парфенов обязанности председателя Диссертационного совета по истории в СГУ. В 1988 г., несколько неожиданно для него самого, он был избран деканом исторического факультета и успешно работал на этом посту до 1999 г.

Читал курсы по Новейшей истории стран Азии и Африки (а в случае необходимости по новой истории восточных регионов), по истории мировой исторической науки, методологии истории, вел спецсеминар по истории колониализма. Поощрял разработку новых нетрадиционных по подходу и избранному материалу лекционных курсов, спецсеминаров. И мог дать дельный совет практически по любой теме. Именно в годы его деканства появились новые направления в учебной деятельности, новые отделения новая печально-неизбежная коммерческая форма обучения.

Думается, что секрет успеха профессора, заведующего кафедрой, декана И. Д. Парфенова

заклучался, помимо достоинств ученого и администратора, в присущем ему артистизме. Профессор, выходящий на сцену не только для того, чтобы сказать нечто мудрено-ученое, но чтобы исполнить на пару с коллегой по театру миниатюр «Хор истфака СГУ» или прочитать рассказ М. Зошенко. Будучи сам человеком остроумным, артистичным и ироничным, он рассчитывал на наличие подобных качеств у других людей.

Когда вздыхаем о тяготах нынешних времен, как-то забывается, что легких времен никогда не было. Только способность с юмором воспринимать происходящее позволяло Парфенову и руководимому им подразделению сохранять жизнестойкость в «лихие 90-е». А потом был переезд в «другой» корпус из привычной, обустроенной тесноты исконного истфака на Радищева. За два последующих года несколько знаковых фигур факультета ушли из жизни. 2 декабря 2001 г. умер И. Д. Парфенов.

Своеобразие личности И. Д. Парфенова отразилось на структуре и содержании, посвященных его памяти научных чтений. Те, кто знал Парфенова, кто его учил и у него учился, кто были его коллегами по учебной работе и участию в университетской художественной самодеятельности, рассказывали о нем как о талантливом ученом, внимательном руководителе и наставнике, блестящем актере и режиссере, остроумном человеке. Когда участники чтений перешли к научным докладам, почти каждый выступавший вспоминал то или иное высказывание Игоря Даниловича, связанное с озвучиваемой докладчиком темой. Широкая проблематика научных чтений («Человек и его мир: история, историография, методология») соответствовала широте научных интересов самого профессора Парфенова и той группы коллег, которая сложилась в свое время вокруг него. Наряду с проблемами истории колониализма, были представлены доклады по истории общественной мысли, бытовой и «высокой» культуры, политических и интеллектуальных движений. Кроме саратовских историков в «чтениях» приняли участие ученые из других городов.

Примечания

- ¹ Остальцева Алевтина Федоровна (1902–1980), выпускница Института красной профессуры, специалист по Новой истории, работала на истфаке СГУ с 1955 г., в 1963 г. защитила докторскую диссертацию и стала первым профессором по кафедре истории нового и новейшего времени. В 1970–1973 гг. заведовала кафедрой. Наиболее значимая ее работа «Англо-русское соглашение 1907 года» (Саратов, 1977).
- ² Сорок три года на истфаке. Беседа с профессором Игорем Даниловичем Парфеновым // Новая и новейшая история : межвуз. сб. Вып. 17. Саратов, 1988. С. 5.
- ³ *Парфенов И. Д.* Английские лейбористы и колониализм. Саратов, 1969.
- ⁴ Англия и раздел мира в последней трети XIX века : проблемы историографии. Саратов, 1978 ; Монополия и империя. Саратов, 1980.
- ⁵ Сорок три года на истфаке. Беседа с профессором Игорем Даниловичем Парфеновым. С. 7.
- ⁶ *Дронова Н. В.* Игорь Данилович Парфенов и его школа // Историк и общество : отечественное англоведение 1917–1991 гг. ; Академклуб : исторические науки. Вып. 5. М., 2008. С. 117.
- ⁷ *Парфенов И. Д.* «Белые пятна» в истории колониализма // Общественные науки и современность. 1990 № 1. С. 171–176 ; *Парфенов И. Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века : движущие силы, формы и методы. М., 1991 ; *Парфенов И. Д.* Колониализм в Африке проблемы историографии и методологии. Саратов, 1996 (в соавт. с М. Никитиным).
- ⁸ *Парфенов И. Д.* Об исторической роли колониализма : проблемы историографии // Новая и новейшая история : науч. сб. Саратов, 1991. Вып. 13. С. 48–68.
- ⁹ *Парфенов И. Д.* Заметки о современных методах исторического исследования // Новая и новейшая история : науч. сб. Саратов, 1998. Вып. 17. С. 19–36.
- ¹⁰ *Парфенов И. Д.* Методология исторической науки. Саратов, 2001.
- ¹¹ *Дронова Н. В.* Игорь Данилович Парфенов и его школа. С. 121.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврус Анатолий Ихильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: a.avrus@mail.ru

Барышева Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки» Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова. E-mail: kseny1974@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ybartho@mail.ru

Гальперина Юлия Сергеевна, аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: galperinajulia@mail.ru

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: a.a.german@mail.ru

Дербенев Андрей Сергеевич, аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Запада и Востока Московского педагогического государственного университета. E-mail: istfak_x_chelovek@rambler.ru

Костяев Эдуард Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А. E-mail: edikost@bk.ru.

Креленко Наталия Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: krelenkon@mail.ru

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: majorova-as@mail.ru

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: mezinsa@mail.ru

Моисейченко Любовь Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: moisejchenkoLA@mail.ru

Морозов Сергей Михайлович, аспирант кафедры истории

нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tenros@nextmail.ru

Мосолкин Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Отечества и культуры социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А. E-mail: mosolkinsv@mail.ru

Мякшев Анатолий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: myakshev@mail.ru

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социокультурных основ образования Саратовского государственного университета. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Рыбалко Наталия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, докторант Волгоградского государственного университета. E-mail: rybalko_n@mail.ru

Соловьева Татьяна Андреевна, аспирант кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: civilrus@mail.ru

Сулейманов Алим Видадиевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: alim-suleymanov@mail.ru

Троицкий Николай Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: izdat@sgu.ru

Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, директор Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: rector@vags.ru

Шалаева Надежда Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки» Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова. E-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Шуваев Денис Андреевич, кандидат исторических наук, доцент Первого Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avrus Anatoly Yhilevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: a.avrus@mail.ru

Barysheva Anna Dmitrievna, a History PhD, a senior lecturer of the chair of "Social and Human Sciences" of Vavilov Saratov State Agrarian University. E-mail: kseny1974@mail.ru

Derbenev Andrei Sergeyevich, postgraduate student of the chair of Modern and Contemporary History of Western and Eastern Countries of Moscow State Pedagogical University. E-mail: istfak_x_chelovek@rambler.ru

Galperina Yulia Sergeevna, postgraduate student of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galperinajulia@mail.ru

German Arkady Adolfovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: a.a.german@mail.ru

Kostyaev Eduard Valentinovich, a History PhD, a senior lecturer of the History of Russia and Culture chair of Saratov State Technical University. E-mail: edikost@bk.ru.

Krelenko Natalia Stanislavovna, D. Sc. (History), Professor, Head of Modern and Contemporary History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: krelenkon@mail.ru

Mayorova Alla Stepanovna, History PhD, a senior lecturer of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mayorova-as@mail.ru

Mezin Sergey Alekseevich, D.Sc. (History), Professor, Head of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mezinsa@mail.ru

Moiseychenko Luybov Alekseevna, History PhD, a senior lecturer of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: moiseychenkoLA@mail.ru

Morozov Sergey Michaylovich, a postgraduate student of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of history and international relations of Saratov State University. E-mail: tenros@nextmail.ru

Mosolkin Sergey Valerievich, a History PhD, an assistant of the History of Russia and Culture chair of Saratov State Technical University. E-mail: mosolkinsv@mail.ru

Myakshev Anatoliy Pavlovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of Historiography, Regional history and Archaeology in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: myakshev@mail.ru

Pozdnyakov Alexander Nikolaevich, D.Sc. (History), Professor of the Department of Sociocultural Foundations of Education of Saratov State University. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, documentologists of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Rybalko Natalia Vladimirovna, a History Ph.D., a senior lecturer of the History of Russia chair of Volgograd State University. E-mail: rybalko_n@mail.ru

Shalaeva Nadegda Vladimirovna, a History PhD, a senior lecturer of the chair of «Social and Human Sciences» of Saratov State Agrarian University. E-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Shuvaev Denis Andreevich, a History Ph.D., a senior lecturer of the First Tambov branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation. E-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

Soloviova Tatiana Andreevna, the postgraduate student of the chair of Russian civilization and methods of teaching History in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: civilrus@mail.ru

Suleymanov Alim Vidadievich, Politics PhD, senior lecturer of the chair of East languages and lingvocultural science of Nizhni Novgorod State University. E-mail: alim-suleymanov@mail.ru

Troitsky Nikolay Alekseevich, D. Sc. (History), Professor of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: izdat@sgu.ru

Tyumentsev Igor Olegovich, D. Sc. (History), Professor, Director of Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: rector@vags.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich, D. Sc. (History), Professor of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ybartho@mail.ru

Подписка на I полугодие 2014 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

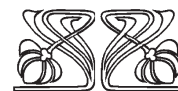
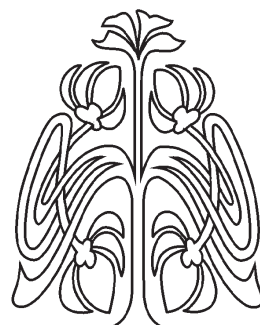
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

